

БІБЛІОТЕКА
ГО ТОВА. ІМ. ШЕВЧЕНКА
у Львові.

938

Handwritten:
Значення

БІБЛІОТЕКА
НАУКОВОГО ТОВАРИСТВА
імені
ШЕВЧЕНКА
У ЛЬВОВІ.

774315

Ч.

• 111111

УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ.

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.

Статьи: В. Б., С. Б., С. А. Ефремова, О. Бѣлоу-
сенко, Ф. П. Матушевскаго, проф. Н. И. Петрова,
А. Θ. Саликовскаго, П. Смутка и П. Я. Стебницкаго

подъ редакціей **А. Θ. Саликовскаго.**

Льв. ест.-уч. ин-т 1949г.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

КІЕВЪ.

T3(2YK/443+T3(2YK/41143

Отъ редакціи.

Этотъ сборникъ составленъ преимущественно изъ статей, предназначенныхъ для послѣдней книжки журнала „Украинская Жизнь“, которая должна была выйти еще въ концѣ 1917 года. Большевизмъ и гетманщина, съ сопровождавшими ихъ пертурбаціями, разбивали всѣ планы и предположенія редакціи, задерживая работу по печатанію и выпуску книги, и окончательно убѣдили насъ въ томъ, что при современной разрухѣ правильное изданіе ежемѣсячнаго журнала вообще является дѣломъ невозможнымъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, однако, событія послѣдняго времени съ очевидностью показали, до какой степени великорусскіе и руссифицированные элементы нашего общества и теперь еще далеки отъ знакомства съ вопросами національной украинской жизни и отъ ихъ пониманія и какъ, поэтому, необходимы сейчасъ органы на русскомъ языкѣ, посвященные украинству во всѣхъ его проявленіяхъ. Это привело къ выводу о желательности продолжать въ Кіевѣ изданіе „Украинской Жизни“, хотя бы въ видѣ отдѣльных неперіодическихъ сборниковъ.

Первый такой сборникъ мы предлагаемъ вниманію читателей, слѣдующій-же надѣмся выпустить чрезъ 3—4 мѣсяца. Для него намъ обѣщаны статьи, посвященныя очереднымъ вопросамъ украинской общественности, государственности и культуры. Въ томъ же сборникѣ мы рассчитываемъ дать мѣсто очерку изъ исторіи московскаго періода „Украинской

Жизни“, относящемуся къ 1913—1915 гг., когда во главѣ редакціи журнала стоялъ С. В. Петлюра.

Редакціонная коллегія сборниковъ „Украинской Жизни“ остается въ общемъ та же, какая была при существованіи ежемѣсячника подъ этимъ названіемъ.

Редакція.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Выпускаемъ послѣднюю книжку „Украинской Жизни“. Выпускаемъ ее при обстоятельствахъ, кореннымъ образомъ измѣнившихся по сравненію съ тѣми, при которыхъ намъ пришлось начать свою работу и вести ее въ теченіе шести лѣтъ. Эти-то измѣнившіяся обстоятельства главнымъ образомъ и привели насъ къ убѣжденію, что „Украинская Жизнь“ худо ли, или хорошо, но свое дѣло сдѣлала, и теперь редакціи остается сказать: „нынѣ отпускаеши“.

„Нашъ журналъ,—такъ писали мы въ первой книжкѣ „Украинской Жизни“,—ставитъ своей задачей служеніе національнымъ интересамъ одного изъ самыхъ многочисленныхъ славянскихъ народовъ—украинскаго... „Украинская Жизнь“... главной своей цѣлью ставитъ ознакомленіе русскаго общества и русской прессы съ національными интересами малорусскаго племени, съ культурою украинскаго народа въ ея прошломъ и настоящемъ, съ украинскою литературой, искусствомъ и наукой, съ современнымъ состояніемъ украинскаго національнаго движенія, съ существующими въ немъ теченіями, съ очередными его запросами, чаяніями и нуждами. На-ряду съ этимъ редакція ставитъ своею цѣлью разоблаченіе и критику тѣхъ quasi-научныхъ теорій, которыя и въ Россіи, и за рубежомъ, подъ вліяніемъ отнюдь не научныхъ мотивовъ, стремятся упразднить самое украинскую національность. Не меньше вниманія редакціи придется уделять защитѣ украинскаго національнаго движенія отъ тѣхъ клеветъ и инсинуацій, которыя безпрепятственно и беззастѣнчиво сѣются представителями русскаго воинствующаго націонализма“ („Наши задачи“,— „Укр. Ж.“ 1912, I, стр. 7, 9).

Такимъ образомъ, наше изданіе ставило себѣ прежде всего и главнымъ образомъ інформаціонныя цѣли, предназначаясь исключительно для лицъ, не владѣвшихъ украинскимъ языкомъ настолько, чтобы пользоваться

украинской прессой. И въ то время, когда возникалъ журналъ, інформаціонный характеръ его дѣйствительно могъ стоять на первомъ планѣ. Существовала тогда довольно обширная и разнообразная украинская печать, которая съ различныхъ точекъ зрѣнія обслуживала запросы украинскаго общества и отражала болѣе или менѣе полно и обстоятельно возникавшіе среди него запросы, давала освѣщеніе тѣмъ или инымъ общественнымъ теченіямъ и настроеніямъ. И потому нашъ журналъ могъ избрать для себя болѣе скромную роль — не только боевого изданія, въ смыслѣ выразителя опредѣленнаго направленія, сколько спокойнаго обзрѣвателя украинской жизни, подводящаго, такъ сказать, ея итоги, дающаго освѣщеніе кореннымъ, уже достаточно опредѣлившимся потребностямъ, общимъ для всѣхъ направленій въ украинствѣ. Этимъ между прочимъ объясняется и безпартійная позиція журнала, стремившагося объединить, — и дѣйствительно успѣвшаго въ этомъ, — въ одной журнальной семьѣ представителей различныхъ теченій и направленій украинской политической мысли. Съ этой точки зрѣнія редакціи, насколько мы можемъ судить, удалось достигнуть извѣстнаго единства; благодаря стремленію останавливаться на моментахъ не разъединяющихъ, а объединяющихъ „Украинская Жизнь“ служила тѣмъ центромъ, въ которомъ встрѣчались совершенно свободно и безъ всякаго для себя ущерба и принужденія представители всѣхъ направленій, обычно даже находившихся въ антагонизмѣ. Наши сотрудники быстро усвоили, что для задачъ изданія важны не оттѣнки взглядовъ, не расхожденія по радіусамъ національной политики, а самая сущность послѣдней — правильный пунктъ ея и тѣ параллельные и во многомъ совпадающіе пути, которые являются общими для всѣхъ признающихъ національную самостоятельность украинскаго народа со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями. Это помогло „Украинской Жизни“ объединить вокругъ себя всѣ дѣйствующія украинскія силы и служить органомъ національной мысли, выразителемъ ея общихъ задачъ и стремленій.

Но рядомъ съ этой главнѣйшей задачей обстоятельства момента выдвинули и другія, расширивъ рамки жур-

нала прежде всего въ направленіи самообороны украинства.

Возникновеніе „Украинской Жизни“ совпало съ особеннымъ обостреніемъ противоукраинскаго движенія, начавшимся въ литературной сферѣ, но затѣмъ весьма стремительно перебросившимся въ область практическихъ мѣропріятій. Извѣстный походъ г. Струве, съ его приглашеніемъ къ борьбѣ противъ украинства „безъ всякихъ двусмысленностей и поблажекъ“, былъ подхваченъ господами уже чисто жандармскаго міросозерцанія, а это послѣднее нашло себѣ между прочимъ приложеніе и выходъ въ началѣ 1914 г. оригинальнѣйшимъ въ мірѣ празднованіемъ Шевченковскаго юбилея. Кругъ замкнулся: „литература“ и „практика“ встрѣтились въ дружескомъ объятіи: „Украинской Жизни“ пришлось принять на себя удары и этой, съ позволенія сказать, литературы, и таковой же практики, отражая ихъ, вскрывая сущность предпринятаго похода, разоблачая внутреннюю подоплеку реакціонныхъ поползновеній. Самооборона пріобрѣла, такимъ образомъ, значеніе до нѣкоторой степени самостоятельной задачи на-ряду съ информированіемъ о формахъ и проявленіяхъ украинскаго движенія вообще. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, какъ выполнялась эта задача. Отмѣтимъ только, что ни одинъ изъ этаповъ противоукраинскаго похода не оставался безъ отпора и соответственнаго, освѣщенія на страницахъ нашего изданія, и полемика съ представителями украиноборчества составляла поэтому значительную часть его содержанія. Было непріятно, было часто противно разбираться въ этой гнусной литературѣ и не менѣе гнусной практикѣ, но это была необходимая, по обстоятельствамъ момента, работа.

Худшее, впрочемъ, ждало насъ впереди...

Судьбѣ угодно было, чтобы наше изданіе сдѣлалось единственнымъ органомъ украинства, монопольнымъ,—хотя, конечно, и неполнымъ,—выразителемъ того отчаяннаго положенія, въ которомъ очутилась Украина и украинское движеніе съ началомъ великой европейской войны. Первой побѣдой русскаго оружія былъ, какъ извѣстно, полный разгромъ украинской печати, и мы поневолѣ остались монополистами украинской мысли, *неся всецѣло тя-*

жестъ этой тяжелой монополіи въ продолженіе почти трехъ лѣтъ, вплоть до начала великой революціи и возрожденія украинской прессы. Это была привилегія, которой едва ли можно позавидовать... Черные годы безудержной реакціи, безпросвѣтнаго мрака и побѣднаго марша торжествующаго насилія слишкомъ свѣжи въ нашей памяти, чтобы стоило о нихъ распространяться. Въ нашей исторіи, конечно, бывали хуже времена, но ужъ навѣрное не было подлѣе этого открытаго попрація всѣхъ завѣтовъ человѣчности, совершаемаго притомъ же подъ аккомпаниментъ лицемѣрныхъ возгласовъ, подъ флагомъ освободительства. Казалось, что все рушится, всѣ надежды разбиты и что насъ постигла исключительная по своимъ размѣрамъ и послѣдствіямъ національная катастрофа. Вполнѣ понятенъ былъ вопль одного изъ нашихъ старѣйшихъ сотрудниковъ, покойнаго А. А. Русова: „да полно, есть ли украинская жизнь или уже пришелъ конецъ нашему національному существованію?“ Безконечно тяжело было работать въ этой атмосферѣ полной, казалось, безнадежности, среди того невыносимаго удушья, когда слово замирало на устахъ, не доходя до читателя, а мысль отказывалась укладываться въ единственно возможную по обстоятельствамъ момента форму, лавируя среди капризовъ, изобрѣтенныхъ военнымъ положеніемъ. Какъ чувствовалось безсиліе слова въ такія минуты, когда гремѣли пушки, слышался неумолчный грохотъ разрушенія и хотѣлось буквально вопить отъ боли и оскорбленія, а между тѣмъ свой протестъ и свою боль приходилось заключать въ болѣе чѣмъ даже обыкновенно вылощенные и сухія формы! И сколько разъ приходила въ голову отчаянная мысль — бросить работу, сломать ненужное перо, слишкомъ слабое и не выражающее наиболѣе существеннаго въ тотъ моментъ, когда все покрываютъ дикіе звуки торжествующаго насилія!.. Но именно наше вынужденное одиночество и заставляло насъ стоять на своемъ посту, не складывая оружія, въ твердой увѣренности, что намъ придется въ концѣ-концовъ дождаться лучшихъ дней, освободиться отъ гнетущей монопольности и передать защиту украинскаго дѣла въ твердыя и надежныя руки воспрянувшаго отъ вѣковаго сна народа.

Нынѣ этотъ моментъ наступилъ. Наше изданіе свои задачи посильно выполнило и сдѣлалось уже ненужнымъ. Мы можемъ теперь отойти въ сторону, чтобы не отвлекать силъ, столь необходимыхъ сейчасъ въ дѣлѣ національнаго строительства. Наши задачи въ полномъ объемѣ и при условіяхъ неограниченной свободы печатнаго слова можетъ и должна воспринять на себя возродившаяся свободная украинская пресса, къ голосу которой прислушиваются въ настоящее время съ несравненно большимъ вниманіемъ, чѣмъ это было въ условіяхъ стараго режима. Въ боевой по преимуществу обстановкѣ революціоннаго времени уже не мѣсто спокойной и объективной информации, которой посвящала свои страницы „Украинская Жизнь“, какъ не мѣсто и тѣмъ методамъ борьбы, которые были выработаны въ условіяхъ „лютаго времени“ гнета и насилія. Поэтому настоящей книжкой мы и заканчиваемъ свое изданіе, прощаясь со старыми друзьями-читателями, общеніе съ которыми, при всѣхъ мукахъ и огорченіяхъ невысказанной мысли, доставляло и огромное наслажденіе именно въ сознаніи наличности такого общенія.

Да, оно было, это общеніе, это взаимодействіе редакціонной коллегіи и невѣдомаго, разбросаннаго по необозримымъ пространствамъ Россіи читателя. Выражалось оно и въ дружескихъ откликахъ, которые не переставали доноситься къ намъ изъ читательской среды, и въ той матеріальной поддержкѣ, которую получало наше скромное средствами изданіе олять-таки оттуда, изъ той же читательской кассы. Только благодаря этимъ откликамъ и этой поддержкѣ и могла редакціонная коллегія дѣлать свое дѣло, черпая въ нихъ силы и увѣренность въ настоятельнѣйшей необходимости самаго дѣла. Съ гордостью можемъ заявить теперь, что нашъ журналъ былъ истымъ дѣтищемъ не только тѣсной редакціонной семьи, но и того широкаго круга сочувствующихъ читателей, которые не останавливались передъ посильными жертвами, составляя обширную семью, связанную общими настроеніями и стремленіями. И, сознавая вполнѣ недостатки и промахи нашего изданія, часто лежавшіе за предѣлами нашихъ возможностей и нашей воли, мы счастливы заявить

въ этомъ прощальномъ словѣ къ читателямъ о томъ огромномъ удовлетвореніи, которое доставляли намъ годы общенія съ читателемъ-другомъ. Это чувство прочной связи и только оно служило наградой за всѣ тѣ терзанія и трудности, какія приходилось намъ преодолевать, особенно въ годы скорби и насилій, когда лишь сдвленнымъ шепотомъ могли мы говорить о невыразимыхъ страданіяхъ нашей сугубо истерзанной родины.

Прощаясь съ читателемъ-другомъ, мы позволяемъ себѣ еще разъ высказать пожеланіе, чтобы какъ можно скорѣе изжито было печальное наслѣдіе кошмарнаго прошлого и чтобы будущая украинская жизнь и ея отраженіе въ печати строились на иныхъ основаніяхъ. Возможно, что и въ будущемъ возникнетъ потребность въ изданіи, подобномъ нашему; возможно, что и намъ еще придется встрѣтиться со старымъ читателемъ-другомъ,—конечно, при измѣнившихся условіяхъ и для иныхъ задачъ: для свободной пропаганды братскаго сожителства свободныхъ народовъ въ свободной же федераціи республикъ, для намѣченія путей къ нему, для информированія о средствахъ и способахъ, приближающихъ насъ къ этому идеалу государственной кооперации. И намъ искренно хотѣлось бы, чтобы нашъ прощальный привѣтъ прозвучалъ въ этомъ смыслѣ надеждой на такое же тѣсное общеніе въ будущемъ, какимъ оно было въ прошедшемъ, чтобы меланхолическое „прощайте“ было воспринято въ дружеской средѣ какъ бодрое и сердечное „до свиданія“.

Редакція.

Изъ исторіи „Украинской Жизни“

(Личныя воспоминанія).

„Украинская Жизнь“, шесть лѣтъ служившая русско-украинской трибуной, посильно исполнила свою задачу и прекращаетъ существованіе.

Въ такой моментъ естественно возникаетъ желаніе не только подвести итоги,—что мы дѣлаемъ въ другомъ мѣстѣ,—но и просто оглянуться назадъ, вспомнить прожитое и еще разъ пережить его. Мнѣ думается, что осуществленіе этого желанія можетъ представить нѣкоторый интересъ не только для бывшей аудиторіи „Украинской Жизни“.

Мысль издавать въ Москвѣ, въ центрѣ Великороссіи, украинскій журналъ на русскомъ языкѣ возникла въ 1911 году въ связи съ шевченковскимъ юбилеемъ. Какъ извѣстно, празднованіе этого юбилея въ Кіевѣ было запрещено, но тѣмъ торжественнѣе онъ былъ отпразднованъ въ Москвѣ, гдѣ во главѣ юбилейнаго комитета сталъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей, вѣрный и неизмѣнный другъ Украины Ѳ. Е. Коршъ. Московское общество съ большимъ сочувствіемъ и теплотою поддержало украинскій праздникъ, и шевченковскіе дни прошли въ Москвѣ съ исключительною яркостью и подъемомъ. Эти дни—съ торжественными засѣданіями, интересными докладами, горячими рѣчами, многочисленными депутаціями,—закончившіеся въ Большомъ залѣ московской консерваторіи блестящимъ концертомъ и спектаклемъ, въ которомъ приняли участіе Н. В. Лисенко, Н. К. Садовскій, А. В. Нежданова и рядъ другихъ выдающихся представителей искусства,—эти незабвенные для участниковъ юбилея дни пробудили въ русскомъ обществѣ несомнѣнный интересъ къ украинству, обнаруживъ вмѣстѣ съ тѣмъ

ѣздить на почтамтъ, возился съ багажной отправкой книгъ и въ то же время велъ конторскія книги и кассу, переписывался съ подписчиками и розничными продавцами и т. д., и т. д. За все это онъ получалъ въ буквальный смыслъ гроши. Жить съ семьей на эти средства онъ не могъ и долженъ былъ остатки своего времени употреблять на бѣганіе по урокамъ и другимъ занятіямъ.

Изъ иногороднихъ сотрудниковъ „Украинской Жизни“ я долженъ прежде всего назвать С. А. Ефремова, который еще въ организаціонный періодъ былъ кооптированъ нами въ составъ редакціи въ качествѣ члена ея, являлся постояннымъ представителемъ „Украинской Жизни“ въ Кіевѣ, чуть не для каждой книжки журнала давалъ свою статью, а иногда и двѣ, состоялъ въ постоянномъ общеніи съ редакціей, изрѣдка наѣзжалъ въ Москву. Помню книжку „Украинск. Жизни“, въ которой было напечатано цѣлыхъ три статьи С. А., и изъ нихъ одна—о похоронахъ Ив. Франка,—написанная по „контрабанднымъ“ заграничнымъ матеріаламъ, могла появиться лишь въ качествѣ „письма изъ Лозанны“ за подписью С. Александровича.

С. А. Ефремову, этому талантливѣйшему изъ современныхъ украинскихъ публицистовъ, „Украинская Жизнь“ больше всего обязана и той щедрою поддержкою, которую со второго года изданія ей стали оказывать мобилизованные имъ пайщики-кіевляне, и среди нихъ Ѳ. Р. Штейнгель, съ особой теплотою относившійся къ нашему журналу и вносившій наиболѣе крупныя суммы на его изданіе. Съ третьяго года благодаря хлопотамъ опять-таки С. А. Ефремова, а также Л. Н. Жебунева „Украинскую Жизнь“ стало субсидировать Товариство українськихъ поступовцівъ, имѣвшее въ Кіевѣ свой организаціонный центръ.

Пріѣзды С. А. Ефремова въ Москву всегда были для редакціи „Украинской Жизни“ настоящимъ праздникомъ, такъ какъ чрезъ него она лично, непосредственно соприкасалась съ подлинной украинской почвой, воспринимала живое и столь необходимое ей вліяніе родной стихіи.

Рядомъ съ С. А. Ефремовымъ я долженъ назвать имена А. И. Лотоцкаго и П. Я. Стебницкаго, которые служили постоянной живой связью „Украинской Жизни“

съ Петербургомъ и его украинской колоніей, содѣйствовали полученію отъ нея довольно значительной матеріальной помощи журналу, сами дѣятельно поддерживали журналъ и какъ пайщики, и какъ сотрудники, напечатавшіе въ „Украинской Жизни“ рядъ цѣнныхъ статей. Въ трудныя минуты, когда портфель редакціи былъ пустъ, а жизнь требовала откликовъ на текуція явленія и неотложные вопросы, Ефремовъ, Лотоцкій и Стебницькій оставались неизмѣнно вѣрными друзьями журнала и въ отвѣтъ на письма и телеграммы редакціи обязательно слали ей свои статьи. Редакція хорошо знала, какую жертву составляло это для людей, выше головы перегруженныхъ своими непосредственными обязанностями, и съ тѣмъ большею признательностью относилась къ ихъ товарищеской поддержкѣ.

Совершенно исключительную цѣнность представляло для журнала сотрудничество въ немъ двухъ корифеевъ украинской и русской науки—М. С. Грушевскаго и О. Е. Корша, и каждый изъ нихъ по-своему дорогъ намъ, работникамъ „Украинской Жизни“, каждому изъ нихъ мы посвятили въ послѣдствіи отдѣльныя книги журнала.

Я хорошо помню, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидала наша редакціонная коллегія первой статьи М. С. Грушевскаго, которая, на-ряду съ редакціонной програмной статьей, должна была войти въ первую книжку „Украинской Жизни“. Все у насъ уже было готово, и пора была выпускать книжку, такъ какъ январь близился къ концу; но почта не приносила ожидаемой рукописи, и книжка откладывалась. Наконецъ, желанная рукопись въ нашихъ рукахъ, и мы болѣе чѣмъ удовлетворены: превосходная статья М. С. Грушевскаго „Украина и украинство“ сразу и на много процентовъ подняла удѣльный вѣсъ нашего перваго выступленія передъ русской аудиторіей, хотя сразу же и обозлила російскую черную сотню.

Въ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, подписанной псевдонимомъ „Л. Волковъ“ и, по увѣренію свѣдущихъ людей, принадлежавшей хорошо извѣстному кіевлянамъ цензору начала 900-хъ годовъ, было заявлено, что „Украинская Жизнь“ задумана и осуществлена главою мазепинцевъ Грушевскимъ для того, чтобы въ самомъ сердцѣ Россіи сѣять измѣну.

Въ первые годы М. С. Грушевскій не такъ часто давалъ „Украинской Жизни“ свои статьи, но связь съ журналомъ всегда поддерживалъ, а съ сентября 1916 года, когда царское правительство разрѣшило ссыльному украинскому ученому переѣхать изъ Казани въ Москву, онъ сталъ ближайшимъ членомъ редакціи и предсѣдателемъ нашихъ редакціонныхъ собраній. Въ московской ссылкѣ М. С. Грушевскаго засталъ и 25-лѣтній юбилей его ученой и политической дѣятельности, которой „Украинская Жизнь“ посвятила особую книгу со статьями Н. П. Василенко, С. А. Ефремова, А. И. Лотоцкаго, а также моею, посвященною вмѣстѣ съ тѣмъ и пятилѣтію нашего журнала, совпавшему съ юбилеемъ М. С.

Прежде чѣмъ перейти къ незабвенному Ѳ. Е. Коршу, я долженъ отмѣтить участіе въ „Украинской Жизни“ другого выдающагося украинскаго писателя—В. К. Винниченка.

Статьи за подписью Винниченка стали появляться въ „Украинской Жизни“ съ половины 1915 г., причемъ рядомъ съ подписью автора неизмѣнно стояла дата „Стокгольмъ“. Эта дата почему-то казалась до такой степени правдоподобной и убѣдительною, что не только читатели „Украинской Жизни“, но даже русскіе жандармы, какъ оказывается, относились къ ней какъ къ несомнѣнному факту и въ своихъ свѣдѣніяхъ показывали мѣстомъ жительства В. К. Винниченка столицу Швеціи. Въ дѣйствительности В. К. жилъ въ это время въ Москвѣ, аккуратно посѣщалъ собранія редакціи подъ консперативнымъ именемъ Ивана Петровича, принималъ дѣятельное участіе въ редакціонной работѣ, а въ началѣ 1917 года не только свободно посѣщалъ репетиціи своихъ пьесъ, которыя шли тогда въ нѣкоторыхъ московскихъ театрахъ, но даже выходилъ на вызовы публики. Во второй половинѣ 1916 г. и въ 1917 году, вплоть до революціи, квартира „Ивана Петровича“ неоднократно служила мѣстомъ редакціонныхъ собраній сначала только „Украинской Жизни“, а затѣмъ и еженедѣльника „Промінь“, изданіе котораго возникло по инициативѣ В. К. Винниченка. Онъ же былъ и фактическимъ редакторомъ „Проміня“.

Возвращаясь къ Ѳ. Е. Коршу, который всегда относился къ „Украинской Жизни“ съ величайшей сердеч-

ностью. Для первой книжки журнала онъ не успѣлъ ничего написать, но когда книга вышла и весь редакціонный составъ собрался на крестины новорожденной въ ресторанъ „Скала“, на Тверскомъ бульварѣ, то старикъ Коршъ оказался въ нашей средѣ. Вмѣстѣ съ нами онъ радовался появленію въ Москвѣ журнала, защищающаго интересы Украины, и сообщилъ, что для слѣдующей книжки дать учено-полемическую статью, направленную противъ извѣстнаго выступленія Струве въ „Русской Мысли“. И онъ исполнилъ свое обѣщаніе. То обстоятельство, что на страницахъ „Украинской Жизни“ враждебный украинству Струве встрѣтилъ отпоръ выдающагося русскаго академика, выступившаго во всеоружіи научныхъ доспѣховъ и горячей убѣжденности въ правотѣ украинскаго дѣла,—это обстоятельство само по себѣ представляло исключительное значеніе и давало еще одинъ крупный козырь въ руки редакціи молодого журнала.

Я не буду повторять здѣсь тѣхъ характерныхъ для обаятельной личности покойнаго Корша эпизодовъ изъ его отношеній къ „Украинской Жизни“, которые были изложены мною въ моихъ о немъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ 1915 г. въ „Украин. Жизни“ и въ „Приазовск. Краѣ“. Укажу лишь, что когда я, съ согласія всей редакціи, дѣятельно собиралъ матеріалъ по предпринятой мною анкетѣ объ отношеніи русскаго общества къ украинскому движенію, у меня не хватило рѣшимости послать анкетный листокъ О. Е., до послѣдней степени перегруженному работой, несмотря на свои 70 лѣтъ. О. Е. обратилъ на это вниманіе и добродушно упрекнулъ меня въ невниманіи къ старику. Я извинился, объяснилъ, что не хотѣлъ быть назойливымъ по отношенію къ человѣку, который и безъ того много сдѣлалъ для журнала, и, конечно, съ удовольствіемъ исполнивъ высказанное О. Е. желаніе, послалъ ему свой листокъ. Черезъ нѣкоторое время при милой и до сихъ поръ хранящейся у меня запискѣ я получилъ отъ О. Е. Корша очень обстоятельные и научно обоснованные отвѣты не только на всѣ 14 пунктовъ моей анкеты, но и на пунктъ 15-й, который приписалъ самъ Коршъ. Его отвѣты, занявшіе въ общемъ цѣлый

журнальный листъ, были напечатаны въ январской книгѣ „Украинской Жизни“ за 1913 годъ.

Замѣчу кстати, что на мою анкету откликнулись въ то время многіе выдающіеся представители русскаго общества, въ томъ числѣ М. Горькій, В. П. Обвинскій, А. В. Луначарскій, М. П. Чубинскій, кн. С. Д. Урусовъ, Діонео-Шкловскій, Вл. Жаботинскій, К. К. Арсеньевъ, Бодуэнъ-де-Куртене, кн. Е. И. Трубецкой, О. О. Кошкинъ (Юристъ) и др. Получилось довольно полное отраженіе разнообразѣйшихъ взглядовъ на украинское освободительное движеніе, высказанное представителями чуть не всѣхъ тогдашнихъ теченій великорусской общественной и политической мысли.

Не останавливаясь, по вполне понятнымъ причинамъ, на чисто редакторской работѣ,—какъ моей, такъ и С. В. Петлюры,—я, однако допустилъ бы существенный пробѣлъ, если бы не отмѣтилъ, что отъ времени до времени редакція считала долгомъ собирать по возможности всѣхъ пайщиковъ журнала для представленія имъ отчета о своей работѣ и для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ относительно дальнѣйшаго веденія журнала. Это несомнѣнно облегчало редакціи выполненіе ея задачъ. Насколько помнится, въ Москвѣ первое изъ такихъ общихъ собраній происходило въ скромномъ помѣщеніи редакціи (Б. Дмитровка, 14) подъ предсѣдательствомъ Ю. Ю. Цвѣтковского, а нѣсколько другихъ—въ квартирѣ И. А. Кистяковского, одного изъ наиболѣе крупныхъ пайщиковъ журнала. Хорошо помню происходившій на одномъ изъ этихъ собраній горячій споръ съ Б. А. Кистяковскимъ, нынѣ кievскимъ профессоромъ, по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли касаться въ журналѣ обвиненій украинства въ австрофильствѣ, которыя муслировались въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго общества и въ нѣкоторыхъ органахъ русской печати.

Я стоялъ на томъ, что нарождающееся и пока крайне ничтожное по своему значенію австрофильство нѣкоторыхъ интеллигентныхъ украинскихъ круговъ, преимущественно эмигрантскихъ, должно быть отмѣчено „Украинской Жизнью“ какъ результатъ угнетенія Украины русскимъ правительствомъ и какъ предостереженіе про-

тивъ политики репрессій. Б. А. Кистяковскій настаивалъ на томъ, что этой темы безусловно нельзя касаться, чтобы не давать оружія въ руки враговъ украинства и не вызывать усиленія репрессій.

Большинство оказалось на сторонѣ Б. А. Кистяковскаго, и „Украинская Жизнь“ указанной темы не касалась.

Въ Петербургѣ мы собирались у покойнаго нынѣ Д. К. Лаврентьева и А. И. Лотоцкаго. Въ Кіевѣ—въ украинскомъ клубѣ, въ редакціи „Литературно-Наукового Вѣстника“ и др. мѣстахъ. Здѣсь, въ Кіевѣ, „Украинская Жизнь“ встрѣчала особенно дѣятельную поддержку между прочимъ со стороны Л. Н. Жебунева, который чрезвычайно близко къ сердцу принималъ все, что касалось журнала, дѣятельно вербовалъ пайщиковъ, очень многое дѣлалъ для распространенія „Украинской Жизни“, но вмѣстѣ съ тѣмъ неустанно бомбардировалъ редакцію сердитыми письмами, не упуская случая выговорить намъ всякую нашу оплошность или то, что ему казалось оплошностью. Послѣдствія этой дружеской опеки носили иной разъ совершенно анекдотическій характеръ. Я помню, напр., что Л. Н. Жебуневъ въ рядѣ писемъ негодовалъ на небрежную сшивку книгъ „Украинской Жизни“, вслѣдствіе чего онѣ просто разсыпаются. Помочь горю мы не могли, такъ какъ брошюровщики не поддавались самымъ краснорѣчивымъ обличеніямъ и уговариваніямъ Я. А. Шеремецинскаго. Тогда Шеремецинскій нашелъ столь же простой, какъ и остроумный выходъ изъ положенія. Онъ самъ тщательно сшивалъ одинъ изъ экземпляровъ очередной книги, самъ задѣлывалъ ее въ бандерольную обложку, наклеивалъ адресъ Л. Н. Жебунева и сдавалъ на почту. Нашъ строгій менторъ послѣ этого затихъ, увѣренный, конечно, что его выговоры достигли цѣли и что подписчики получаютъ великолѣпно сшитыя книжки „Украинской Жизни“.

Мои бѣглыя, поспѣшно набросанныя строки, разумѣется, не могутъ претендовать на исчерпывающую полноту даже въ отношеніи того періода, когда я принималъ ближайшее участіе въ редактированіи „Украинской Жизни“; а вѣдь около трехъ лѣтъ—съ апрѣля 1913 г. по іюнь 1916 г.—я отсутствовалъ изъ Москвы.

За это время журналъ пережилъ очень многое, но подробно касаться этого періода я не считаю возможнымъ. Правда, я наѣзжалъ въ Москву и всякій разъ встрѣчался здѣсь со всѣмъ редакціоннымъ кружкомъ, во главѣ котораго стоялъ С. В. Петлюра, но это были случайныя и непродолжительныя встрѣчи и бесѣды. Во всякомъ случаѣ это было нелегкое время для журнала, и, по словамъ ближайшихъ сотрудниковъ „Украинской Жизни“, С. В. Петлюрѣ, какъ единственному въ этомъ періодѣ редактору, пришлось вложить въ дѣло очень много энергіи. Когда въ іюнѣ 1916 г. я вновь переселился въ Москву и вторично вступилъ въ исполненіе обязанностей редактора, то уже не было въ составѣ редакціи ни С. В. Петлюры, который въ октябрѣ 1915 года поступилъ на службу въ одну изъ фронтовыхъ организацій Всероссійскаго земскаго союза, ни С. М. Хвостова, который былъ мобилизованъ. Изъ стараго редакціоннаго кружка только Я. А. Шеремецинскій, А. Ф. Хруцкій, З. Г. Моргулисъ да нашъ вѣрный корректоръ Г. А. Іовенко неизмѣнно стояли на своихъ прежнихъ постахъ. И. В. Лебединскій сложилъ съ себя обязанности секретаря редакціи и принималъ въ дѣлѣ участіе лишь какъ членъ редакціоннаго комитета.

Въ черной редакціонной работѣ А. Ф. Хруцкому и З. Г. Моргулису дѣятельно помогала молодежь въ лицѣ Л. И. Абрамовича, П. И. Сикоры и Б. С. Стопневича. Особенно много труда выпало на долю Л. И. Абрамовича, который несъ одно время, послѣ отъѣзда С. В. Петлюры, обязанности редактора, а затѣмъ послѣ моего пріѣзда въ Москву исполнялъ нелегкую работу секретаря редакціи и составителя отдѣла „На Украинѣ и внѣ ея“.

Съ этимъ составомъ редакціи, почти полностью переселившимся теперь въ Кіевъ, мы и должны были закончить изданіе „Украинской Жизни“. Къ сожалѣнію, большевицкій разгромъ Кіева и послѣдовавшіе вскорѣ затѣмъ новыя событія разстроили нашъ планъ.

Ал. Саликовскій.

Работа „Украинской Жизни“ за 1912—1917 гг.

Выпускъ заключительной книги журнала, въ связи съ его прекращеніемъ, обязываетъ его участниковъ подвести своей работѣ итоги, сдать въ ней отчетъ и самимъ себѣ, и обществу. Но такой отчетъ собственно уже былъ выполненъ редакціею „Украинской Жизни“ по случаю пятилѣтія журнала, въ статьѣ одного изъ его основателей *). Предоставляя интересующимся извлечь изъ этой статьи общія свѣдѣнія о возникновеніи нашего журнала, первоначальныхъ задачахъ, которыя себѣ ставила редакція, и результатахъ его работы, какъ они рисовались редакціи годъ тому назадъ, мы ограничимся лишь незначительными дополненіями къ сообщеннымъ въ юбилейной статьѣ фактамъ и тою характеристикою редакціонной работы за шестилѣтній періодъ существованія „Украинской Жизни“, какую дасть пересмотръ опубликованнаго ею на своихъ страницахъ литературнаго матеріала.

Безвременье, наступившее въ Россіи послѣ роспуска второй Государственной Думы, подорвало въ украинскихъ общественныхъ кругахъ надежды на благоприятное разрѣшеніе очередныхъ вопросовъ украинской жизни. На третью Думу въ этомъ отношеніи рассчитывать было нечего; за отсутствіемъ въ ней украинской фракціи не представлялось возможнымъ имѣть такой органъ украинскаго національнаго представительства, какимъ служили въ первой Государственной Думѣ „Украинскій Вѣстникъ“ и во второй „Рідна Справа“. Наконецъ, и общественное вниманіе въ это время сосредоточилось главнымъ образомъ на общемъ направленіи внутренней политики, которое постепенно раскрывало передъ Россіею перспективы грядущей реакціи. Изданіе украинскаго политическаго органа въ Петроградѣ при такихъ условіяхъ не имѣло подъ собою почвы.

*) Ал. Саликовскій. Пять лѣтъ, „У. Ж.“, 1916, кн. 12.

Но съ теченіемъ времени именно усиливающийся гнетъ реакціи и необходимость организованной борьбы съ нею поставили на очередь вопросъ объ украинскомъ журналѣ на русскомъ языкѣ въ цѣляхъ общенія съ прогрессивными кругами русскаго общества, ознакомленія ихъ съ важнѣйшими сторонами украинскаго вопроса и защиты украинской національной идеи отъ враждебныхъ ей элементовъ. Политика Столыпина уже опредѣленно поставила себѣ задачу подавить украинское движеніе и встрѣтила въ этомъ поддержку со стороны не только реакціонныхъ общественныхъ круговъ. Намѣчался походъ на украинство, угрожавшій возвратомъ къ тѣмъ мрачнымъ моментамъ прошлаго, когда украинскому слову отказано было въ правѣ на существованіе. Необходимость публицистической трибуны становилась для украинскихъ журналистовъ все болѣе очевидною.

Такою трибуною и явилась „Украинская Жизнь“, возникшая по инициативѣ московскихъ украинцевъ, въ это время (1911 г.) создавшихъ на московской почвѣ живой и отзывчивый кругъ работниковъ, къ которымъ примкнули затѣмъ украинскіе литераторы Кіева, Петрограда, украинской провинціи и закордонной Украины. Заинтересовались новымъ журналомъ прежде всего, впрочемъ, сами украинцы,—изъ тѣхъ группъ украинскаго общества, которыя, въ силу различныхъ причинъ, до того времени держались въ сторонѣ отъ національнаго движенія, по непривычкѣ къ украинской литературной рѣчи чуждались украинской прессы и только теперь получали возможность систематическаго ознакомленія съ украинскимъ вопросомъ. Изъ этихъ круговъ главнымъ образомъ и шелъ спросъ на „Украинскую Жизнь“. Въ кругахъ русскаго общества интересъ къ украинскому вопросу никогда не достигалъ той степени, которая характеризовалась бы оживленною подпиской на украинскія изданія. Информированіе думскихъ фракцій, политическихъ и общественныхъ дѣятелей достигалось преимущественно безплатною разсылкою экземпляровъ журнала и специальнымъ распространеніемъ въ важныхъ случаяхъ отдѣльных его книжекъ. Русская пресса, впрочемъ, довольно внимательно слѣдила за „Украинскою Жизнью“ и въ ост-

рые моменты всегда ее цитировала, какъ признанный органъ украинской политической жизни.

За шесть лѣтъ „Украинская Жизнь“ дала около 500 отдѣльныхъ статей, посвященныхъ разнымъ сторонамъ украинскаго вопроса, около 300 замѣтокъ литературно-критическаго и библиографическаго содержанія и огромное количество мелкихъ сообщеній изъ текущей хроники, въ общей массѣ представляющихъ полную и яркую картину всего, что за это время происходило на Украинѣ и внѣ ея, но въ связи съ указаннымъ движеніемъ.

Многія изъ статей „Украинской Жизни“ и теперь сохраняютъ свое значеніе, какъ матеріаль для общаго освѣщенія тогдашнихъ стадій украинскаго вопроса и для обоснованія постулатовъ украинской національной платформы того времени. Таковы статьи проф. М. С. Грушевскаго „Украина и украинство“, которою открывалась первая книжка журнала; рядъ другихъ статей того-же автора по текущей политикѣ; статья проф. Чубинскаго „Украинская національная идея и ея правовые постулаты“, горячіе призывы Винниченка къ украинской интеллигенціи и къ русскому обществу, полемическіе этюды Ефремова. Особенно часто, конечно, журналу приходилось касаться русско-украинскихъ отношеній; на эти темы, особенно острые въ періодъ выступленій П. Струве и его сторонниковъ, писали проф. М. Грушевскій, Д. Донцовъ, В. Жаботинскій, О. Липовецкій, Ѳ. Е. Коршъ, С. Петлюра, В. Садовскій, А. Саликовскій, П. Смутокъ и мн. др. Немало матеріала для выясненія взглядовъ русскаго общества на украинскій вопросъ дала произведенная редакціею „Украинской Жизни“ анкета. На вопросные пункты редакціи отозвались многіе видные общественные дѣятели, съ большою искренностью изложившіе свои взгляды и сомнѣнія по украинскому вопросу и притомъ не только въ сочувственномъ украинцамъ смыслѣ; особенный интересъ представляютъ отвѣты такихъ лицъ, какъ М. Горькій, К. К. Арсеньевъ, покойные Ѳ. Е. Коршъ и В. П. Обнинскій, Д. И. Шаховской, проф. Е. Трубецкой, проф. М. Туганъ-Барановскій, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ (Юристъ). Была также предпринята анкета и по вопросу о польско-украинскихъ отношеніяхъ, но успѣха она не имѣла: польскіе публицисты оказались менѣе экспансивны-

ми, чѣмъ русскіе, и не отзывались на запросъ редакціи. Но независимо отъ анкеты на темы польско-украинскихъ отношеній въ „Украинской Жизни“ писали Л. Василевскій, проф. М. Грушевскій, Донцовъ, В. Кошевой, М. Лозинскій, С. Петлюра, А. Саликовский, П. Смутокъ. Рядъ статей былъ специально посвященъ Холмскому вопросу,—изъ нихъ отмѣтимъ работы Ө. Корша и О. Бѣлоусенка.

Съ особеннымъ вниманіемъ нашъ журналъ относился къ дѣятельности законодательныхъ учреждений, отмѣчая всѣ тѣ, не очень, впрочемъ, частые случаи, когда въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ были „украинскіе дни“. Роли третьей и четвертой Думы въ украинскомъ вопросѣ посвящены статьи О. Бѣлоусенка, М. Грушевскаго, С. Ефремова, В. Садовскаго. Самымъ жгучимъ изъ вопросовъ текущей дѣйствительности, съ которымъ украинцамъ приходилось стучаться въ двери каждаго новаго состава Государственной Думы, былъ вопросъ о національной школѣ; на эту тему „Украинская Жизнь“ дала цѣнный матеріалъ въ статьяхъ такихъ специалистовъ, какъ В. Прокоповичъ, С. Русова, Я. Чепѣга, С. Черкасенко. Не менѣе больною темою для украинскихъ публицистовъ было положеніе родной печати, непрерывно ощущавшей гнетъ правительственной политики. „Украинская Жизнь“ систематично освѣщала этотъ вопросъ, принявшій особенно острые формы съ началомъ міровой войны, когда украинская пресса обречена была на полное молчаніе и только одинокій голосъ нашего журнала свидѣтельствовалъ о томъ, что жизнь на Украинѣ не вовсе еще заглохла.

Свѣдѣнія о болѣе сложныхъ формахъ борьбы за національныя права, какую вели украинцы Галиціи, доходили до читателей „Украинской Жизни“ въ корреспонденціяхъ Донцова и статьяхъ выдающихся галицкихъ дѣятелей Олесницкаго и Окуневскаго. Если присоединимъ сюда очерки дѣятельности украинскихъ общественныхъ организацій разнаго рода, характеристики украинскихъ дѣятелей въ біографическихъ очеркахъ, некрологахъ, воспоминаніяхъ и систематическія обозрѣнія украинской политической жизни въ статьяхъ С. Ефремова и другихъ публицистовъ, то этимъ краткимъ перечнемъ важнѣй-

шихъ статей и авторовъ въ достаточной степени характеризуется богатство матеріала, собраннаго въ нашемъ журналѣ по вопросамъ, связаннымъ съ украинскимъ національнымъ движеніемъ.

Но журналъ не ограничивался одною политическою стороною жизни на Украинѣ,—его задачи были шире. Рядъ статей посвященъ экономическимъ вопросамъ, какъ, напр., Оберучева „Къ вопросу объ экономическихъ отношеніяхъ Украины къ Великоросіи и Польшѣ“, В. Садовскаго—„Русское землевладѣніе въ Правобережной Украинѣ“, Д. Марковича—„Очеркъ развитія кооперативовъ на Волини“. Вопросы права трактуются въ статьяхъ В. Садовскаго („Передъ новой репрессіей“), И. Лебединскаго („Къ вопросу объ изученіи украинскаго права“, „Задачи украинскихъ юристовъ“, „Изъ исторіи кодификации украинскаго права“, „Украинскій языкъ въ судѣ“). Характерныя черты земской жизни на Украинѣ отмѣчались въ обзорахъ В. Садовскаго.

Наконецъ, не были оставлены безъ вниманія и вопросы искусства, которое играетъ такую руководящую роль въ развитіи національной культуры. Кромѣ оцѣнокъ творчества, связанныхъ преимущественно съ некрологами скончавшихся дѣятелей (Коцюбинскій, Леся Украинка, Франко, Лисенко), отмѣтимъ этюды Ф. Матушевскаго о Шевченко, статью С. Русовой о современной украинской эстетикѣ, общую статью К. Ладыженка по искусству—„Национальное искусство и задачи искусства на Украинѣ“ и рядъ статей по отдѣльнымъ отраслямъ украинскаго искусства: о театрѣ (С. Буди, Л. Бурчака), объ архитектурѣ (Л. Новицкаго, Н. Филянскаго и др.), объ орнаментѣ (К. Шероцкаго), о музыкѣ (А. Маслова, И. Хоткевича).

Само собою разумѣется, что распредѣленіе матеріала въ журналѣ не было и не могло быть равномернымъ: темы мѣнялись въ зависимости отъ измѣняющихся условій времени. Если въ первые годы редація успѣла помѣстить довольно много статей и замѣтокъ не публицистическаго характера, то въ дальнѣйшемъ, подъ давленіемъ жизни, журналу пришлось усиливать свои боевыя выступленія, приурочивая свой інформаціонный матеріалъ также къ требованіямъ момента. Такъ, въ годы войны

особенно много мѣста было отведено общей эволюціи украинскаго вопроса въ круговоротѣ міровыхъ событій и, въ частности, разнообразному матеріалу, освѣщающему положеніе закордонной Украины.

Помѣщенный въ предыдущей книжкѣ журнала подробный перечень содержанія „Украинской Жизни“ за пятилѣтіе, въ связи съ упомянутою выше юбилейною статьею А. Саликовскаго, избавляетъ насъ отъ необходимости болѣе детализировать настоящую бѣглую характеристику окончательныхъ итоговъ редакціонной работы. Перечень этотъ говоритъ самъ за себя, и мы могли бы сдѣлать къ нему лишь одно добавленіе, упомянувъ о двухъ отдѣльныхъ книгахъ, которыя вышли въ свѣтъ подъ фирмою „Украинской Жизни“, какъ коллективная работа ея ближайшихъ сотрудниковъ: это—„Украинскій вопросъ“ и „Галичина, Буковина и Угорская Русь“; содержаніе этихъ книгъ опредѣляется ихъ заглавіями, а успѣхъ у широкой публики указываетъ, что сотрудники „Украинской Жизни“ сумѣли своею работою отвѣтить общественному интересу.

Два года тому назадъ популярный украинскій дѣятель А. А. Русовъ въ своей предсмертной статьѣ на страницахъ нашего журнала, удрученный мракомъ реакціи съ одной стороны и общественною инертностью съ другой, съ тоскою допытывался у своего родного края: „да существуетъ-ли еще украинская жизнь?“ Ему не пришлось, къ сожалѣнію, дожить до настоящаго момента, когда эта, едва теплившаяся тогда, національная жизнь Украины вспыхнула яркимъ пламенемъ и предстала предъ міромъ въ сказочныхъ, неожиданныхъ формахъ.

Свою долю заслугъ въ этомъ стихійномъ національномъ подъемѣ на Украинѣ имѣетъ и нашъ журналъ, шесть лѣтъ не спускавшій знамени національныхъ идеаловъ. И теперь, когда украинская жизнь уже сосредоточилась въ Украинской народной республикѣ, наша „Украинская Жизнь“ можетъ со спокойною совѣстью уступить свое мѣсто новымъ, болѣе соответствующимъ времени, органамъ украинской общественной мысли.

П. Смутонъ.

ЛОГИКА ЖИЗНИ.

I.

Въ томъ тупикѣ, въ какой загнало Россію развитіе событій 27 февраля 1917 года, утратилась ясная мѣра вещей, исказилась нормальная перспектива, и русскому обществу, подъ грохотъ разрушающагося государства, не легко оцѣнивать отдѣльныя явленія политической жизни, пробѣгающей предъ нашими глазами съ такою кинематографическою быстротою. Особенно поразительны по своему размаху событія, развернувшіяся на Украинѣ и занимающія все болѣе видное мѣсто въ общемъ ходѣ творимой въ наши дни исторіи Россіи. Объективная оцѣнка этихъ фактовъ тѣмъ затруднительнѣе для средняго обывателя, что даже въ самыхъ прогрессивныхъ слояхъ русскаго общества до послѣдняго времени держались традиціонныя, предвзятая и неправильныя воззрѣнія на украинскій вопросъ. Мы считаемъ поэтому не лишнимъ отмѣтить въ ретроспективномъ освѣщеніи этапы, пройденные въ минувшемъ году украинскимъ національнымъ движеніемъ, въ его связи съ развитіемъ великой всероссійской революціи, которая, съ одной стороны, внесла въ это движеніе стихійную силу, а съ другой—столкнулась съ нимъ на почвѣ тѣхъ внутреннихъ противорѣчій, какія приходится считать органическимъ свойствомъ, своего рода постояннымъ коэффициентомъ русско-украинскихъ отношеній.

Напомнимъ прежде всего, что украинскій вопросъ былъ поставленъ на очередь дня еще задолго до войны царскимъ правительствомъ, которое, заканчивая ликвидацію общественныхъ завоеваній 1905 года, все сильнѣе обостряло свою политику подавленія украинской національной идеи и тѣмъ, въ свою очередь, повышало тонъ оппозиціонныхъ настроеній въ рядахъ украинской интеллигенціи. Первые мѣсяцы міровой войны, ознаменованные не только воен-

ными успѣхами Россіи, но и разгромомъ украинской культуры въ Галиціи, произведеннымъ руками русскихъ націоналистовъ, показали украинцамъ, что эта „освободительная“ война грозитъ украинскому народу уничтоженіемъ всѣхъ его культурныхъ достижений и политическихъ правъ. Подъ гнетомъ жестокихъ репрессій, дававшихъ матеріаль для самыхъ мрачныхъ прогнозовъ, украинское общество прониклось рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ войнѣ, къ официальной русской политикѣ и къ терпимости русскаго общества, такъ дружно поддерживавшаго эту политику въ ея основныхъ задачахъ. Возбужденіе въ украинскихъ кругахъ нарастало до послѣднихъ дней существованія абсолютизма, который, такимъ образомъ, самъ подготовилъ почву для послѣдовавшаго за революціей стихійнаго расцвѣта украинской національной идеи.

Въ первое время февральская революція явилась на Украинѣ, какъ и во всей Россіи, умиротворяющимъ началомъ. Съ паденіемъ монархіи, казалось, должно было наступить царство внутренняго мира, права и справедливости. Всѣ назрѣвшіе вопросы должны были получить правильное разрѣшеніе, сообразно интересамъ народныхъ массъ и ожиданіямъ демократическаго общества. „Русскій народъ, наконецъ, нашелъ себя!“—такую оцѣнку момента далъ въ это время одинъ выдающійся русскій ученый. Но вмѣстѣ съ тѣмъ русскій народъ пожелалъ взять рѣшеніе своей судьбы въ свои руки и принять непосредственное участіе въ государственномъ строителствѣ. Реформы государственнаго строя и соціальныхъ отношеній силою вещей стали на порядокъ дня. Не могли не потребовать къ себѣ вниманія и національныя отношенія. Финляндіи были возвращены старыя права автономнаго управленія. Польша получила признаніе права на государственную независимость. Заговорили о своихъ идеалахъ и другія народности Россіи.

Въ украинскомъ обществѣ также жили надежды на грядущее возрожденіе Украины въ границахъ свободной Россіи. Украинскій элементъ войсковыхъ частей получилъ въ этихъ надеждахъ новый импульсъ къ борьбѣ за добытую революціей свободу. Даже граждане опустошенной Галиціи проявили замѣтный поворотъ въ сторону „россійской оріен-

таціи“, которая при новыхъ условіяхъ, казалось, обеспечивала всѣмъ вѣтвямъ указанной народности осуществленіе національныхъ чаяній. Всѣ сознательные въ національномъ смыслѣ слои и организованныя группы украинства слились въ общемъ порывѣ къ національному самоопредѣленію. Для согласованныхъ дѣйствій въ защиту національныхъ интересовъ по городамъ Украины и внѣ ея образовались особые національные коллективы—„рады“, т. е. совѣты изъ представителей существующихъ украинскихъ организацій. Въ Кіевѣ возникъ центральный совѣтъ изъ выборныхъ отъ всего организованнаго украинства—„украинская центральная рада“. Состоялся рядъ украинскихъ съѣздовъ—партийныхъ, классовыхъ и профессиональных—и, наконецъ, былъ созванъ общенациональный конгрессъ, формулировавшій въ своихъ постановленіяхъ основные постулаты украинской политической платформы, на которыхъ объединились главныя украинскія партіи и организаціи.

На ближайшую очередь украинская платформа этого времени (начало апрѣля) ставила требованія, связанные со свободой національной культуры въ краѣ: признаніе права гражданства за украинскимъ языкомъ, введеніе украинскаго преподаванія въ народную школу и украинскихъ дисциплинъ въ среднюю и высшую школу украинскихъ губерній. На-ряду съ этимъ въ интересахъ коренного населенія края требовалось замѣщеніе руководящихъ постовъ людьми, близко знакомыми съ мѣстными условіями, а также объединеніе всей украинской территоріи подъ управленіемъ областного совѣта съ контролирующимъ правительственнымъ органомъ при немъ. Въ дальнѣйшей послѣдовательности ставился основной пунктъ украинской платформы—національно-территориальная автономія украинскихъ губерній, въ стремленіи къ которой, какъ въ фокусѣ, сосредоточилось въ эти дни все украинское движеніе. Считаая, что выяснившаяся непригодность централистическаго строя повелительно требуетъ отъ Россіи преобразования въ федеративную демократическую республику, объединяющую въ своихъ границахъ рядъ областныхъ автономій,—украинцы предоставляли окончательное разрѣшеніе общаго вопроса о

государственномъ строѣ, какъ и санкціонированіе отдѣльныхъ національно-территоріальныхъ автономій, всероссійскому учредительному собранію, не допуская, впрочемъ, мысли, что это собраніе можетъ, въ частности, пренебречь ясно выраженною волею украинскаго народа и его насущнѣйшими политическими, экономическими и соціальными интересами, удовлетвореніе которыхъ могла обезпечить только автономія.

Изъ другихъ пунктовъ украинской платформы слѣдуетъ упомянуть требованіе выдѣленія украинскихъ войсковыхъ частей въ особыя единицы, выдвинутое подъ давленіемъ стихійнаго порыва къ національному самоопредѣленію въ массахъ солдатъ украинскаго происхожденія. Учитывая техническія затрудненія, связанныя съ перестроеніемъ армій по національному принципу, украинцы соглашались на всякія ограниченія, вызываемыя интересами фронта, но основной принципъ поддерживали тѣмъ съ большею настойчивостью, что, кромѣ задачи сплоченія проникнутыхъ національнымъ самосознаніемъ массъ, видѣли въ этой реформѣ могучее средство усилить общую боеспособность русской арміи. Живымъ доказательствомъ правильности такого взгляда была выдающаяся роль, которую въ это время играли въ военныхъ дѣйствіяхъ польскія, латышскія и другія національныя части, выдѣлившіяся раньше украинскихъ.

Стихійный характеръ и широкій размахъ украинскаго національнаго движенія изумили русское общество и революціонное правительство. Съ недоумѣніемъ и недовѣріемъ читались въ Петроградѣ резолюціи украинскихъ съѣздовъ; что движеніе могло такъ глубоко проникнуть въ народныя массы, считалось невѣроятнымъ; съ нескрываемымъ раздраженіемъ русскіе общественные дѣятели винили украинскую интеллигенцію въ нарушеніи единства фронта—не только въ военномъ, но и въ общественномъ смыслѣ; съѣзды и ихъ резолюціи, по традиціи стараго режима, опорочивались какъ результатъ агитаціи „кучки злонамѣренныхъ людей“; въ постановкѣ вопроса объ автономіи усматривалось предвосхищеніе воли и компетенціи всероссійскаго учредительнаго собранія. Было ясно, что широкіе круги русской демократіи не могутъ

найти въ своемъ міровоззрѣніи вѣрнаго критерія и подходящей мѣрки для оцѣнки украинскаго движенія. Однимъ, въ силу закоренѣлаго предубѣжденія противъ всякихъ національныхъ вопросовъ, органически трудно было уяснить себѣ роль великорусскаго централизма въ томъ государственномъ разложеніи, до какого была доведена Россія къ началу міровой войны. Другіе сами сознательно стояли на позиціи государственнаго централизма и потому враждебно и опасно относились къ такому, съ ихъ точки зрѣнія, антигосударственному явленію, какъ украинскій „сепаратизмъ“. Третьи, не возражая принципиально противъ украинскаго національнаго самоопредѣленія въ самыхъ широкихъ границахъ, высказывались противъ украинскихъ требованій, какъ вредныхъ и несвоевременныхъ именно въ данный моментъ, причемъ упускали изъ виду, что подобная оцѣнка могла бы быть, при желаніи, распространена и на всю російскую революцію въ цѣломъ... Въ отдѣльныхъ случаяхъ антагонисты украинскаго движенія, особенно ожесточенно нападавшіе на его проявленія въ арміи, уже тогда бросали украинцамъ обвиненія въ контръ-революционности. А въ то же время дѣйствительные контръ-революціонеры, въ лицѣ кіевскихъ и петроградскихъ монархистовъ, усиленно инсинуировали относительно участія въ украинскихъ организаціяхъ австро-германскихъ агентовъ, тѣсной связи украинскаго движенія съ германскими планами и германскими деньгами... Рѣзкое измѣненіе всей обстановки политической жизни Россіи, какъ видимъ, нисколько не измѣнило традиціонной атмосферы подозрительности, вражды и недовѣрія, какая окружала украинское движеніе при старомъ режимѣ.

Очень показательнымъ было отношеніе къ украинскому движенію со стороны конституціонно-демократической партіи, занимавшей руководящее положеніе въ первыхъ фазахъ организациі революціонной власти въ Россіи. Эта партія, въ дореволюціонное время оказывавшая украинцамъ моральную поддержку и имѣвшая въ своихъ рядахъ искреннихъ друзей украинской культуры, заняла опредѣленно отрицательную позицію по отношенію къ политической части украинской платформы. На-

ціонально-територіальна автономія України оказалась неприемлемой для состоявшегося въ началѣ мая партійнаго сѣзда. Съ поразительною близорукостію сѣздъ принялъ проектъ административной децентрализаціи, исключавшей національный принципъ, считая возможнымъ удовлетворить этимъ суррогатомъ бурный порывъ народовъ Россіи къ политическимъ формамъ національнаго самоопредѣленія.

II.

Изъ тѣхъ же точекъ исходили въ своемъ отношеніи къ украинскому движенію правительственные круги этого періода. Свободу національной культуры новый строй гарантировалъ украинцамъ вмѣстѣ со всѣми иными видами политической свободы. Въ области народной школы правительство кн. Львова пошло навстрѣчу стремленіямъ украинцевъ, утвердивъ за украинскимъ языкомъ роль языка преподаванія. Но въ то же время правительство не сдѣлало ни малѣйшаго шага по пути признанія національных правъ за украинскою народностію въ цѣломъ, и всѣ пожеланія украинцевъ въ этомъ смыслѣ, доводившіяся до свѣдѣнія временнаго правительства чрезъ посредство петроградской украинской организаціи или путемъ спеціальныхъ делегацій отъ центральной рады, оставлялись безъ удовлетворенія.

Поворотнымъ пунктомъ въ развитіи украинскаго движенія послужила неудача делегаціи, прибывшей въ срединѣ мая, въ составѣ 12 представителей всѣхъ слоевъ организованной украинской демократіи, съ Винниченкомъ во главѣ. Делегаціи этой было поручено центральною радой добиться согласія временнаго правительства по цѣлому ряду программныхъ пожеланій, изъ которыхъ основное значеніе имѣли три слѣдующихъ пункта: 1) опубликованіе правительственнаго акта съ выраженіемъ принципиально благожелательнаго отношенія къ идеѣ автономіи Украины; 2) объединеніе украинскихъ губерній въ одномъ общемъ управленіи въ качествѣ областной административной единицы и 3) планомѣрное формированіе украинскихъ войсковыхъ частей при соблюденіи интересовъ фронта. По всѣмъ этимъ пунктамъ делегація получила

рѣшительный отказъ, мотивированный между прочимъ сомнѣніями въ правѣ центральной рады выражать волеизъявленіе всего населенія украинскихъ губерній...

Впечатлѣніе, произведенное этимъ отказомъ на украинское общество и народныя массы, было удручающее. Оптимистическія настроенія, съ которыми начинала свою національную работу украинская интеллигенція, убѣжденная въ жизненности и государственной необходимости своей программы, значительно потускнѣли. Стѣна національныхъ и партійныхъ предрасудковъ, препятствовавшая руководящимъ кругамъ русскаго общества установить правильный взглядъ на украинскій вопросъ, оказалась очень прочной... гораздо болѣе прочной, чѣмъ все государственное зданіе Россіи...

Въ это время медовый мѣсяцъ русской революціи уже закончился. Вскрылся во всей странѣ процессъ распада соціального строя Россіи, вышедшій далеко за предѣлы того русла, въ которое старалась ввести этотъ процессъ революціонная власть. Гангрена все глубже разѣдала фронтъ и явственно двигалась въ направленіи тыла, при полномъ безсиліи власти противопоставить этому грозному явленію сколько-нибудь дѣйствительныя задержки. Становилось очевиднымъ, что если русскій народъ и „нашелъ себя“ въ февральской революціи, то зато онъ мало-по-малу утратилъ пониманіе идеи отечества и выпустилъ изъ рукъ судьбу своего государства. Россія, какъ государство и нація, оказалась внутренне сгнившею еще до своего революціоннаго возрожденія. На почвѣ глубокаго народнаго невѣжества, безконечнаго недовѣрія народныхъ массъ къ интеллигенціи и утомленія страны войною шелъ быстрымъ ходомъ развалъ русской государственности и русской общественности.

Спасти положеніе можно было только сильными и рѣшительными мѣрами въ направленіи коренной реорганизаціи государственнаго строя. Вдохнуть новую жизнь въ разлагающуюся страну могло бы только національное начало, съ помощью котораго еще можно было объединить населеніе отдѣльныхъ территорій на задачахъ устроенія внутренней жизни родного края и его защиты отъ грозящей гибели. Нагляднымъ доказательствомъ цѣлесо-

образности такого пути являлось именно украинское движение, въ которомъ національный моментъ выполнялъ роль начала организующаго, объединяющаго и смягчающаго классовые и національные антагонизмы. Въ теченіе долгаго времени украинскія губерніи выдѣлялись на картѣ Россіи базисомъ сравнительнаго спокойствія и порядка, въ то время какъ сѣверный, центральный и восточный районы уже были охвачены пожаромъ анархическихъ эксцессовъ всякаго рода. Украинскія войсковыя части, одушевленные національною идеей, по отзывамъ своихъ командировъ, были примѣромъ стойкости на фронтѣ. Въ этой перспективѣ украинскія стремленія для всякаго непредубѣжденнаго взгляда вполне совпадали съ общегосударственными интересами момента, и украинцы, въ виду отказа центральной власти стать на эту точку зрѣнія, считали все-же за собою право и обязанность искать самостоятельныхъ путей для осуществленія своей программы.

Національное движеніе на Украинѣ тѣмъ временемъ ширилось и углублялось. Центральная рада пріобрѣла въ глазахъ населенія высокій моральный авторитетъ, какъ законный органъ народнаго представительства, взявшій на себя задачу устроенія жизни въ краѣ соотвѣтственно интересамъ народныхъ массъ. Въ Кіевѣ со всѣхъ концовъ Украины потянулись ходоки и депутаціи за содѣйствіемъ центральной рады въ разрѣшеніи насущныхъ вопросовъ. Сама жизнь требовала, такимъ образомъ, скорѣйшаго конструирования мѣстной власти, близкой къ населенію,—и центральная рада пришла къ рѣшенію вступить на путь самостоятельной организациі краевого управленія. Провозглашенное въ первомъ универсалѣ центральной рады, рѣшеніе это произвело сильное впечатлѣніе на временное правительство и еще болѣе обострило непріязнь къ украинскому движенію въ средѣ русскаго общества, но зато населеніемъ Украины было встрѣчено какъ пасхальный благовѣстъ. Въ этомъ актѣ впервые край почувствовалъ почву для реализаціи своего права творить мѣстную жизнь и мѣстную культуру.

Слѣдующимъ шагомъ центральной рады въ томъ же направленіи была организація генеральнаго секретаріата, т. е. коллегіи краевыхъ министровъ, между которыми

распредѣлились отдѣльныя отрасли управленія краемъ. Авторитетъ рады въ это время настолько уже былъ непререкаемъ, что демократія неукраинскихъ національностей, живущихъ на территоріи Украины, выразила склонность вступить съ радю въ соглашеніе относительно совмѣстной работы по устроению краевой жизни. Въ результатъ украинцы гарантировали главнымъ элементамъ національнаго меньшинства (великороссамъ, полякамъ и евреямъ) участіе, въ опредѣленномъ процентномъ отношеніи, въ составѣ центральной рады и генеральнаго секретаріата. Органы народнаго представительства и управленія Украины получили, такимъ образомъ, новую организацію на широко-демократическихъ началахъ.

Уже послѣ перваго универсала временное правительство сознало ошибочность своей политики въ украинскомъ вопросѣ. Организая генеральнаго секретаріата еще рѣзче подчеркнула серьезность создавшагося положенія съ точки зрѣнія централистической традиціи, и правительство рѣшило вступить съ украинскими лидерами въ переговоры объ основаніяхъ возможнаго соглашенія. Въ Кіевѣ прибыли со спеціальными полномочіями члены кабинета—Церетели и Терещенко, которые встрѣтили въ центральной радѣ полное сочувствіе своей задачѣ. Совмѣстно съ секретаріатомъ они выработали декларацію, которая была опубликована 2-го іюля одновременно въ Петроградѣ отъ имени временнаго правительства и въ Кіевѣ—отъ имени центральной рады. Этимъ актомъ правительство утверждало генеральный секретаріатъ въ качествѣ высшаго органа управленія Украины. Были также сдѣланы нѣкоторыя, незначительныя, впрочемъ, уступки украинцамъ въ вопросѣ о комплектованіи національныхъ полковъ. Стремленія украинцевъ, хотя и не въ полной мѣрѣ, получили на этотъ разъ удовлетвореніе отъ центральной власти, но ближайшимъ результатомъ новой позиціи правительства былъ кризисъ въ его собственной средѣ: представители партіи народной свободы вышли изъ правительственныхъ рядовъ, и въ этотъ историческій моментъ не понявъ необходимости пойти навстрѣчу лозунгамъ, воспринятымъ милліонами подлиннаго, живого украинскаго народа.

Правительство реорганизовалось, но этотъ кризисъ власти на почвѣ указаннаго вопроса былъ симптоматиченъ, какъ выраженіе настроеній не одной кадетской части правящихъ круговъ. Предстояла, въ дополненіе къ акту 2-го іюля, детальная разработка основаній новаго административнаго порядка на Украинѣ, въ видѣ правительственной инструкціи генеральному секретариату. Когда представители секретариата прибыли, по вызову правительства, въ Петроградъ для участія въ этой работѣ, оказалось, что правительство не склонно смотрѣть на соглашеніе съ Украиной, какъ на серьезный опытъ реформы государственнаго строя. Наоборотъ, опредѣлилась тенденція по возможности сузить предѣлы полномочій и компетенцій украинскаго секретариата: въ районъ его вѣдѣнія правительство согласилось включить лишь половину этнографической Украины, — всего пять губерній; изъ программы краевого управленія были изъяты такія важныя функціи, какъ дорожное, продовольственное и военное дѣло. Въ этихъ рамкахъ инструкція секретариату явилась одностороннимъ правительственнымъ актомъ, притомъ незаконченнымъ, такъ какъ детализація вопроса по каждому вѣдомству въ отдѣльности опять отлагалась на дальнѣйшее время. Поступившія въ вѣдѣніе секретариата правительственныя учрежденія не получили по этому предмету даже общихъ указаній отъ центрального правительства. И генеральный секретариатъ оказался, такимъ образомъ, въ положеніи органа власти безъ объекта и безъ опредѣленныхъ нормъ для ея примѣненія. При такихъ странныхъ условіяхъ секретариату пришлось приступать къ осуществленію важныхъ и отвѣтственныхъ задачъ, связанныхъ съ закладкою перваго въ Россіи зданія областной автономіи.

III.

Тяжелый процессъ переговоровъ относительно инструкции и ихъ половинчатый результатъ едва не привели къ новому разрыву отношеній между Кіевомъ и Петроградомъ. Урѣзанная и незаконченная инструкція, — которую, кстати сказать, временное правительство утвердило и опубликовало 4 августа, не ожидая рѣшенія по этому

вопросу центральной рады,—была принята радой съ оговорками протестующаго характера и то лишь благодаря настояніямъ генеральнаго секретаріата, убѣждавшаго раду оставаться на лояльной почвѣ и не отступать изъ-за временныхъ недоразумѣній и пробѣловъ въ правительственномъ актѣ отъ основъ іюльскаго соглашенія съ Церетели. Надѣясь на дальнѣйшую естественную эволюцію программы областного управленія, въ смыслѣ расширенія предѣловъ власти секретаріата, избранный центральной радой и утвержденный временнымъ правительствомъ 31 августа составъ генеральныхъ секретарей началъ свою организационную работу и сразу почувствовалъ существенное ухудшеніе внѣшней обстановки для этой работы.

Уже двухмѣсячная проволочка въ осуществленіи соглашенія 2 іюля неблагоприятно отразилась на положеніи вещей въ краѣ. Авторитетъ рады и секретаріата замѣтно ослабѣлъ, такъ какъ секретаріатъ, въ ожиданіи правительственной инструкции, долженъ былъ воздерживаться отъ свободнаго проявленія своей власти. Съ переходомъ секретаріата на роль мѣстнаго органа центральной власти,—своего рода коллективнаго генераль-губернатора надъ пятью губерніями,—его значеніе силою вещей еще болѣе суживалось и умалялось. Идея соглашенія 2 іюля явно была пренебрежена временнымъ правительствомъ и не нашла себѣ мѣста въ инструкціи. Въмѣсто возможности постепенно, при содѣйствіи центральной власти, эволюционировать въ полновластный органъ автономнаго управленія, секретаріатъ очутился въ цѣпи бюрократическихъ инстанцій и вмѣстѣ съ тѣмъ въ цѣпяхъ бюрократической традиціи. Еще при условіи фактическаго обладанія надлежащею степенью власти, признаваемой всѣми мѣстными учрежденіями, секретаріатъ могъ бы немедленно принятыся за практическую работу, на почвѣ которой мало-по-малу создавался бы нормальный строй отношеній между общегосударственнымъ и областнымъ центрами. Но Петроградъ издалъ только декларацію о правахъ секретаріата, а самыхъ правъ ему не далъ. Результатъ такого положенія могъ быть только одинъ: хроническія тренія между секретаріатомъ и петроградскими министер-

ствами съ одной стороны, между секретаріатомъ и мѣстными учрежденіями отдѣльныхъ вѣдомствъ—съ другой.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ генеральный секретаріатъ непосредственно и чрезъ своего петроградскаго представителя указывалъ временному правительству на ненормальность положенія и добивался соотвѣтствующихъ директивъ мѣстнымъ учрежденіямъ. Но правительство игнорировало эти настоянія и вообще, послѣ изданія инструкции, не проявляло никакого интереса къ дѣлу организациі управленія Украиной на новыхъ началахъ.

Узелъ мѣстныхъ отношеній тѣмъ временемъ запутывался все больше и больше. Жизнь ждать не могла и не хотѣла. Населеніе обращалось со своими нуждами къ секретаріату, какъ къ признанному органу власти, но встрѣчало лишь неизбежныя, при данныхъ условіяхъ, проволочки, тяжело отражавшіяся на интересахъ края и ронявшія авторитетъ секретаріата. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда секретаріатъ бралъ рѣшенія на свою отвѣтственность, получались конфликты съ центральной властью. Положеніе становилось до крайности тягостнымъ и напряженнымъ. Очередные украинскіе съѣзды все настойчивѣе требовали углубленія и расширенія власти секретаріата до первоначальныхъ предѣловъ. Подъ вліяніемъ неудачнаго опыта совмѣстной работы съ Петроградомъ, стремленіе къ скорѣйшему осуществленію краевой автономіи крѣпло и охватывало все болѣе широкіе круги украинской демократіи. Центральная рада поставила на очередь вопросъ объ особомъ украинскомъ учредительномъ собраніи, чрезъ которое украинскій народъ, не уклоняясь отъ участія во всероссійскомъ учредительномъ собраніи, могъ бы опредѣленнѣе и яснѣе формулировать свою волю относительно устройства своего края. Законопроектъ о такомъ собраніи предполагалось представить на утвержденіе центрального правительства.

Кіевскіе проекты, съ тревожными комментаріями столичной прессы, вывели, наконецъ, правительство изъ его олимпійскаго равнодушія къ украинскимъ дѣламъ. Интересъ къ нимъ, однако, проявился у официальныхъ круговъ въ очень своеобразной формѣ, весьма характерной для позиціи и политики правительства Керенскаго въ

украинскомъ вопросѣ. Безъ обязательнаго по инструкціи участія петроградскаго представителя Украины и безъ всякихъ предварительныхъ съ нимъ переговоровъ было созвано экстренное засѣданіе временнаго правительства, въ которомъ, на основаніи случайнаго и односторонняго матеріала, свидѣтельствовавшего якобы объ усиленіи сепаратистскихъ тенденцій на Украинѣ, были приняты по отношенію къ генеральному секретаріату репрессивныя мѣры, съ вызовомъ его представителей въ Петроградъ для объясненій. Протестуя противъ тактики правительства, петроградскій представитель Украины заявилъ правительству о сложеніи своихъ обязанностей.

Въ Кіевѣ извѣстія изъ Петрограда произвели очень тяжелое впечатлѣніе. „Опытъ реформы мѣстнаго управленія“ по отношенію къ Украинѣ принялъ въ рукахъ революціоннаго правительства давно знакомыя украинцамъ формы централистическаго автократизма. Былъ поставленъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ при данныхъ условіяхъ секретаріатъ обязанъ подчиниться требованіямъ временнаго правительства. Духъ лояльности и въ этомъ случаѣ получилъ въ кіевскихъ настроеніяхъ перевѣсъ: 24 октября представители секретаріата прибыли въ Петроградъ и заявили главѣ правительства о своей готовности дать разъясненія по интересующимъ центральную власть вопросамъ. Но въ этотъ день они не были приняты по случаю вспыхнувшаго возстанія большевиковъ, а на другой день кіевской делегаціи уже не съ кѣмъ было бесѣдовать...

Въ виду наступившей въ столицѣ анархіи, делегація отправилась обратно въ Кіевъ, чтобы продолжать свою работу по укрѣпленію той мѣстной власти, которая теперь, силою вещей и по праву законной преемственности, очевидно, была призвана замѣнить на Украинѣ свергнутую большевиками власть государственнаго центра. Правда, на ея мѣстѣ возникла новая власть, но ей самой еще предстояло обезпечить себѣ авторитетъ и общее признаніе, на что шансы у нея были весьма слабы. Правда, эта власть, въ качествѣ ультра-демократической, немедленно декларировала воплощеніе въ жизни новаго соціального и политическаго строя, одною изъ деталей котораго было

предоставленіе народамъ Россіи права „самоопредѣляться“ въ произвольныхъ предѣлахъ, вплоть до полного отдѣленія отъ государства; но въ то же время власть большевиковъ стремилась олицетворить собою „диктатуру пролетаріата“, а такая диктатура, какъ и всякая иная, не могла бы обойтись безъ административнаго централизма и автократическихъ приѣмовъ управленія. Очевидно, во всякомъ случаѣ и при всѣхъ условіяхъ, для генеральнаго секретаріата было важнѣе всего, въ интересахъ края и населенія, сосредоточить въ своихъ рукахъ всю полноту власти и осуществлять лежащія на немъ задачи управленія путемъ интенсивной органической созидательной работы во всѣхъ сферахъ краевой жизни. Въ этой работѣ лежало разрѣшеніе и другой важной задачи, возложенной на секретаріатъ русскою дѣйствительностью: въ предѣлахъ возможнаго оградить Украину отъ той анархіи, которая уже разѣла своею ржавчиной великорусскія губерніи, а теперь, съ водвореніемъ въ столицахъ и крупныхъ центрахъ режима большевиковъ, грозила охватить пожаромъ и остальные области Россіи.

IV.

Замѣна центральной власти областною на Украинѣ скорѣе была уже запоздалою, чѣмъ преждевременною. Въ этомъ отношеніи всѣ упреки, которые бросала украинцамъ русская пресса, обвиняя ихъ въ узурпированіи власти, превышеніи своихъ законныхъ правъ, предвосхищеніи воли всероссійскаго учредительнаго собранія и т. п., — дышали тѣмъ же наивнымъ академизмомъ или слѣпымъ доктринерствомъ, какія проявлялись антагонистами украинства въ прежнихъ сужденіяхъ на темы объ украинской автономіи и національныхъ полкахъ. Какъ и въ этихъ случаяхъ, запросы жизни, не получившіе своевременнаго удовлетворенія, успѣли значительно перерасти первоначальную умѣренную форму и потребовали уже для своего разрѣшенія гораздо болѣе широкихъ рамокъ и болѣе сильныхъ средствъ. Развалъ армій на фронтахъ, въ томъ числѣ и на юго-западномъ, достигъ къ этому времени такихъ размѣровъ, что уже ни мѣстные органы правительственной власти, ни немногочисленные силы украин-

скихъ воинскихъ частей не могли сдерживать натиска „взбунтовавшихся рабовъ“,—по выраженію Керенскаго,—которые въ прифронтовой полосѣ Подольской и Волынской губерній повторили надъ несчастнымъ населеніемъ всю программу тарнопольскихъ и калушскихъ звѣрствъ и разрушеній. Въ перспективѣ угрожала общая демобилизація, которая должна была наводнить весь край темными, дикими и голодными ордами дезорганизованнаго войска. Необходимо было спасти край отъ сплошнаго разоренія и обращенія въ пустыню. Путь для этого былъ одинъ—усиленіе регулярной военной силы, объединенной національною идеей и способной, въ виду этого, противостоятъ анархически настроеннымъ массамъ, состоящимъ преимущественно изъ чуждыхъ краю пришлыхъ элементовъ. Дополненіемъ къ организованнымъ войсковымъ частямъ должна была служить народная милиція, которая начала создаваться на мѣстахъ еще задолго до послѣдняго переворота въ формѣ „вольнаго казачества“ и которой теперь оставалось придать болѣе правильную и законченную организацію. При такихъ условіяхъ генеральный секретаріатъ долженъ былъ пополнить свой составъ секретаремъ по военнымъ дѣламъ, который и принялъ завѣдываніе регулярной и вольной военною силою въ краѣ. Въ мѣстѣ съ тѣмъ были учреждены секретарства и по всѣмъ другимъ отраслямъ внутренняго управленія, до сихъ поръ остававшимся въ вѣдѣніи центральнаго правительства (продовольствіе, юстиція, пути сообщенія, почта и телеграфъ). Одновременно генеральный секретаріатъ декларировалъ расширеніе своей власти на тѣ четыре губерніи съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ, которыя въ свое время были оставлены временнымъ правительствомъ за границами украинской автономіи. Въ сущности, включеніе ихъ въ границы Украины утверждало только дѣйствительное положеніе вещей, такъ какъ центральная рада съ самаго начала существованія имѣла въ своемъ составѣ выборныхъ отъ всѣхъ украинскихъ губерній, а въ томъ числѣ и отъ „забракованныхъ“ вполнѣдствіи временнымъ правительствомъ.

Генеральный секретаріатъ закончилъ, такимъ образомъ, свою организацію и могъ уже безъ особыхъ треній

руководить жизнью края. Но Кіеву не суждено было остаться въ сторонѣ отъ пожара гражданской войны, зажженного большевиками въ Петроградѣ. Нормальное теченіе кіевской жизни было нарушено двойственной тактикою мѣстной правительственной военной власти. Сперва кіевскій штабъ заключилъ съ центральной радой соглашеніе, въ силу котораго, въ случаѣ наступленія какихъ-либо эксцессовъ, вызванныхъ петроградскими событіями, активная роль сосредоточивается въ рукахъ штаба, но подъ общественнымъ контролемъ. Вопреки этому соглашенію, безъ освѣдомленія центральной рады о своихъ намѣреніяхъ, штабъ, опираясь на юнкеровъ и нѣкоторыя части гарнизона, допустилъ открытіе военныхъ дѣйствій противъ созѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, хотя большевики въ немъ тогда вовсе не играли доминирующей роли. Значительная часть мѣстныхъ войскъ встала тогда на защиту совѣта, и въ результатѣ Кіевъ пережилъ нѣсколько дней кровавой бойни и артиллерійскаго разгрома, пока посредничество центральной рады не привело враждующія стороны къ „перемирію“. Благодаря этой авантюрѣ штабныхъ властей большевистскія настроенія въ частяхъ кіевского гарнизона значительно усилились. Въ сформировавшемся, по примѣру Петрограда, военно-революціонномъ комитетѣ кіевскіе большевики уже оказались господами положенія. Въ концѣ-концовъ штабъ остался безъ поддержки и выбылъ изъ города, передавъ свои полномочія центральной радѣ.

Но кіевскіе большевики уже не могли удовольствоваться побѣдою надъ правительственнымъ штабомъ. Центральная рада и генеральный секретаріатъ, въ ихъ глазахъ, были не менѣ буржуазными и контръ-революционными, какъ и министерство Керенскаго съ демократическимъ совѣщаніемъ, и во всякомъ случаѣ заслуживали той же участи. Генеральный секретаріатъ получилъ свѣдѣнія о подготовкѣ большевиками на кіевской почвѣ переворота, аналогичнаго петроградскому, и вынужденъ былъ принять необходимыя мѣры. Къ этому времени въ распоряженіи секретаріата было достаточное количество вѣрныхъ національной идеѣ войсковыхъ частей, и съ ихъ помощью секретаріату удалось быстро и почти безъ жертвъ

разоружить и удалить за предѣлы Украины большевистскія части кievскаго гарнизона. Съ такимъ же успѣхомъ украинскія войска разоружали большевиковъ, двигавшихся къ Кіеву для поддержки совѣтской власти. Агитація противъ центральной рады, поднятая большевиками среди рабочихъ круговъ Кіева, не имѣла успѣха. Тогда на защиту кievскихъ большевиковъ выступило петроградское правительство „народныхъ комиссаровъ“, предложивъ въ ультимативной формѣ генеральному секретариату возстановить прежнее положеніе и измѣнить свою тактику въ отношеніи большевиковъ, угрожая Украинѣ въ противномъ случаѣ военными дѣйствіями. Секретариатъ отвѣтилъ подтвержденіемъ занятой имъ позиціи, и съ того времени дѣйствительно открылась своего рода война на „русско-украинскомъ“ фронтѣ: между украинскими и большевистскими войсками происходили мѣстные стычки, преимущественно на желѣзныхъ дорогахъ и узловыхъ станціяхъ, которыя переходили изъ рукъ въ руки. Въ общемъ, однако, перевѣсъ оставался на украинской сторонѣ, и большевистскія организаціи вынуждены были, по примѣру правительственнаго штаба, эвакуироваться изъ Кіева. Своимъ новымъ центромъ большевики избрали Харьковъ, гдѣ обиліе рабочихъ и значительный процентъ великорусскаго населенія обезпечивали большевизму достаточный контингентъ сторонниковъ.

Задача укрѣпленія власти за единственнымъ законнымъ учрежденіемъ на Украинѣ—генеральнымъ секретариатомъ—явнымъ образомъ совпадала съ возможно полнымъ обособленіемъ украинской земли отъ тѣхъ условій, которыми было вызвано государственное разложеніе Россіи. Въ скоромъ времени послѣ петроградскаго перелома центральная рада пришла къ рѣшенію объявить Украину демократической республикой, составляющей часть россійской федеративной республики. Утвержденіе конституціи и выборъ правительства Украинской республики предоставлялись украинскому учредительному собранію. Что касается Россійской республики, то ея правительство, по мнѣнію центральной рады, могло бы быть организовано только по федеративному принципу, изъ представителей отдѣльныхъ самоопредѣлившихся обла-

стей. Эту идею украинскіе депутаты предполагали отстаивать и во всероссійскомъ учредительномъ собраніи, если-бы оно осуществилось. Съ этой точки зрѣнія центральная рада, вступивъ въ конфликтъ съ народными комиссарами, не находила возможнымъ признавать ихъ правительство всероссійскою властью, а трактовала его въ качествѣ лишь правительства Великороссіи. Сколько-нибудь вѣскихъ возраженій противъ такого логическаго построенія правительство большевиковъ выдвинуть не могло, ибо опорою взгляду центральной рады служилъ прежде всего большевистскій декретъ по національному вопросу, предоставлявшій народностямъ самоопредѣляться до отдѣленія. И только въ ослѣпленіи партійнаго фанатизма народные комиссары могли стать въ такое рѣзкое противорѣчіе съ собственнымъ декретомъ, настаивая на своемъ правѣ руководить внутреннею жизнью Украины и, такимъ образомъ, раскрывая во всей полнотѣ централистическую сущность своего міровоззрѣнія.

V.

Тяжелый, но и великій въ міровой исторіи годъ провелъ великую, но несчастную россійскую державу сквозь строй политическихъ и соціальныхъ осложненийъ, закончившихся распаденіемъ Россіи на рядъ отдѣльныхъ территорій, областей и республикъ. Въ исторіи Украины этотъ годъ далъ феерическую картину національнаго возрожденія, постепенно создавашаго, подъ давленіемъ желѣзной логики жизни, украинскую государственность. Какую судьбу принесетъ Россіи и Украинѣ ближайшее будущее, въ связи съ окончательною ликвидаціею міровой войны, трудно теперь загадывать. Возможны всякія перспективы и комбинаціи, вплоть до возврата Россіи съ ея составными частями къ старому корыту, которое только окажется, конечно, въ неизмѣримо худшемъ состояніи, чѣмъ было четыре года тому назадъ. Но покамѣстъ исторія сказала свое слово, и оно во всякомъ случаѣ оставитъ свой слѣдъ и свое воздѣйствіе на будущія времена. Это слово исторіи дастъ возможность извлечь поучительные выводы изъ прошлаго, которые, быть можетъ, окажутся небезполезными для нашего народа на его дальнѣйшемъ историческомъ пути.

Двѣсти семьдесятъ лѣтъ тому назадъ впервые послѣ нѣсколькихъ вѣковъ раздѣльной исторіи соприкоснулись украинская государственность въ лицѣ республики Богдана Хмѣльницкаго съ государственностью великорусскою въ лицѣ московскаго царства. Каждая изъ народностей внесла въ это общеніе свою индивидуальность и свойственныя ей государственныя начала. Съ одной стороны вотчинное начало, татарско-византійскій абсолютизмъ и, какъ его результатъ, полицейскій централизмъ въ государственномъ строѣ; съ другой—индивидуализмъ, глубокій демократизмъ и обусловленная этими свойствами недостаточная сила внутренняго спѣлленія—національнаго и государственнаго. Въ итогъ за два вѣка украинская демократическая государственность растворилась въ великорусскомъ имперіализмѣ, а украинская національная культура едва дышала въ непрерывной борьбѣ съ великорусскимъ централизмомъ. Соединеніе Малороссіи съ Москвою превратило Московское царство въ Россійскую имперію, но эта имперія по своей сущности всегда была государствомъ великороссовъ, которые держали себя въ этой огромной вотчинѣ хозяевами, а на другія обитавшія въ ней народности смотрѣли какъ на покоренныхъ рабовъ. Исторія украинскаго національнаго движенія служить яркою иллюстраціею правильности нашей характеристики великорусской государственности. Отъ Петра Великаго до Александра III всѣ россійскіе самодержцы держались по отношенію къ Украинѣ одинаковыхъ взглядовъ и вели одинаковую политику; о такихъ исключеніяхъ, какъ Елизавета, политика которой исходила изъ личныхъ мотивовъ, говорить, конечно, не приходится. Полуконституціонный режимъ, которымъ надѣлило Россію царствованіе Николая II, ни въ чемъ не измѣнило традицій русской политики въ украинскомъ вопросѣ: опять-таки мы не будемъ брать въ расчетъ исключительнаго двухлѣтія 1906—1907 г., когда особыя условія момента вынудили царское правительство смягчить общую обстановку политической жизни Россіи. Революція 1917 г. дала Россіи фактически республиканскій строй. Въ теченіе года Россійская республика смѣнила нѣсколько правительствъ, отъ буржуазно-либеральнаго съ кн. Львовымъ

и Милюковымъ до социалистическаго съ Керенскимъ и закончила правительствомъ солдатъ и рабочихъ съ Ленинымъ и Троцкимъ. Разнообразіе министерскихъ комбинацій, какъ видимъ, совершенно исключительное, но всѣ онѣ, какъ мы показали въ предыдущемъ изложеніи, имѣли между собою нѣчто общее: отрицательное отношеніе къ украинской національной идеѣ.

Тѣ же черты великорусскаго національнаго характера, создавшія російское самодержавіе и централистическую систему управленія, оказались гибельными и для самой великорусской государственности. Абсолютизмъ русскихъ самодержцевъ опирался только на народное безправіе и невѣжество, а потому всю силу административнаго аппарата направлялъ на огражденіе народныхъ массъ отъ свѣта и культуры. Централистическая система помогала ему въ этомъ, заглушая живыя силы и задерживая ростъ болѣе культурныхъ окраинъ. Силою инерціи абсолютная монархія въ Россіи продержалась до начала двадцатаго вѣка, вопреки стремленіямъ общественныхъ силъ страны и общему ходу міровой культуры. Но когда развитіе событій привело Россію въ столкновеніе со сложною системой выросшей за минувшее столѣтіе политической и экономической конкуренціи, то подгнившіе устои, на которыхъ держалось это государство-анахронизмъ, рухнули, и за распавшимися стѣнами русскаго самодержавія оказались тѣ же темныя народныя массы, съ тѣмъ же культурнымъ уровнемъ, на какомъ онѣ были сто лѣтъ назадъ, способныя на вспышки стихійной разрушительной силы, но лишеныя творческаго огня и порыва къ созидательной государственной работѣ.

Украинская народность, войдя въ орбиту московско-петербургской государственности, частью примирилась съ ней и играла для нея служебную роль, частью боролась съ нею за разрозненные остатки собственной культуры, стараясь изъ нихъ возстановить живое національное тѣло. Къ этой работѣ украинцевъ великороссы относились, за единичными исключеніями, отрицательно, идея же національно-политическаго возрожденія Украины встрѣчала съ ихъ стороны только недоброжелательство, безъ всякихъ исключеній. Такое же отрицательное отно-

шеніе проявляли представители великорусской интеллигенції, опять-таки за рѣдкими исключеніями, къ идеѣ федерализма, которая всегда была одною изъ основъ украинской политической платформы. Централисты, по своему національному существу великороссы, не были способны оцѣнить значеніе федеративнаго принципа для такихъ сложныхъ государственныхъ организмовъ, какимъ была до настоящей войны Россія. И даже въ то время, когда ходъ событій явнымъ образомъ складывался въ заключительную картину для петербургскаго періода русской исторіи, руководящіе круги русскаго общества, кость отъ кости и плоть отъ плоти великорусскаго народа, не только не пошли по пути, указанному украинцами, но даже, по старой традиціи, само украинское движеніе объявили противогосударственнымъ.

1918 годъ принесъ съ собою дальнѣйшее развитіе событій въ томъ же направленіи. Утвердившаяся въ Россіи власть совѣтовъ солдатскихъ и рабочихъ депутатов ликвидировала внѣшнюю войну Брестскимъ договоромъ, а взамѣнъ открыла рядъ „внутреннихъ фронтовъ“ въ борьбѣ съ элементами буржуазнаго строя. Украина, предпочитавшая закрѣпленіе достигнутыхъ позицій безконечному „углубленію революціи“, сдѣлалась для правительства большевиковъ однимъ изъ главныхъ объектовъ этой борьбы.

Съ внѣшней стороны Украина оградила свои интересы самостоятельнымъ представительствомъ въ брестскихъ переговорахъ и особыми договорными актами съ четвернымъ согласіемъ. Но созидательная государственная работа на Украинѣ затруднялась наступательнымъ движеніемъ большевизма, вызывавшимъ броженіе въ народныхъ массахъ. Украинѣ пришлось пережить тяжелый и кровавый періодъ натиска анархіи, одолѣть которую удалось только при содѣйствіи внѣшей силы. Украинская государственность силою вещей вынуждена была стать на путь полного обособленія отъ совѣтской республики—и въ этомъ направленіи нашла поддержку въ центральныхъ державахъ.

Украина, какъ независимое государство,—вотъ послѣдній логическій выходъ изъ тѣхъ посылокъ, какія были даны и общимъ ходомъ исторіи и, въ частности, развитіемъ событій великой россійской революціи.

Украина и московское самодержавіе

(Окончаніе).

V. Малороссійская коллегія и управленіе Украиной.

Учрежденіе Малороссійской коллегіи произвело на украинское общество весьма тяжелое впечатлѣніе. Заговорилъ даже бездѣятельный и безгласный Скоропадскій, умоляя Петра оставить въ неприкосновенности украинскіе законы, но его слезныя моленія отъ имени „всѣхъ малороссійскихъ людей“ на Петра не производили никакого впечатлѣнія. Петръ оставался непоколебимымъ.

6 іюля 1722 года въ гетманской резиденціи Глуховѣ скончался старый гетманъ Скоропадскій. Смерть послѣдовала отъ старости и болѣзней, но Бантышъ-Каменскій предполагаетъ, что на ускореніе печальнаго конца несомнѣнно повліяли правительственныя мѣропріятія по отношенію къ Малороссіи ¹⁾. Дѣйствительно, 16 мая былъ обнародованъ манифестъ объ учрежденіи Малороссійской коллегіи. Благодаря этому еще при жизни гетмана гетманская власть сводилась на-нѣтъ, и центръ тяжести управленія Малороссіей переносился въ Малороссійскую коллегію ²⁾. Отправка казаковъ для рытья Ладожскаго канала и назначеніе 10,000 казаковъ въ Персидскій походъ также губительно повліяли на здоровье престарѣлаго гетмана и ускорили его смерть. Гетманскій урядъ оставался вакантнымъ, а для малороссійской старшины выдвигался жизнью первостепенной важности вопросъ о судьбахъ автономіи въ Малороссіи. Что послѣдняя нахо-

¹⁾ Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи, стр. 495.

²⁾ Бантышъ-Каменскій. Источники Мал. Ист., т. II, стр. 321—325.
В. И. Пичета. Верховный Тайный Совѣтъ и Малороссійскія Дѣла (отд. оттискъ изъ „Украинск. Жизни“ № 3, 1916, стр. 1—4).

дилась подъ подозрѣніемъ центрального правительства, въ этомъ ни для кого не было сомнѣнія. Недаромъ президентъ Малороссійской коллегіи бригадиръ Вельяминовъ сразу занялъ недоброжелательную и вызывающую позицію по отношенію къ генеральной старшинѣ и гетманской власти.

Сейчасъ послѣ смерти Скоропадскаго во главѣ генеральной старшины на правахъ наказного гетмана сталъ черниговскій полковникъ Павелъ Леонтьевичъ Полуботокъ.

Вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей, наказной гетманъ немедленно разослалъ соотвѣтственные циркуляры по полкамъ. Занятіе должности наказного атамана Полуботокъ объяснилъ тѣмъ, что во время отъѣзда покойнаго гетмана въ Москву онъ стоялъ временно во главѣ управленія и что Скоропадскій на смертномъ одрѣ выражалъ желаніе видѣть его „наказнымъ гетманомъ“¹⁾. Занятіе черниговскимъ полковникомъ должности наказного гетмана не встрѣтило ни съ чьей стороны возраженій.

Вмѣстѣ съ универсалами о вступленіи въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей Полуботокъ разослалъ на имя полкового старшины дополнительный универсалъ, въ которомъ, сообщая объ отправкѣ въ Петербургъ прошенія объ избраніи „вольными голосами“ новаго гетмана, согласно „порядкамъ и статьямъ нашимъ украинскимъ“, и указывая на необходимость въ „междугетманское время порядокъ и дѣла всякія малороссійской отчины“ отправлять „своимъ обыкновеннымъ, а не премѣннымъ образомъ“, предписывалъ, чтобы „панове старшина и вся чернь войсковая и посполитая посполъ стану полку тамошняго жаднаго сумнѣнія и легкомыслія передъ себе незаверхючи, единъ другому по старинѣ и званію, яко надлежащихъ жадныхъ порядокъ обыкновеніе, право и самая слушность указаютъ, приличную и достойную почестъ и повиновеніе отдавали бы“. Гетманскій универсалъ требуетъ ненарушимости іерархіи въ соціальныхъ отношеніяхъ и настаиваетъ на томъ, чтобы всѣ подчиненные своимъ начальникамъ „обыклое послушенство и повин-

¹⁾ Малор. Дѣла (Арх. М. Ин. Дѣл.), № 38, 1722 г.

ность при всякомъ постоянствѣ и скромномъ обсужденіи чинили бы непременно по прежнему, зарабатывая тѣю своею отчетностью у престола монаршаго на всякую милость и похвалу“.

Универсалъ допускаетъ возможность открытаго неповиновенія со стороны отдѣльныхъ лицъ. Но таковое необходимо сразу пресѣчь. Поэтому „еслибы кто изъ легкомысленниковъ имѣлъ яковые въ народѣ возмутительные и непостоянные поступки отъ себе показывать, альбо противу власти старшинской непокорило но самовольно обходилися, альбо подданные державцамъ своимъ послушанія чинить не хотѣли, то таковые, яко сущаго добра мѣшатели, Богу и власти противники, повинни суть“. Универсалъ предлагаетъ полковникамъ и полковому старшинѣ виновныхъ „до крѣпкаго вяженія брати и безъ всякаго пощаждѣнія карати“¹⁾.

Вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о смерти гетмана Скоропадскаго было послано увѣдомленіе о вступленіи въ должность наказного атамана черниговскаго полковника П. Полуботка.

10 іюля это увѣдомленіе было предметомъ обсужденія въ Сенатѣ, который въ отвѣтъ на него вынесъ приговоръ: „Малой Россіи до избранія новаго гетмана вѣдать и всей той Малой Россіи управленіе чинити „по правамъ малороссійскаго народа“ полковнику Черниговскому Павлу Полуботку зъ генеральной старшиной“. Назначая Полуботка наказнымъ гетманомъ, Сенатъ въ своемъ приговорѣ требовалъ, чтобы „во всехъ делехъ и совѣтахъ и въ посылкахъ въ Малой Россіи универсаловъ имѣти сношенія и сообщенія съ опредѣленнымъ для охраны малороссійскаго народа бригадиромъ Вельяминовымъ“²⁾. Приговоръ Сената былъ представленъ Петру, который его утвердилъ. 11 іюля былъ опубликованъ именной высочайшій указъ о передачѣ управленія въ Малороссіи полковнику Павлу Леонтьевичу Полуботку съ генеральной старшиной „до избранія другого гетмана“, по правамъ малороссійскаго народа, при условіи во всѣхъ дѣлахъ, касающихся управленія Малой

¹⁾ Мал. Дѣла 1782 г., № 38, л. 1.

²⁾ Мал. Дѣла, № 39.

Россіей, сноситься съ бригадиромъ Вельяминовымъ ¹⁾. Составляя свой приговоръ о передачѣ временно управленія Малою Россіей черниговскому полковнику, Сенатъ постановилъ сообщить бригадиру Вельяминову, чтобы онъ во всемъ поступалъ согласно данной ему инструкціи и „накрѣпко“ смотрѣлъ, чтобы генеральная старшина „безъ его вѣдома никакихъ универсаловъ и писемъ о дѣлахъ не посылала“. Приговоръ Сената далѣе рекомендовалъ бригадиру организацію тайнаго надзора за дѣйствіями наказнаго гетмана и генеральной старшины.

Сенатскій приговоръ 10 іюля былъ отчасти, съ нѣкоторымъ сокращеніемъ, повторенъ въ сенатскомъ указѣ 22 іюля на имя президента Малороссійской коллегіи. Указъ требовалъ отъ президента „съ черниговскимъ полковникомъ и генеральной старшиной во всѣхъ дѣлахъ при совѣтахъ и посылкахъ въ Малую Россію универсаловъ присутствовать обще съ ними и смотреть того, дабы ничего противнаго его Величества интересу чинено не было“. Если же бригадиръ убѣдится въ этомъ, то такіе указы не должны быть отосланы. Наконецъ, Сенатъ предписывалъ Вельяминову представлять ему копіи за подписью старшины „со всѣхъ указовъ и универсаловъ“, разосланныхъ по полкамъ, а также и съ рѣшенія по дѣламъ, бывшимъ предметомъ обсужденія гетмана и генеральной старшины. Далѣе сенатскій указъ предписывалъ, чтобы „доходы, которые приходится собирать на гетманскую булаву и которые ему приходятъ по гетманству, збирать все то по-прежнему и содержать оныя въ Глуховѣ въ Малороссійской коллегіи“. Однако послѣдняя не могла „безъ указа оныя никакими расходы не расходовать“ ²⁾. Всѣ эти сенатскія рѣшенія заслуживаютъ вниманія, ибо въ нихъ совершенно отчетливо отражается направленіе той политики, которой правительство Петра намѣревалось держаться относительно Украины. Съ одной стороны, Сенату приходится считаться „съ правами малороссійскаго народа“, нарушать которыя было бы неосторожно. Во имя этихъ правъ, управленіе передается въ руки наказнаго гетмана, сохраняется внѣшняя независимость ихъ дѣйствій по отношенію къ

¹⁾ Мал. Дѣла, № 39.

²⁾ Мал. Дѣла, № 39, л. 17.

внутреннему управленію Украиной и подтверждается право наказного гетманства на старые гетманскіе доходы. И въ то же время Сенатъ весь проникнуть недовѣріемъ къ гетманству. Съ этой цѣлью положеніе наказного гетмана и генеральной старшины было поставлено въ такія условія, что исключало всякую возможность какихъ бы то ни было самостоятельныхъ дѣйствій со стороны центрального малороссійскаго правительства, благодаря постоянному контролю ихъ дѣйствій со стороны защитника интересовъ украинскаго народа, бригадира Вельямина. Заслуживаетъ вниманія оговорка Сената въ приговорѣ отъ 10 іюля „впредь до избранія другого гетмана“, но придавать ей большого значенія не слѣдуетъ: едвали эта оговорка отражала дѣйствительное мнѣніе Сената о формѣ управленія Украиной и не была ли она только политическимъ шагомъ, долженствующимъ успокоить взволнованныя мысли и чувства казацкой старшины.

Малороссійская генеральная старшина нѣсколько иначе смотрѣла на тотъ же вопросъ.

Несмотря на отрицательный отвѣтъ Петра объ избраніи гетмана, украинская старшина не могла съ этимъ помириться и неоднократно поднимала тотъ же вопросъ. Къ тому же между коллегіей и старшиной накопилось немало недоразумѣній, нуждавшихся въ разрѣшеніи.

Посылая въ августѣ 1722 года войскового товарища Володкевича и сотника Холодовича съ просительной грамотой отъ всего малороссійскаго народа, казацкая старшина снабдила ихъ и инструкціей, довольно отчетливо обрисовывающей какъ настроеніе самой старшины, такъ и взаимоотношенія Вельямина и казацкой старшины.

Послѣдняя указывала на нарушеніе Вельяминовымъ сенатскаго указа 14-го іюля относительно взаимоотношеній между Вельяминовымъ и войсковою старшиной. Вопреки указу ревностный бригадиръ отдаетъ различныя приказанія и требуетъ копіи со всякихъ писемъ, посылаемыхъ полковникамъ или въ полки, вмѣшивается въ мѣстные суды и беретъ дѣла для своего разрѣшенія, тогда какъ, согласно указу, коллегія учреждена только „для верхнихъ апелляцій“, требуетъ, чтобы всякія вѣдомости о денежныхъ сборахъ подавались непременно за подписью

войсковой старшины. Инструкція подчеркивала, что казачье имущество неприкосновенно благодаря статьямъ Хмельницкаго и жалованнымъ грамотамъ¹⁾. Въ грамотѣ, отправленной Петру, высказывалось желаніе оставить въ неприкосновенности казачіе земли и доходы²⁾.

13-го ноября Петръ прислалъ отвѣтъ на просьбы, посланныя съ вышеназванными депутатами³⁾. Указъ Петра требовалъ, чтобы коллегія поступала согласно инструкціи, а бригадиръ не вмѣшивался въ дѣла, не касающіеся всего малороссійскаго народа. Всѣ дѣла должны рѣшаться съ общаго совѣта, судебныя дѣла не могутъ разбираться въ коллегіи въ качествѣ первой инстанціи. Никакихъ указовъ старшинѣ бригадиръ посылать не имѣетъ права. Денежныя сборы, которые должны поступать по пунктамъ Хмельницкаго, собирать по вѣдомостямъ, представленнымъ генеральной старшиной, и лишнихъ собирать не разрѣшается⁴⁾. И тѣмъ не менѣе недоразумѣнія не прекратились. Вельяминовъ не хотѣлъ сдавать своихъ позицій, и между нимъ и генеральной старшиной началась упорная и настойчивая борьба, въ особенности по вопросу о денежныхъ сборахъ.

Особенно обострились эти отношенія при выясненіи запутаннаго вопроса, какія же доходныя статьи должны поступать въ распоряженіе центрального правительства.

Бригадиръ Вельяминовъ не отличался какими бы то ни было дипломатическими способностями. Вопросы ставилъ рѣзко и прямолинейно, не допуская никакого компромисса, словно чувствуя, что его агрессивная политика найдетъ полное сочувствіе со стороны центрального правительства. Вельяминовъ довольно скоро приступилъ къ выполненію финансовыхъ функцій Малороссійской коллегіи и сразу понялъ задачи ея довольно своеобразно и широко. Посылая въ Лохвицкую сотню Лубенскаго полка сборщиковъ Якова Манченка и Игната Иванова, Вельяминовъ далъ имъ инструкцію, которой сборщики были обязаны руководиться при отправленіи своихъ обязанностей.

¹⁾ Мал. Дѣла 1722 г., № 49, л. 1—3.

²⁾ Мал. Дѣла 1722 г., № 49, л. 9—10.

³⁾ Мал. Дѣла 1722 г., № 58.

⁴⁾ Мал. Дѣла 1722 г., № 59.

По мѣнѣнію составителя инструкціи, отправка сборщиковъ является вполне правомѣрнымъ явленіемъ. Хотя по пунктамъ Богдана Хмельницкаго разрѣшено „урядникамъ, войтамъ, бурмистрамъ, лавникамъ, радцамъ доходы всякіе денежныя и хлѣбныя збирать на царское Величество“, однако собранныя поступленія они должны были отдавать „темъ людямъ, которыхъ царское Величество пришлетъ“. Государевы же посланцы должны слѣдить, „чтобы клали вправду“. Это постановленіе сохраняетъ свое значеніе и послѣ учрежденія Малороссійской Коллегіи, ибо послѣдней предоставляется контроль надъ мѣстными административными агентами, чтобы послѣдніе „дѣлали вправду и ничего себѣ не брали“¹⁾. Связанные присягою сборщики должны были собирать „не выключая никого“ всякіе сборы, которые приходились „на гетмана, и на полковниковъ, и на сотниковъ, и на атамановъ, и на войтовъ, и на ратуши всякого чина и поспольства изъ монастырскихъ и церковныхъ“. Руководясь писаннымъ реестромъ, они должны собирать въ казну Е. И. В. „денежную казну и хлѣбъ со всякимъ прилежнымъ смотрѣніемъ и въ томъ зборѣ чинить правду“. Денежныя сборы должны находиться въ полномъ соотвѣтствіи съ присланнымъ ими реестромъ, а сборщики должны слѣдить, чтобы не было недоимки, ибо „никоторой доимки и быть не надлежитъ“. Для контроля надъ дѣятельностью сборщиковъ послѣдніе обязаны представлять особыя вѣдомости „по мѣсячно и по третямъ года“, по окончаніи каждаго мѣсяца въ третій день. Въ нихъ сборщики должны записывать все, „что съ кого и какова званія оной денежной казны и хлеба или со пчелъ десятинного собрано будетъ“, причемъ денежныя и хлѣбныя сборы должны быть записываемы по отдѣльнымъ вѣдомостямъ. Неисправное выполненіе указаннаго требованія влечетъ за собою уплату штрафа.

Собранныя деньги должны быть отсылаемы въ Малороссійскую Коллегію вмѣстѣ съ третними отчетными вѣдомостями. Что же касается хлѣбныхъ доходовъ, то инструкція требовала, чтобы „они находились въ притомномъ месте во всякомъ добромъ охраненіи“, „чтобъ оному

¹⁾ Мал. Дѣла 1722 г., № 53, л. 110—111.

утраты не было". Согласно инструкції, агенты коллегіи, находясь „у того збору“, не должны поспровки никому ни для чего не чинить и взятковъ ни съ кого не имати, и самимъ зборною денежною казною не користовуватися и никакое ухищреніе не чинить, такоже и обывателемъ обидѣ и налоговъ и лишніхъ тягостей не накладывать“ подѣ угрозой жестокаго истязанія и лишенія своихъ имѣній. Если же сборщики будутъ изобличены въ неполномъ „зборѣ“ въ казну денежныхъ и хлѣбныхъ поступленій, или если „что запустится въ доимку или изъ оныхъ денегъ явится что въ утайкѣ“ и въ томъ будутъ изобличены, то „те доимочные и похищенные деньги доправлены будутъ“ на нихъ, а сами сборщики подвергнутся наказанію. Наконецъ, инструкція рекомендовала развѣдывать относительно новыхъ неизвѣстныхъ сборовъ, не упомянутыхъ въ реестрѣ, и если таковыя объявятся, немедленно присылать „доношенія“ въ Коллегію. Кромѣ этого, на сборщиковъ возлагалась обязанность отдавать на откупъ „охочимъ людямъ оброчніе статьи“. Старые откупщики сохраняютъ за собой право эксплуатаціи своихъ доходныхъ статей только до окончанія „урочныхъ лѣтъ“, по окончаніи которыхъ онѣ даются съ торговъ на откупъ на общемъ основаніи¹⁾. Тутъ же, при инструкції, сборщикамъ былъ врученъ реестръ сборовъ, „что надлежитъ и съ какова званія собирать въ казну Е. И. В.“²⁾. Такъ, въ государственную казну, согласно реестру, должны быть собираемы торговые пошлины. Къ нимъ надо отнести: пошлину съ привозного хлѣба, по ковшу съ четверика; ваговые по 4 деньги съ пуда; съ продажнаго ведра вина и прѣснаго меду съ ведра по шагу. Затѣмъ идетъ рядъ промысловыхъ сборовъ, къ которымъ слѣдуетъ причислить: сборы по гривнѣ съ казановъ съ медоситни, съ воскобоенъ по щетану; съ понуховнаго вина по два рубля; скурного по копѣ; съ винокурныхъ казановъ по три копы. Потомъ въ реестръ записывалось „праздничное“ какъ съ казаковъ, такъ и съ посполитыхъ людей: „зѣ богатыхъ по три копейки, а зѣ убогихъ по конейки“; „со пчелъ и съ табаку“ — десятина; съ посполитыхъ людей „стадея“ — натуральными поступле-

¹⁾ Мал. Дѣла 1722 г., № 53, л. 110—111.

²⁾ Ibid.

ніями и денежными взносами, пропорціонально ихъ имущественному состоянію.

Кромѣ того, въ ярмарочные дни собирались пошлыны съ купеческихъ людей, смотря по товару, съ иностранцевъ „по копѣ и два золотыхъ, по полъ таляра; по золотому; по гривнѣ и по полъ чвартки“, а съ великороссійскихъ и малороссійскихъ купцовъ „по золотому и гривнѣ“. Помимо этого, въ реестръ записывались „съ продажныхъ лошадей поводного и съ рогатой скотины, съ купцовъ по 2 копейки, и съ продавцовъ потомужъ“; „съ привозного и приданнаго вина ярмаркового по золотому“, да „скатного по копѣ зъ кухари“; съ проѣзжихъ шинкарей по золотому и по гривнѣ; съ продажнаго дегтя на торгахъ по рублю.. Вообще всѣ предметы, предлагавшіеся на ярмаркахъ для продажи, подлежатъ соотвѣтствующему подотчетному обложенію.

Инструкція Вельяминова съ приложеннымъ реестромъ сборовъ произвела по всей Украинѣ большое смущеніе. Благодаря такому распоряженію Вельяминова всѣ украинскіе доходы становились подъ контроль Малороссійской коллегіи и изъ доходовъ гетманской казны становились доходами казны Е. И. В. Такая централизація финансовыхъ поступленій съ точки зрѣнія дѣйствительной автономіи была, конечно, недопустима. Къ тому же было далеко не ясно, насколько реестръ сборовъ, составленный сборщиками Лохвицкой сотни, соотвѣтствовалъ дѣйствительности.

Напряженное состояніе, созданное Вельяминовымъ, отчасти разрѣдилось декабрьскимъ сенатскимъ указомъ, пытавшимся внести нѣкоторое успокоеніе въ среду взволнованнаго населенія. Согласно сенатскому указу, всякого рода ратушные сборы оставались неприкосновенными. Точно также сохранялось право на тѣ сборы, которые собственники могли подкрѣпить грамотами Е. И. В. или гетманскими универсалами. Вообще сборъ доходовъ въ казну отмѣнялся, за исключеніемъ только лишь тѣхъ, „какіе надлежатъ браты“ по пунктамъ Хмельницкаго ¹⁾. Основываясь на этомъ указѣ, гетманская канцелярія, желая выяснитъ, какіе сборы поступали въ государеву казну,

¹⁾ Мал. Дѣла 1722 г., № 53, ст. 114.

предлагала озаботиться объ этомъ полковой администраціи. Вмѣстѣ съ этимъ она рекомендовала послѣдней слѣдить за сборщиками, дабы послѣдніе руководились въ своей дѣятельности только лишь одной инструкціей. Послѣ собранія надлежащихъ свѣдѣній полковники должны были отослать собранныя ими свѣдѣнія въ генеральную войсковую канцелярію. Нѣсколько позже, а именно 23-го января 1723 г., наказный гетманъ Полуботокъ универсаломъ на имя переяславскаго полковника еще разъ предложилъ собирать сборы, которые требуются согласно сенатскому указу ¹⁾. Генеральная войсковая канцелярія принципиально допускала возможность агрессивныхъ дѣйствій со стороны Малороссійской Коллегіи при сборѣ денежныхъ и хлѣбныхъ поступленій, а потому настойчиво рекомендовала не позволять собирать неподлежащихъ денегъ, если только будутъ посланы сборщики. Генеральная войсковая канцелярія настойчиво указывала, что если „панове полковники и старшина на свой урядъ и за заслуги, да и знатное войсковое товариство, якими зборами, респектами, т. е. маестностями, млынами и въ нихъ войсковыми гаемаи и иными пожитками принадлежностями и доходами пожалованы“, то такія доходныя статьи по-старому были свободны отъ обложенія для государевой казны ²⁾.

Универсалъ генеральной войсковой канцеляріи поставилъ полковниковъ въ довольно затруднительное положеніе, возложивъ на нихъ обязанность выясненія, какіе сборы при Б. Хмельницкомъ поступали въ государеву казну. Полковники обратились къ помощи старожиловъ, которыхъ стали опрашивать и сообщенія которыхъ записывались въ протоколъ для сообщенія генеральной войсковой канцеляріи. Показанія старожиловъ были слѣдующія. Старинный казакъ Прилукской сотни Кулѣшъ признался, что ему было тогда, „якъ Хмельницкій Гетманъ былъ годовъ большъ десяти и помнитъ добре, что разныхъ датковъ, кромѣ только стацѣи борошеной, якую съ самихъ посполитыхъ людей стягаючи въ годъ до оного гетмана отводувана, только правѣ того не можетъ знати, сколько и якого борошна“. Относительно другихъ посту-

¹⁾ Ibid., л. 145.

²⁾ Мал. Дѣла 1722 г., № 38, ст. 34.

плений казакъ категорически высказалъ утвержденіе, что ихъ „ни съ казаковъ, ни съ посполитыхъ людей не взималось“ ¹⁾. Тимушъ Холщъ, казакъ той же сотни, „совѣстно призналъ, что зазналъ добре, якъ Б. Х. гетманомъ былъ и за его гетманство, и какъ помянутый гетманъ поклонился всероссійскому православному монарху московскому, и за его вѣрность не только ему самому, но и всему войску запорожскому прислано пожалованіе изъ Москвы, и великій государь въ своей премногой монаршей милости Малороссійскій народъ заховуючи, не велѣлъ въ Малой Россіи ниякихъ даделей въ казну свою государственную взимати, но ежегодно оному Х. присылалъ жалованье“ ²⁾.

Вообще многочисленныя показанія старожиловъ говорили одно и то же. Но бригадиръ не сдавался, и хотя генеральная старшина подавала и впослѣдствіи жалобы на президента Малороссійской Коллегіи, ему удалось уничтожить старшинскія льготы и, добившись всеобщаго обложенія, въ значительной степени увеличить денежныя поступления.

Нарушенія украинской конституціи шли и въ другомъ направленіи. Помимо того, что избранные на должности кандидаты утверждались правительствомъ и, слѣдовательно, исчезала всякая опасность назначенія непріятныхъ для правительства лицъ, однако Петръ назначалъ на украинскія должности лицъ великороссійскаго происхожденія, что, конечно, вносило въ украинскую среду недовольство. Въ іюнѣ 1722 года полковниками полковъ Полтавскаго, Стародубскаго и Переяславскаго были назначены великороссы ³⁾. Въ теченіе 1723 и 1724 гг. не были заняты мѣста полковниковъ только въ Миргородскомъ, Гадяцкомъ, Лубенскомъ, Прилуцкомъ полкахъ ⁴⁾. Параллельно развивалось великороссійское частное землевладѣніе. Правительство Петра раздавало за службу имѣнія изъ числа конфискованныхъ за измѣну въ эпоху Мазепы ⁵⁾. Съ своей стороны и украинскія должностныя лица хлопотали о пожалованіи имъ земли „за вѣрныя службы“ ⁶⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 147.

²⁾ Ibid., стр. 147.

³⁾ Мал. Дѣла 1722 г., № 44.

⁴⁾ Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи, Кіевъ, 1903, стр. 734.

⁵⁾ Мал. Дѣла 1722 г., № 21.

⁶⁾ Мал. Дѣла 1722 г., № 20.

И такое обращеніе къ правительству только усиливало позицію послѣдняго на Украинѣ.

Благодаря опредѣленно централистической политикѣ петровскаго правительства отношенія между генеральной старшиной и бригадиромъ Вельяминовымъ становились прямо-таки невозможными. Украинская старшина забрасывала правительство жалобами на администрацію, обвиняя ее въ нарушеніи правительственныхъ распоряженій и въ грубомъ обращеніи съ казацкой старшиной, разговаривая съ ней „з гнѣвомъ и крикомъ“ ¹⁾. Наконецъ, посылка прошеній объ избраніи гетмана „вольными по обыкновенію войска запорожскаго голосами“ ²⁾ заставила Петра предпринять рѣшительные шаги для ликвидаціи гетманства и вызвать наказнаго гетмана въ столицу.

Въ концѣ мая Полуботокъ уѣхалъ въ Петербургъ ³⁾. По пріѣздѣ было подано въ Сенатъ челобитье, въ которомъ указывалось, что вмѣшательство Малороссійской Коллегіи въ украинскіе суды составляетъ нарушеніе договорныхъ статей съ Б. Хмельницкимъ, такъ какъ въ нихъ ничего не сказано „о верхней аппеляціи, что оной быть у великороссійскаго воеводы“. Далѣе, въ прошеніи указывалось на привилеи, выданныя Алексѣемъ Михайловичемъ Б. Хмельницкому и подтверждавшія права и вольности войска и шляхетства, затѣмъ указывалось на незаконные сборы, тогда какъ при Б. Х. и предкахъ государя „никакихъ сборовъ въ казну Его Величества не збирано“. Правда, при Брюховецкомъ была попытка собирать въ городахъ „ратушные, денежныя и хлѣбныя доходы въ казну Его Имп. Величества, но и тѣ вскорѣ были отставлены“ ⁴⁾. Противъ челобитія съ юридической точки зрѣнія формально ничего нельзя было возразить. Это прекрасно понимало правительство Петра, но и возвращаться назадъ правительство не имѣло ни малѣйшаго желанія. Чтобы уничтожить всякія иллюзіи украинцевъ, Петръ отдалъ приказъ арестовать Полуботка и пріѣхавшую съ нимъ старшину, а вопросъ объ избраніи гетмана отло-

¹⁾ Мал. Дѣла 1723, № 1, л. 11, 13.

²⁾ Мал. Дѣла 1722, № 65.

³⁾ Мал. Дѣла 1723, № 5, л. 6.

⁴⁾ Мал. Дѣла 1723, № 18, л. 14—19.

жить на неопредѣленное время, „впредь до пріисканія въ гетманы весьма вѣрнаго и извѣстнаго человѣка“ ¹⁾.

VI. Правительственныя уступки.

Послѣ смерти Петра, съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, малороссійскія дѣла, „важныя и секретныя“, подлежали вѣдѣнію новаго высшаго центрального учрежденія ²⁾. Подъ вліяніемъ угрозы со стороны турокъ В. Т. С. сначала даже рѣшилъ возстановить гетманство, но вслѣдствіе указанія Толстого, что это рѣшеніе противорѣчитъ желанію Петра „прибрать Малую Россію къ рукамъ“, былъ вынужденъ отказаться отъ своего намѣренія и рѣшилъ только для успокоенія общественнаго мнѣнія облегчить финансовое положеніе Украины и освободить задержанныхъ представителей казацкой старшины. Вынеся постановленіе отъ 1-го іюня 1726 г. о назначеніи въ коллегію постоянныхъ членовъ и произведя Вельяминова въ генераль-майоры, В. Т. С. тѣмъ самымъ показали, что его политика по отношенію къ Украинѣ остается безъ всякаго измѣненія.

Но послѣ смерти Екатерины I В. Т. С. 12-го мая 1727 г. призналъ принципиально необходимымъ возстановленіе гетманства. вмѣстѣ съ этимъ былъ изданъ указъ о запрещеніи великороссійскимъ людямъ покупать земли на Украинѣ. Тогда же Украина обратно перечислялась въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Рѣшивъ возстановить гетманство, В. Т. С. всѣхъ членовъ коллегіи вызвалъ въ столицу и потребовалъ для просмотра приходо-расходныя книги.

1-го октября 1727 г. въ Глуховѣ состоялись выборы новаго гетмана. Избраннымъ оказался малороссійскій полковникъ Данииль Апостолъ. Выборы состоялись безъ подтвержденія статей Хмельницкаго. Благодаря этому власть гетмана не имѣла юридическаго обоснованія. Возстановленное гетманство должно было черпать силу не въ правахъ украинскаго народа, а лишь въ доброжелательности верховной власти по отношенію къ Украинѣ.

¹⁾ Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи, стр. 439.

²⁾ В. Пичета. Верховный Тайный Совѣтъ и Малороссійскія дѣла. „Украинская Жизнь“, 1916, № 3.

И тѣмъ не менѣе возстановленіе гетманства—вовсе не отказъ отъ централистической политики петровскаго правительства. Это только уступка, вызванная обстоятельствами момента. Недаромъ, отправляя на Украину въ качествѣ резидента при гетманѣ Наумова, В. Т. С. снабдилъ его инструкціей, въ которой централистическія стремленія правительства выступаютъ совершенно отчетливо. Правда, инструкция полностью не сохранилась, но и то, что дошло изъ нея, вполне отчетливо обрисовываетъ характеръ той политики, которой великорусское правительство предполагало держаться по отношенію къ Украинѣ. Разъ инструкция разрѣшала принимать жалобы отъ обѣихъ сторонъ по дѣламъ, связаннымъ съ постоянной повинностью, для разбора возникшихъ недоразумѣній, то это можно считать не чѣмъ инымъ, какъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Украины¹⁾. Все это указываетъ на слабость гетманской власти на Украинѣ и на нежеланіе В. Т. С. отказаться отъ политики вмѣшательства во внутреннія украинскія дѣла. Не отказывался В. Т. С. отъ вмѣшательства и въ финансовое хозяйство Украины²⁾. Наконецъ, В. Т. С. нашелъ неудобнымъ именовать Наумова резидентомъ при гетманѣ, ибо такового „государю держать не надлежитъ“. И это замѣчаніе прекрасно рисуетъ сущность той политики, которой придерживался В. Т. С. по отношенію къ Украинѣ.

Весной 1728 г. Даніилъ Апостолъ прибылъ въ Москву, гдѣ ему удалось добиться публикованія статей о правахъ и привилегіяхъ „малороссійскаго“ народа³⁾. Новыя статьи подтверждали многое изъ статей Хмельницкаго. Благодаря этому Украина разсматривалась какъ территорія совершенно отдѣльная по отношенію къ Великороссіи, а поэтому сохраняла нѣкоторыя особенности украинскаго государственнаго строя и управленія. И въ то же время въ гетманскія статьи были внесены столь существенныя дополненія, что отъ старыхъ статей Хмельницкаго собственно оставалось мало,⁴⁾ что въ значительной степени измѣнило правовое положеніе украинскаго народа. Въ

¹⁾ Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. LXXIX, стр. 251.

²⁾ Сборникъ, LXXIX, стр. 256.

³⁾ Бантишъ-Каменскій, Ист. Малой Россіи, стр. 438.

⁴⁾ В. Пичета. В. Т. С. и Мал. Дѣла. „Укр. Жизнь“, 1916, № 3.

новыхъ статьяхъ былъ уничтоженъ прежній ихъ живой духъ. Осталась только одна форма безъ ихъ содержанія. Новая конституція сохранила выборъ гетмана „вольными голосами“, но только съ соизволенія государя, который могъ его и отставить. Конституція запрещала гетману даже принимать письма иностранныхъ государей, и во всѣхъ дѣлахъ онъ былъ обязанъ совѣщаться „съ находившимся при немъ російскимъ министромъ и съ генеральными старшинами по прежнему войсковому обычаю“. Конституція сохранила въ прежнемъ видѣ судебную организацію, но былъ установленъ порядокъ для пересмотра дѣлъ въ апелляціонной инстанціи. Гетману предоставлялось право налагать денежныя пени на изобличенныхъ въ лихоимствѣ судей и отрѣшать отъ должности полковыхъ старшинъ и сотниковъ съ лишеніемъ даже имущества, но подъ условіемъ обязательнаго донесенія объ этомъ государю.

Какъ бы новыя статьи ни ограничивали полномочія гетманской власти, все-таки признаніе за Украиной права на внутреннюю автономію, хотя бы и урѣзанную,—фактъ большой историко-политической важности.

Въ апрѣлѣ 1733 года старый гетманъ заболѣлъ, и положеніе его стало совершенно безнадежнымъ. Передъ центральнымъ правительствомъ опять всталъ вопросъ о формѣ правленія на Украинѣ. Украинская старшина готовила для отправки челобитіе о производствѣ выборовъ гетмана, но кн. Шаховскому удалось предупредить его отправку. Самъ же Шаховской посылалъ Бирону обстоятельныя письма о настроеніи на Украинѣ и о желательной политикѣ по отношенію къ ней. Корреспондентъ Бирона былъ противникомъ украинской автономіи и предполагалъ поставить во главѣ Украины „одну персону“ съ титуломъ „намѣстника гетмана“. Однако и въ послѣднемъ случаѣ права и привилегіи украинскаго народа должны оставаться неприкосновенными,—такъ, Шаховской не допускаетъ даже мысли о возможности управленія „не по ихъ правамъ“. Такая политика необходима, „чтобъ часъ отъ часу, а не вдругъ, и къ прочимъ обычаямъ удобнѣе было наклонять по волѣ Ея Имп. Величества“¹⁾.

¹⁾ В. Пичета. Кн. А. И. Шаховской и вопросъ объ управл. Мал. „Укр. Жизнь“, 1916, №№ 10—11.

Въ Петербургѣ также относились отрицательно къ мысли объ избраніи новаго гетмана, такъ что письма Шаховскаго вполнѣ совпадали съ настроеніемъ центральнаго правительства.

Однако, правительство Анны Ивановны не рѣшилось открыто заявить о своемъ желаніи уничтожить гетманство. Указывая въ манифестѣ, что правительство озабочено выборами новаго гетмана и что въ непродолжительномъ времени онъ будетъ избранъ, кабинетъ министровъ былъ неискрененъ, такъ какъ у него было вполнѣ сложившееся мнѣніе о томъ, чтобы не выбирать гетмана. вмѣсто гетмана управленіе Украиной переходило въ вѣдѣніе особой коллегіи изъ шести членовъ во главѣ съ кн. А. М. Шаховскимъ: трехъ великороссовъ и трехъ украинцевъ. Этой коллегіи принадлежитъ вся полнота власти. Она отвѣстна только передъ Сенатомъ. Кабинетъ министровъ не собирался сходить съ занятой имъ позиціи и только требовалъ, „чтобы отъ великороссійскихъ судей не было народу озлобленія и обидъ и дабы оный малороссійскій народъ правосудіемъ тѣхъ великороссійскихъ судей былъ доволенъ и пріобыкалъ къ великороссійскому Управленію“.

Послѣ смерти Анны Ивановны правительство нарушило равенство между великороссійскими и украинскими членами Генеральной канцеляріи, но при Елизаветѣ это равенство было вновь восстановлено.

При посѣщеніи Елизаветой Петровной Кіева въ 1743 г. была подана украинской старшиной просьба о восстановленіи гетманства. Съ этой цѣлью была послана въ Петербургъ особая депутація, просьба которой получила полное удовлетвореніе. 22-го февраля 1749 г. состоялись въ Глуховѣ выборы новаго гетмана. По существу выборы были пустой комедіей, такъ какъ желательный для правительства кандидатъ былъ всѣмъ извѣстенъ. Избраннымъ оказался графъ Кириллъ Разумовскій. Но казацкая старшина, къ тому времени забравшая въ свои руки земли и трудъ посполитыхъ, была довольна правительственнымъ кандидатомъ, такъ какъ не сомнѣвалась въ его готовности дѣйствовать согласно ея планамъ и намѣреніямъ. Избраніе новаго гетмана не сопровождалось восстановленіемъ хотя бы урѣзанной украинской конституціи. Это

былъ только актъ милости правительства, который въ любой моментъ можно было отмѣнить Высочайшимъ указомъ.

VII. Окончательная ликвидація гетманства.

Правительство Елизаветы, возстановивъ гетманство, отнюдь не предполагало отказываться отъ принциповъ своей политики по отношенію къ Украинѣ. Сдѣлавъ уступку казацкой старшинѣ и отчасти удовлетворивъ ея національное чувство, правительство весьма тщательно слѣдило за политической жизнью на Украинѣ и стремилось дать ей желательное съ точки зрѣнія централистической политики направленіе. Фактически гетманъ даже и не управлялъ Украиной, и все управленіе его сосредоточилось въ рукахъ Теплова, совѣтника при гетманѣ. Ставъ съ 1763 г. статсъ-секретаремъ Екатерины II, Тепловъ, уловивъ намѣренія Екатерины II относительно Украины, представилъ ей докладную записку о Малороссіи, въ которой давалъ совѣты, руководясь которыми, правительство могло бы „привести въ лучшій порядокъ Малороссію“.

Подводя итоги всѣмъ непорядкамъ на Украинѣ, Тепловъ подчеркиваетъ несоотвѣтствіе республиканскаго польскаго права, бывшаго въ Малороссіи, съ самодержавной властью русскаго государя, верховнаго властителя Малороссіи. Такая точка зрѣнія вполнѣ соотвѣтствовала принципамъ политики Екатерины II, рѣшившей разъ навсегда уничтожить гетманство и тѣмъ самымъ прекратить на будущее время всякіе разговоры о сущности взаимоотношеній между Украиной и Россіей. Съ 1763 г. Екатерина приступаетъ къ опубликованію ряда мѣропріятій, долженствующихъ рѣшить судьбу гетманства. Для Екатерины II „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ правленіями, и нарушаютъ оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бѣ было, однако-жъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупостью. Сии провинціи, такъ же и Смоленскую надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ они перестали глядѣть, какъ волкъ въ лѣсъ“. Усвоивъ эту точку

зрѣнія, Екатерина II рѣшила учредить коллегію Малоросійскую вмѣсто бывшаго гетманскаго правленія и генераль-губернатора. Судьба гетманства была рѣшена. Дальнѣйшая политика сводилась къ постепенному превращенію Украины въ обыкновенную губернію Россійской имперіи. Страстный протестъ украинскаго общества, столь ярко выраженный въ наказахъ 1767 года, подданныхъ въ Коллегію для составленія новаго Уложенія, остался безъ отвѣта. Дальнѣйшій ростъ сословности на Украинѣ и закрѣпощеніе крестьянства въ значительной степени содѣйствовали укрѣпленію централистической политики, дѣлавшей довольно быстрые успѣхи. Къ концу XVIII вѣка автономія была ликвидирована.

Подведемъ итоги. Украина, войдя въ составъ Московскаго государства, была связана съ послѣднимъ договоромъ, опредѣлившимъ ея внутренній строй и взаимныя отношенія Украины и Москвы. Автономія Украины признавалась и послѣ 1654 года, но въ статьи Хмельницкаго вносились постепенно добавленія, въ значительной степени измѣнившія характеръ первоначальныхъ статей. Съ Петра правительство явно вступило на путь централистической политики и прибиранія Украины къ рукамъ. Отъ этихъ принциповъ не отказалось правительство и послѣ смерти Петра I, а Екатерина II окончательно нанесла послѣдній, рѣшительный ударъ украинской автономіи, уничтоженіе которой являлось, конечно, нарушеніемъ договора 1654 года.

В. Пичета.

На поворотъ

(Къ послѣднимъ страницамъ нашей исторіи).

I. Революціонный Угрюмъ-Бурчеевъ.

Украина къ концу 1917 года достигла зенита своихъ государственныхъ стремленій. Не признавъ власти петербургскаго правительства народныхъ комиссаровъ послѣ октябрьскаго переворота, Украина фактически стала въ положеніе независимаго государства, какъ Украинская Народная Республика, съ собственнымъ революціоннымъ парламентомъ—Центральной Радой и Генеральнымъ Секретаріатомъ въ качествѣ отвѣтственнаго предъ ней министерства. Это положеніе, созданное III-мъ универсаломъ, было оформлено IV-мъ универсаломъ, датированнымъ уже 9 января, который впервые выдвинулъ проблему полного, хотя и временнаго, отдѣленія отъ Россіи и самостоятельности. Говорю—временнаго, ибо на будущее Украинское Учредительное Собраніе тѣмъ же универсаломъ возложена была задача окончательнаго опредѣленія отношеній между Украиной и остальными частями, составлявшими въ прошломъ Россійскую имперію, причемъ не исключалась возможность „федеративной связи съ народными республиками бывшаго русскаго государства“.

Было бы празднымъ занятіемъ задаваться вопросами о юридической природѣ и основаніяхъ упомянутыхъ актовъ. Революція имѣетъ не только свою собственную логику, но и свою юриспруденцію и свои пути, и то, что обычно пріобрѣтается продолжительной борьбой, во время революціи достигается часто однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Если напряженіемъ народной воли, представленной въ извѣстныхъ органахъ, были достигнуты данные результаты, то eo ipso они являются законными и юридически, хотя это, конечно, и не рѣшаетъ вопроса объ ихъ дѣйствительной необходимости и цѣлесообраз-

ности, а равно и объ ихъ устойчивости. Можно считать политически ошибочнымъ и нецѣлесообразнымъ актъ объ отдѣленіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно отказать ему въ юридической правомочности, основаніемъ для которой въ революціонное время служить единственно воля народа, осуществляемая при посредствѣ правильно—опять-таки въ условно-революціонномъ смыслѣ—организованныхъ представительныхъ органовъ. Это вопросъ факта, вопросъ силы, способной не только провозгласить извѣстный принципъ, но и встать на его защиту; и если этой силы достаточно для дѣятельной самобороны, то тѣмъ самымъ вопросъ рѣшенъ: *voluntas populi—suprema lex*... Для насъ, федералистовъ, которые идеаль челоуѣческаго общежитія видимъ не въ раздѣленіи, а въ *свободномъ* соединеніи, намѣчается лишь иной путь, но цѣль остается прежней. Раньше къ федерации, этой государственной кооперации, мы шли чрезъ унитарное государство, теперь мы идемъ чрезъ самостоятельность. Измѣнилось на правленіе, но тотъ же неизблennyй идеаль освѣщаетъ его.

Въ иномъ положеніи оказались централисты всевозможныхъ видовъ и толковъ, отъ совершенно черныхъ, мечтающихъ о полной реставраціи стараго строя, до ярко-красныхъ, стремящихся къ полной же нивелляціи доступной ихъ возлѣйствію части челоуѣчества. Для нихъ неприемлемъ самый принципъ независимости Украины, они по-прежнему оріентируются на старыи центръ—первые на самодержавный, вторые на совѣтскій и тоже, въ этомъ смыслѣ самодержавный Петроградъ. Объективно говоря, цѣль у нихъ одна, различны лишь пути, которыми они къ своей цѣли подходятъ. Но что всего удивительнѣе—совершенно одинаковыми, до полнаго совпаденія, оказались и приемы, которыми вышедшая изъ повиновенія Украина приводится къ одному знаменателю. Для насъ неинтересны сейчѣс централисты перваго типа, но на централистахъ революціонныхъ, на ихъ тактикѣ, на приемахъ ихъ борьбы будетъ весьма поучительно остановиться детальнѣе.

Я попрошу читателя представить на одинъ мигъ, что предприняло бы правительство, скажемъ, Столыпина, если бы какая-нибудь часть Россіи, хотя бы Украина, имѣла возможность объявить независимость. Конечно, заработали бы жандармскія и охранныя отдѣленія, пришли бы въ движеніе всѣ тайныя пружины сыска и шпіонажа, начались бы попытки

раздѣлить возставшихъ и въ качествѣ *ultima ratio*, особенно убѣдительнаго аргумента, были бы двинуты на Украину войска. Перспектива примѣненія Столыпиннымъ такихъ *argumenta baculina*—палочныхъ доказательствъ, голаго насилія въ видѣ ли завоевательской арміи или карательныхъ экспедицій—настолько очевидна, что читатель въ ней ни на минуту не усомнится. Старая самодержавная власть другихъ аргументовъ не знала, иныхъ приѣмовъ не употребляла, иначе разрѣшать вопросы не могла и не умѣла. Насиліе и только насиліе было альфой и омегой ея искусства управлять.

Перенесемся теперь на другой полюсъ и вообразимъ...

Впрочемъ, ничего и воображать не понадобится, ибо дѣйствительность превзошла самыя страшныя картины, какія только могла бы нарисовать безумная, безудержная фантазія. Въ Смольномъ зашло правительство самое лѣвое, самое демократическое изъ когда-либо существовавшихъ подлунныхъ людей, которые рѣшили осуществить сейчасъ же, не откладывая въ долгій ящикъ, социалистическій рай на землѣ. И начали это осуществленіе съ потоковъ крови, съ разстрѣловъ того самаго пролетаріата, во имя котораго предприняли свое безумное намѣреніе, съ безконечной и безграницной цѣпи насилій, которыми вдоль и поперекъ по всѣмъ направленіямъ опутали всю жизнь населенія, имѣвшаго несчастье попасть подъ эти сокрушительные опыты. Для Ленина и К^о тотъ коллективный организмъ, который называется народомъ, государствомъ и который состоитъ изъ массы самодовлѣющихъ личностей, стоитъ не больше того кролика, надъ которымъ продѣлываетъ свои опыты экспериментаторъ. Кроликъ задыхается въ безвоздушномъ пространствѣ подъ стекляннымъ колпакомъ—что за бѣда: лишь бы опытъ удался! Это въ лучшемъ случаѣ, ибо если мы подойдемъ къ „опыту“ господъ изъ Смольнаго съ просто человѣческой мѣркой, то преступленію ихъ мѣры не будетъ и имени достойнаго на человѣческомъ языкѣ не окажется. Братоубійца Каинъ и предатель-Иуда—праведники, чистые голуби въ сравненіи съ твердо-каменными экспериментаторами изъ Смольнаго. Впрочемъ, они меня занимаютъ теперь лишь въ плоскости національнаго вопроса.

Я пишу эти строки подлѣ сплошной гуль адской канонады: уже восьмой день огромный, почти миллионный городъ,

красавецъ-Кіевъ подвергается обстрѣлу изъ тяжелыхъ орудій... Смерть—глупая, бессмысленная смерть—буквально летаетъ надъ головами почти милліона обитателей города, капризно выхватывая обреченныя жертвы. Я не знаю, докончу ли начатую фразу или же многопудовая глыба мѣди и свинца ворвется въ комнату и прерветъ мысль на полусловѣ. Разбойники и дикари, получившіе въ руки смертоносное орудіе разрушенія, хладнокровно и почти въ полной безопасности, издали разстрѣливаютъ мирное населеніе, — виноватъ: насаждаютъ соціальныя рай и рѣшаютъ національный вопросъ на Украинѣ. Да, это—рѣшеніе прежде всего національнаго вопроса, — рѣшеніе, которому любой Столыпинъ могъ бы позавидовать—съ такимъ нечеловѣческимъ безстрашіемъ, съ такой адской послѣдовательностью оно производится!

Большевики и въ національномъ вопросѣ оказались столь же радикально и безпощадно рѣшительными, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Въ то время, какъ всѣ демократическія организаціи выставили лозунгомъ „самоопредѣленіе національностей“, не давая, впрочемъ, конкретнаго опредѣленія этому самоопредѣленію, — они безстрашно и не колеблясь провозгласили: „полное самоопредѣленіе, вплоть до отдѣленія“. И какъ назойливо они приставали съ этимъ „отдѣленіемъ“ даже къ тѣмъ, кто въ немъ совершенно не нуждался, кто видѣлъ инныя возможности для мирнаго размежеванія народовъ! Но на меньшемъ они не мирились. И это вначалѣ даже подкупало: пусть это право не понадобится, пусть имъ никто не воспользуется, но оно существуетъ, свидѣтельствуя о безстрашной послѣдовательности новыхъ законодателей. Да, это дѣйствительно послѣдовательность, приведшая къ обстрѣлу перенаселеннаго города послѣ цѣлаго ряда подвиговъ въ этомъ же родѣ, послѣ Харькова, Екатеринослава, Одессы, Полтавы и другихъ городовъ, которымъ предоставлено, — кто же можетъ въ этомъ сомнѣваться? — „полное самоопредѣленіе вплоть до отдѣленія“ подъ грохотъ пушекъ, трескотню пулеметовъ и безпрерывную ружейную пальбу...

И произошло это превращеніе въ свою противоположность — „по Гегелю“, конечно, — до головокружительности быстро. Петербургскій и московскій опыты сразу отрезвили нашихъ доморощенныхъ большевиковъ и застали Украину, какъ и Донъ, Кавказъ, Крымъ и другія области воспользо-

ваться столь обязательно и любезно претоставленнымъ имъ правомъ на „полное самоопредѣленіе“. Но... тутъ-то и выступаетъ на сцену указанное превращеніе, котораго и самому Овидію не придумать. Самоопредѣленіе—конечно. Полное—сдѣлайте одолженіе. Отдѣляться—сколько угодно. Да вотъ намъ вша Рада что то не правится: буржуазна черезчуръ. Да и Секретаріатъ вашъ изъ однихъ генераловъ состоитъ: неларомъ и называется-то генеральнымъ... И въ результатъ—ультиматумъ: самоопредѣляйтесь, но подь условіемъ точнаго копирования смольнаго образца вплоть до „вся власть совѣтамъ“, или же—война.

Война объявлена. И не только объявлена, но и ведется со всею свойственной войнамъ безпощадностью: *a la guerre comme a la guerre*. Заработали большевистскія охранки, пришли въ движеніе всѣ тайныя пружины сыска и шпіонажа, начались поиски претателей, двинуты войска и наемныя банды для усмиренія строптивой, карательныя экспедиціи дѣйствуютъ во-всю, грабежъ идетъ открытый, средь бѣла дня, расправы и разстрѣлы, вплоть до и трепленія мирнаго населенія огромныхъ городовъ, производятся съ такой твердокаменной рѣшительностью, предъ которой едва-ли не дрогнули бы даже столь прославленные усмирители самодержавныхъ временъ—всѣ эти Мивы, Орловы, Ренненкампы... И все это во славу „полнаго самоопредѣленія“,—самоопредѣленія, проводимаго по чужимъ указаніямъ, подь давленіемъ грубаго насилія, подь гнетомъ посторонней воли...

Кошмарная, вопіющая, кощунственная непослѣдовательность! Или же—вѣрифе—дьявольская, сатанинская послѣловательность, находящая себѣ оправданіе въ міровозрѣніи, навыкахъ, во всемъ жизненномъ укладѣ этихъ новыхъ реформаторовъ, такъ радикально отрекшихся отъ стараго міра, что имъ пришлось прыгнуть въ еще болѣе старый—къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда человѣкъ человѣку не только былъ волкъ мѣ лютымъ, но и считалъ это въ порядкѣ вещей и нисколько этого не стыдился. „По Гегелю“.

Мотивы, которые влекутъ большевистскія банды на Украину, конечно, самые разнообразныя. Зѣсь можетъ дѣйствовать и фанатизмъ одураченныхъ, легковѣрныхъ людей, которымъ втолковали, что стоитъ свергнуть генераловъ, засѣдающихъ въ „генеральскомъ“ секретаріатѣ, какъ моментально во-

дворится на землѣ рай въ томъ грубомъ пониманіи, которое свойственно всѣмъ темнымъ, одуроченнымъ людямъ. Есть здѣсь и прельщенные 30-рублевымъ заработкомъ, и любители чужой собственности, которую такъ легко теперь „соціализировать“ въ свою личную пользу, и просто авантюристы, развращенные и разнузданные четырехлѣтнимъ легальнымъ убійствомъ, тренированные на узаконенномъ мародерствѣ, одичавшіе и озвѣрѣвшіе во время того повального сумасшествия, которое охватило міръ... Разные люди составляютъ эту толпу усмирителей и завоевателей, орудіейной пальбой вѣдряющихъ правила истиннаго самоопредѣленія, и о большинствѣ ихъ можно сказать, что за одичаніемъ или фанатизмомъ, заставшими ихъ глаза кровавымъ туманомъ, они не вѣдаютъ или не вполне вѣдаютъ, что творять, какое гнусное дѣло совершаютъ своими руками. Но руководители, пославшіе эти толпы? Неужели они тоже не вѣдаютъ? Высокообразованный Ленинъ; напимѣръ? Или европейски вылощенный сверхчеловѣкъ Троцкій? Или эстетъ и чуть-ли не богоискатель Луначарскій?... Они, конечно, и не столь глупы, и не столь фанатики, и не настолько одичавшіе люди, чтобы не понимать всей гнусности и всего ужаса творимаго ими дѣла. Они вѣдаютъ. Вѣдаютъ по крайней мѣрѣ, то, что къ генеральному секретаріату генералы имѣютъ такое же отношеніе, какъ комиссіонное вознагражденіе къ нимъ, называющимъ себя народными комиссарами. Но, вѣдая, они все-же посылаютъ наемныхъ убійцъ, т. е. совершаютъ дѣяніе, которымъ даже въ давнопрошедшія времена стыдливые люди не имѣли мужества открыто хвастаться. Почему же?

Потому что, отрекаясь отъ стараго міра и отрясая прахъ его съ своихъ ногъ, они всецѣло и нераздѣльно пребываютъ въ его власти. Они централисты, прежде всего и главнымъ образомъ централисты. Они самодержцы по всему складу своего міровоззрѣнія и мышленія, до мозга костей пропитавшіеся и развращенные самовластіемъ и деспотизмомъ. Эти двѣ черты стараго міра, оставшіяся и доставшіяся въ наслѣдство большевикамъ, предопредѣлили направленіе и характеръ ихъ дѣятельности, когда власть, по капризу судьбы, перешла на моментъ—въ исторіи это лишь моментъ—въ ихъ руки. Не то, чтобы они вдругъ отказались отъ своихъ словъ и обѣщаній,—нѣтъ, слова и обѣщанія прежнія, лозунги такъ же безпощадно прямолинейны, но ихъ они понимаютъ чересчуръ

своеобразно, такъ что отъ прекрасныхъ понятій свободы и самоопредѣленія ничего не осталось. Свободно все, что безусловно подчиняется ихъ, большевиковъ, волѣ, что сдается на ихъ, побѣдителей даннаго момента, милость. Поэтому задушена оппозиціонная печать. Поэтому внѣ закона объявлены всѣ несогласно мыслящіе. Поэтому грубо разогнано Учредительное Собраніе. Поэтому разстрѣливаются мирныя манифестаціи. Поэтому отдаются на растерзаніе толпѣ люди въ родѣ Духонина, Шиягарева и Кокошкина... Поэтому же ведутся десятки внутреннихъ войнъ—чтобы все покорилось подъ нозѣ ихъ величествъ народныхъ комиссаровъ и съ такимъ же трепетомъ внимало декретамъ изъ Смольнаго, съ какимъ раньше сгибалось предъ указами изъ Зимняго. Какъ Столыпинъ не могъ представить пространства отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды внѣ единой и нераздѣльной церкви самодержавія и народности, такъ и они не представляютъ тѣхъ же пространствъ внѣ тоже единой и тоже единоспасающей церкви совѣтской республики, построенной по образцамъ, выкованнымъ и одобреннымъ въ Смольномъ. Единообразіе для нихъ, съ молокомъ матери всосавшихъ отраву централизма, составляетъ все. А такъ какъ они также иныхъ аргументовъ, кромѣ палочныхъ, не знаютъ, иначе разрѣшать вопросы не могутъ и не умѣютъ, а сверхъ того и торопятся, ибо инстинктивно чувствуютъ, что положеніе весьма неустойчиво, то они и развели такую пальбу по необозримымъ пространствамъ, какой еще міръ не слыхалъ. Это даже не гражданская война, все-таки подчиняющаяся извѣстнымъ законамъ, а сплошное безуміе, поливаемое потоками крови, освѣщаемое пожарами, сопровождаемое разрушеніемъ.

Среди градоправителей трагикомическаго Глупова былъ одинъ—„бывшій прохвостъ“—прославившійся тѣмъ, что „разрушилъ старый городъ и построилъ другой на новомъ мѣстѣ“, собственно пытавшійся построить, но погибшій въ борьбѣ съ живой стихіей. Геніальный шаржъ сатирика нынѣ облекся во вполне реальныя формы и фантастическій Угрюмъ-Бурчеевъ воскресъ въ образѣ большевистской компаніи. „Онъ былъ ужасенъ,—читаемъ въ характеристикѣ этого градоправителя,—но сверхъ того онъ былъ кратокъ и съ изумительной ограниченностью соединялъ непреклонность, почти граничившую съ идиотствомъ... Онъ ничего не преслѣдовалъ, кромѣ пра-

вильности построеній. Прямая линія, отсутствіе пестроты, простота, доведенная до наготы,—вотъ идеалы, которые онъ зналъ и къ осуществленію которыхъ стремился“. Проявленія энергіи этого нравственнаго идиота не менѣе ужасны, чѣмъ онъ самъ. „Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ воображеніе прохвоста, не сдерживаемаго узлою и не угрожаемаго непрерывнымъ представленіемъ, о возможности наказанія на тѣлѣ. Однажды возбужденное, оно сбрасываетъ съ себя всякое иго дѣйствительности и начинаетъ рисовать своему обладателю предпріятія самыя грандіозныя. Погасить солнце, повертѣть въ землѣ дыру, черезъ которую можно было бы наблюдать за тѣмъ, что дѣлается въ аду,—вотъ единственныя цѣли, которыя истинный прохвость признаетъ достойными своихъ усилий. Голова его уподобляется дикой пустынѣ, во всѣхъ закоулкахъ которой встаютъ образы самой привередливой демонологіи“. И еще: „Угрюмъ-Бурчеевъ принадлежалъ къ числу самыхъ фанатическихъ нивелляторовъ... Начертавши прямую линію, онъ замыслилъ втиснуть въ нее весь видимый и невидимый міръ, и притомъ съ такимъ непремѣннымъ расчетомъ, чтобы нельзя было повернуться ни взадъ, ни впередъ, ни направо, ни налево... Нивелляторство, упрощенное до опредѣленной дачи чернаго хлѣба—вотъ сущность этой кантонистской фантазіи“...

Портретъ въ высшей степени современный. Революціонный Угрюмъ-Бурчеевъ, прямолинейный, ограниченный, не сдерживаемый никакой узлою, сбросившій съ себя иго дѣйствительности и распоясавшійся во всю свою демагогическую ширь, замкнутую, однако, въ рамки чисто кантонистской фантазіи,—предсталъ предъ нами во всей своей наготѣ. Онъ разрушаетъ старый городъ и пытается нѣчто построить, осуществляя свои бредовыя идеи; онъ залумалъ уловить вселенную и обратить ее въ одну огромную „совденію“; онъ силится втиснуть всю жизнь въ узкія рамки, созданныя убогой кантонистской фантазіей. И тутъ онъ сталкивается съ подлинной жизнью, которая, какъ рѣка, въ глуповской исторіи, несмотря на всѣ имъ творимые эксперименты, не поддается и продолжаетъ течь въ прежнемъ направленіи.

„Остатки монументальной плотины въ безпорядкѣ уплывали внизъ по теченію, а рѣка журчала и двигалась въ своихъ берегахъ, точь-въ-точь какъ за день тому назадъ“. Мы

не сомнѣваемся, что то же произойдетъ и въ данномъ случаѣ. Борьба еще не окончилась, но исходъ ея заранее предопредѣленъ, хотя бы большевистскому Угрюмъ-Бурчееву дѣйствительно удалось произвести разрушенія въдесятеро сильнѣйшія. Конецъ его близокъ. Онъ вѣдѣ сомнѣнія.

...„Раздался трескъ, и бывшій прохвостъ моментально исчезъ, словно растаявъ въ воздухѣ“,—такъ повѣствуется объ этомъ концѣ въ „Исторіи одного города“. Физически большевизмъ, вѣроятно, исчезнетъ такъ же внезапно, какъ и появился. Но моральныя послѣдствія его угрюмъ-бурчеевской работы, но разрушительное дѣйствіе его кантонистской фантазіи, но бредовое опустошеніе не только въ государственной, но и въ болѣе устойчивой, бытовой сферѣ,—все это еще долго будетъ сказываться на востокѣ Европы...

24 января, 1918 г.

II. Первая жертва.

Много мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ были написаны предыдущія строки. Много неожиданностей принесли эти мѣсяцы... Большевизмъ еще держится, продолжая свою борьбу съ живой стихіей жизненныхъ формъ бытового уклада. Борьба приобрѣтаетъ все болѣе и болѣе отъратительный видъ, превращаясь въ свирѣпый терроръ. Съ упорствомъ маньяка, одержимаго бредовой идеей, и съ беззаботностью дикаря, которому по какому-то капризу судьбы попали въ руки страшныя орудія разрушенія, вожди большевизма сятся осуществить свой идеалъ, начертанный все тѣмъ же Щедринымъ: „кругомъ—пейзажъ, изображающій пустыню, посреди которой стоитъ острогъ: сверху, вмѣсто неба, нависла сѣрая солдатская шинель“. Лишь ярко-красная вывѣска на этомъ острогѣ да красныя же пятна пролитой въ ошеломляющемъ количествѣ крови разнообразять этотъ фонъ солдатской шинели и придаютъ пейзажу багрово-зловѣйскій оттѣнокъ. „Ни Бога, ни идоловъ—ничего“: ихъ замѣнила мелкая вороватость, соединенная съ необузданной жестокостью...

Таковъ построенный въ пустынѣ острогъ, съ яркой вывѣской: „Совѣтская федеративная республика“. Но послѣд-

ствія угрюмъ-бурчеевскаго строительства сказались и за предѣлами острога. Первой жертвой его была—Украинская Народная Республика.

Возникнувъ 7 ноября 1917 г., она 29 апрѣля 1918 г. оковчила свое бытіе, просуществовавъ всего около полугода и оставивъ послѣ себя странное, ублюдочное существо, именуемое Украинской Державой. Отцомъ этого существа былъ большевизмъ, матерью—реакція, и уродливое сочетаніе этихъ двухъ началъ, конечно, ничего, кромѣ уродливости, дать было не въ состояніи.. Впрочемъ, меня занимаетъ сейчасъ не столько уродливая современность, сколько прошлое, подлежащее теперь уже суду исторіи и показывающее въ болѣе смягченномъ видѣ судьбу, ожидающую и совѣтскій острогъ.

Украинская Народная Республика, какъ суверенное государство, возникла не столько изъ столкновенія и работы внутреннихъ силъ, сколько подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Вотъ почему ея возникновеніе является до известной степени случайнымъ и не зависѣвшимъ отъ воли людей, принимавшихъ въ немъ даже наиболѣе дѣятельное участіе. Можно сказать, что и для нихъ этотъ шагъ, обрубавшій старыя государственныя связи, былъ неожиданнымъ, и едва-ли они предвидѣли его отчетливо даже за нѣсколько дней до рѣшительныхъ событій. Просто сложилась такъ обстановка, изъ которой не было, быть можетъ, иного выхода.

Украина, начавшая параллельно со всероссійской свою революцію, съ первыхъ же дней ея выступила со знаменемъ федерализма. Подъ это знамя,—старое, но не запятнанное знамя,—которое для вождей являлось традиционнымъ, дорогимъ и обусловленнымъ всей совокупностью обстоятельствъ предшествовавшей эпохи,—начался съ революціей массовый притокъ новыхъ силъ. До того времени это знамя популярностью не пользовалось: слишкомъ давила специфическая Россійская обстановка, не допускавшая развитія центробѣжныхъ стремленій,—но съ первыми же завоеваніями революціи картина рѣзко мѣняется. Огромная потенціальная сила національныхъ стремленій къ освобожденію, дремавшая подъ толстой корой предразсудковъ и равномерно распредѣлявшася гнета и потому мало замѣтная невнимательному взгляду, теперь превращается въ дѣйственный ферментъ, разлагавшій старые шаблоны и организующій на новыхъ началахъ

подлинно народные массы. Лозунгъ федераціи—„автономная Украина въ федеративной Россіи“—становится однимъ изъ наиболѣе популярныхъ, соперничая даже съ такимъ заманчивымъ для массъ кличемъ, какъ „земля и воля“. Противорѣчія здѣсь въ сущности не было, ибо поступать земли и воли неизбѣжно связывался съ требованіемъ автономнаго управленія отдѣльныхъ земель и областей, соединенныхъ между собой крѣпкими узами не только международной солидарности, но и болѣе интимныхъ отношеній, выстрадавшихъ столѣтіями совмѣстной жизни и лишеній.

Къ сожалѣнію, этотъ неокрѣпшій федерализмъ массъ встрѣтился, съ одной стороны, съ грубымъ предубѣжденіемъ централистически воспитанныхъ верховъ русскаго общества, а съ другой—съ тѣмъ примитивнымъ, кантонистски упрощеннымъ до прямой линіи пониманіемъ общественныхъ отношеній, представителемъ котораго явился большевизмъ. Оба эти фактора разлагающе дѣйствовали на украинскія массы. Централизмъ отталкивалъ извнѣ, направляя центробѣжныя стремленія за черту необходимаго и при данныхъ условіяхъ цѣлесообразнаго обособленія. Большевизмъ спутывалъ внутреннія отношенія, подставляя на мѣсто ближайшихъ и достижимыхъ задачъ несбыточныя фантазіи и направляя къ нимъ дезорганизаторскими путями. Если требованіе федеративнаго устройства встрѣчаетъ лишь непониманіе и отказъ, то не лучше ли перейти къ совершенному отдѣленію—таковъ былъ внѣшне правильный логическій выводъ изъ столкновеній съ не желавшимъ идти на уступки централизмомъ. Если однимъ ударомъ могутъ быть сейчасъ разрублены сложнѣйшіе узлы социальныхъ отношеній, то какой смыслъ въ воздержаніи и самоограниченіи ради одаленныхъ принциповъ государственности—такой выводъ услужливо подсказывался большевизмомъ. Централизмъ велъ къ сепаратизму, большевизмъ къ анархіи. И анархическимъ путемъ массы, въ лицѣ своихъ руководителей, устремились къ самостоятельности.

Подъ давленіемъ указанныхъ условій протекала дѣятельность украинскихъ руководящихъ круговъ, въ огромномъ большинствѣ вовсе не самостоятельныхъ и не анархистскихъ. Генеральный Секретаріатъ и Центральная Рада изъ практики своихъ сношеній съ органами временнаго правительства выносили убѣжденіе лишь въ томъ, что безъ рѣшительнаго напора на центральную власть Украина ничего не получитъ,

а къ этому напору и побуждало ихъ все болѣе и болѣе растущее недовольство низовъ. Съ другой стороны, крѣпнувшій тамъ же соціальный максимализмъ заставлялъ и въ соціальной программѣ дѣлать уступку за уступкой уже изъ одного сопернованія съ большевиками. Соответственно этому, первоначальный, чисто федералистическій составъ Генеральнаго Секретаріата мѣнялся, пополняясь людьми сепаратистическаго теченія съ уклономъ къ большевизму. Мѣняются, подъ вліяніемъ тѣхъ же условій, и настроенія въ Центральной Радѣ. И федералистическія настроенія, господствовавшія въ моментъ съѣзда народовъ (сентябрь), и чисто государственная программа, изложенная въ деклараціи Генеральнаго Секретаріата (октябрь), быстро уступаюгъ мѣсто настроеніямъ, выраженнымъ въ III-мъ и, особенно, въ IV-мъ универсалахъ. Максималистскія теченія и въ національной, и въ соціальной сферахъ видимо одерживаютъ верхъ.

Рѣшающимъ моментомъ было большевистское возстаніе и переворотъ конца октября. Съ одной стороны, онъ давалъ поводъ разрубить черезчуръ запутавшіяся отношенія съ временнымъ правительствомъ; съ другой—онъ выдвигалъ, въ лицѣ большевиковъ, новаго противника, съ которымъ справиться было гораздо труднѣе и который, несмотря на свою федеративную виѣшность, дышалъ глубочайшимъ внутреннимъ нивелляторствомъ, притомъ примитивнымъ и безпощаднымъ. Во время октябрьскихъ событій нѣкоторая часть украинцевъ оказалась, такимъ образомъ, въ союзѣ съ большевиками противъ временнаго правительства. Но союзъ этотъ, основываясь на недоразумѣніи, какъ и слѣдовало ожидать, оказался крайне хрупкимъ и закончился на другой же день полнымъ разрывомъ и формальной войной... Украина и Великобриторссія, для многихъ неожиданно, оказались на положеніи воюющихъ сторонъ.

При такихъ условіяхъ родилась Украинская Народная Республика. Развалъ и анархія въ странѣ къ этому времени достигли наивысшей точки своего напряженія. Фронтъ былъ оголенъ совершенно и путь къ сердцу страны открытъ и свободенъ. Финансовое положеніе безвыходное. Вопросы транспорта и снабженія въ катастрофическомъ состояніи. Стихійная безпорядочная демобилизація, скорѣе хаотическое бѣгство съ фронта, опрокидывала всѣ расчеты и вносила полный хаосъ и во всѣ отправления государственнаго механизма. Ломка

внутри еще дополняла ужасъ положенія. Новорожденному государству эти условія, притомъ въ такой безпримѣрной комбинаціи и пропорціи, не могли сулить безмятежнаго развитія,—даже въ томъ случаѣ, если бы во главѣ его стали лица, обладавшія государственнымъ чутьемъ хотя бы въ минимальныхъ размѣрахъ, хотя бы слабо понимавшія всю сложность и весь ужасъ положенія, отдававшія себѣ ясный отчетъ въ происходящемъ, сознательно несущія за него полную отвѣтственность. Къ сожалѣнію, не было и этого. Въ наиболѣе трудныхъ обстоятельствахъ рожденія въ мукахъ новаго государственнаго организма волна исторіи вынесла на поверхность одну лишь муть, которая бессильно барахталась, даже не пытаясь ввести хотя бы лучъ сознанія въ окружающій хаотическій мракъ. По инерціи нѣкоторое время механизмъ еще дѣйствовалъ, но банкротство должно было наступить очень быстро, оно ожидалось со дня на день.

Уже январскія событія, сдача Кіева и бѣгство правительства обнаружили полную его изолированность. Уже тогда до ужаса было очевидно, что государство не опирается на массы, деморализованныя и дезорганизованныя до послѣдней черты, до того, что на нихъ въ данную минуту не можетъ опереться никакая вообще созидательная идея. Большеизмъ временно побѣдилъ,—не потому, что онъ обладалъ какой-либо созидательной силой, а какъ-разъ наоборотъ, потому что въ наступившемъ хаосѣ онъ былъ наиболѣе хаотическимъ, составляя неотдѣлимую часть этого хаоса, разнуздывая всѣ инстинкты, распоясываясь во-всю и распоясывая приученныя къ демагогической лести массы. Какъ сила исключительно разрушительная, большеизмъ не могъ, конечно, обосновать какого-либо твердаго правопорядка, онъ былъ хилъ въ самихъ своихъ основаніяхъ, насколько хилой и нежизнеспособной является вообще всякая исключительно разрушительная сила. Ураганъ, сметая все на своемъ пути, тѣмъ не менѣе не можетъ проявлять длительного напряженія. Онъ исчерпываетъ себя сразу и въ весьма непродолжительное время. Но чтобы противостоять ему, необходима внутренняя сила. Ея не было. Пришлось воспользоваться силой со стороны.

Собственно этимъ и былъ подписанъ смертный приговоръ Украинской Республикѣ, какъ таковой. Дальѣйшее было лишь неизбежнымъ послѣдствіемъ, необходимыми аксессуарами, среди которыхъ ничтожество ея правителей хотя

по обстоятельствамъ времени и выступаетъ на первый планъ, въ общей перспективѣ событій занимаетъ несомнѣнно одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Противъ анархіи большевизма уже встрѣчной волной поднималась реакція, и въ происшедшемъ водоворотѣ должно было погибнуть все, что находилось въ роковомъ пунктѣ встрѣчи двухъ столкнувшихся теченій. Болѣе опытный пловецъ могъ бы, пожалуй, избѣгнуть опасности лично, но багажа, конечно, не удалось бы спасти никому... Раздавленный на Украинѣ физически большевизмъ отомстил за себя, уничтоживъ всякую сопротивляемость національнаго организма, распыливъ его на атомы, враждующіе другъ съ другомъ и потому на-время лишенные не только устойчивости, но даже силы элементарнаго сцѣпленія. Организованная, хотя бы и небольшая, сила легко могла его опрокинуть.

Такъ окончила быстротечные дни свои Украинская Республика. Главной причиной ея неустойчивости была уже отмѣченная мной случайность ея появленія. Она явилась въ результатъ не собственной своей силы, но чужого безсилія, нежизнеспособности развалившейся Россійской имперіи. Она образовалась почти безъ борьбы, съ необычайной легкостью, съ почти сказочной быстротой, но и при такихъ неимоверно трудныхъ внутреннихъ условіяхъ, справиться съ которыми не подъ силу было бы, очень возможно, и совершенно окрѣпшему организму. Что же удивительнаго, если съ ними не справился хилый, въ силу самихъ обстоятельствъ своего появленія, организмъ?

Украинская Республика погибла. Судьба ея преемницы, Украинской Державы, пока неизвѣстна: выживетъ-ли она—это вопросъ, при наличности настоящихъ данныхъ не поддающийся опредѣленному рѣшенію. Но никакому сомнѣнію для меня не подлежитъ, что не погибла и не погибнетъ Украина. Отдѣльно или совмѣстно со своими сосѣдями, въ качествѣ ли самостоятельной единицы или какъ часть болѣе широкихъ государственныхъ образованій,—но она устоитъ какъ національная индивидуальность. А это вѣдь главное, это то, изъ-за чего стоитъ работать, бороться, страдать. Борьба за сохраненіе своей національной индивидуальности, конечно, предстоитъ тяжелая,—относительно этого обманывать себя не приходится. Но—лишь бороться значитъ жить... И если въ вихрѣ современныхъ событій безвозвратно кончилась безотрадная полоса жалкаго прозябанія, если дѣйствительно открывается

возможность широкой, дѣятельной и плодотворной борьбы, если въ грозѣ и бурѣ начинается новая жизнь для народа,— то отдаленные потомки наши благословятъ этотъ съ исторической точки зрѣнія мигъ, эту неудачную, скороспѣлую, преждевременно родившуюся и быстро исчезнувшую Украинскую Ресублику. Первая жертва угрюмъ-бурчеевскихъ построений, она сдѣлается, быть можетъ, и первымъ же камнемъ въ основаніи новаго зданія, самымъ своимъ видомъ отрицающаго ту прямую линію, ярыми поклонниками которой являются всѣ нивелляторы, всѣ Угрюмъ-Бурчеевы—отъ наиболѣе реакціонныхъ до самыхъ революціонныхъ. „Излучистая полоса жидкой стали сверкнула ему въ глаза,—такъ описываетъ Щедринъ встрѣчу своего Угрюмъ-Бурчеева съ рѣкой,—сверкнула и не только не исчезла, но даже не замерла подъ взглядомъ этого административнаго василиска. Она продолжала двигаться, колыхаться и издавать какіе-то особенные, но несомнѣнно живые звуки. Она жила“.

Жизнь же всегда побѣждаетъ.

С. Ефремовъ.

7 сентября, 1918 г.

Роль коопераціи въ національномъ возрожденіи Украины.

Въ 1916 г. въ Россіи праздновался 50-лѣтній юбилей „русской“ коопераціи.

Праздновали этотъ юбилей и на Украинѣ подъ флагомъ „Полувѣковаго юбилея коопераціи на Югѣ Россіи“.

Убогимъ вышелъ этотъ юбилей какъ въ центральной Россіи, такъ и на Югѣ ея—на Украинѣ.

Свѣтлый праздникъ полувѣкового существованія громадной социально-экономической важности общественнаго явленія выразился въ томъ, что осенніе номера кооперативной прессы въ Россіи были посвящены обзору полувѣковой дѣятельности кооперативовъ въ Россіи и краткимъ біографическимъ очеркамъ кое-кого изъ влиятѣйшихъ піонеровъ кооперативнаго движенія и дѣятелей современной коопераціи.

Въ общемъ же появившаяся юбилейная литература дала весьма слабую картину исторіи коопераціи и ея современнаго состоянія, а попытка Кіевского Союза учреждений мелкаго кредита объявить конкурсъ на составленіе спеціальнаго изслѣдованія по исторіи коопераціи „На Югѣ Россіи“ окончилась неудачей.

За объясненіемъ причинъ неудавшагося юбилея ходить далеко не прихочется,—онѣ слишкомъ очевидны. Въ ряду этихъ причинъ на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена, конечно, міровая война, доведшая Россію въ 1916 г. до начала ея полнаго развала, а затѣмъ—предреволюціонныя, судорожныя движенія и мѣропріятія старой, агонизировавшей власти, удушавшей общественность и всякія проявленія ея.

Но помимо указанныхъ вѣншихъ причинъ были еще и внутреннія, болѣе глубокія причины неудачнаго юбилея. Юбилей засталъ не только общество, но и самихъ юбиляровъ-кооператоровъ „врасплохъ“, неподготовленными. Подкрался онъ незамѣтными, неслышными шагами. „Общество“,

довольно равнодушно относившееся къ коопераціи и, вслѣдствіе своего глубокаго невѣжества, не исключая даже и цѣлыхъ партійныхъ группъ такъ-называемыхъ идейныхъ руководителей его, ставившее кооперацію въ ряду явленій „не стоящихъ вниманія“,—просто „проморгало“ юбилей коопераціи, а немногочисленные идейные работники коопераціи, заваленные ежедневной текущей работой, поздно вспомнили о наступившемъ юбилеѣ и не успѣли даже ко времени празднованія юбилея собрать необходимый цифровой и литературный матеріалъ для юбилейныхъ номеровъ кооперативной прессы. Тѣмъ болѣе, что собраніе такого матеріала вещь весьма трудная, а во многомъ и совершенно невозможная, за полнымъ почти отсутствіемъ его. Такимъ образомъ, несмотря на празднованіе полустолѣтняго юбилея коопераціи въ Россіи и на Украинѣ, кооперативное движеніе еще ждетъ своего изслѣдователя. Исторія коопераціи и ея современное состояніе какъ въ Россіи, такъ и на Украинѣ это настоящая *tabula rasa*. Вотъ почему составленіе статей на ту или иную тему по коопераціи представляетъ иногда непреодолимые затрудненія. Таковыми именно являются эти затрудненія при написаніи статей, затрагивающихъ или освѣщающихъ такъ-называемую неторговую дѣятельность кооперативовъ,—т. е. область культурно-просвѣтительной ихъ работы и начинаній. Особенныя же затрудненія представляетъ освѣщеніе вопроса, касающагося избранной нами темы, а потому я заранѣе прошу у читателей извиненія за неудовлетворительную разработку затронутой нами интересной области.

Я уже сказалъ раньше что кооперація на Украинѣ еще ждетъ своего историка, который долженъ будетъ освѣтить роль коопераціи со стороны, затронутой нами,—именно со стороны ея значенія въ національномъ возрожденіи Украины.

Если не считать основаннаго въ 1865 г. помѣщикомъ Лучининымъ въ Ветлужскомъ уѣздѣ Рождественскаго „ссуднаго товарищества“, о которомъ первое сообщеніе въ прессѣ появилось только въ 1868 г., то настоящей родиной коопераціи въ бывшей Россіи является Украина. Первые кооперативныя кредитныя и потребительныя организаціи во всякую на Украинѣ по инициативѣ украинской народнической интеллигенціи. Такъ, первый потребительный кооперативъ появляется въ 1866 г. въ Харьковѣ, и въ созданіи его глав-

ную роль играют члены харьковской украинской громады: Гордѣнко, Балинъ и Козловъ, причемъ послѣдніе два являются и первыми изслѣдователями коопераціи въ Россіи: Балинъ уже въ 1870 г. издаетъ „Первую памятную книжку русскихъ потребителныхъ обществъ“, а спустя нѣсколько лѣтъ Козловъ производитъ анкету, собираетъ матеріалы, на основаніи которыхъ и составляетъ „Карту русскихъ потребительныхъ обществъ“.

По образцу потребительнаго общества въ Харьковѣ начинаютъ возникать по инициативѣ интеллигенціи потребительныя общества и въ другихъ городахъ Украины (напримѣръ, въ Николаевѣ Херсонск. губ. въ 1868 г.), а затѣмъ и въ Великороссіи.

Почти одновременно съ потребительной коопераціей на Украинѣ возникаетъ и другой видъ коопераціи—кредитной. Первыми по времени возникновенія кредитными кооперативами являются: Гадячское ссудо-сберегательное товарищество, начавшее свою дѣятельность въ 1869 г., и Сокиренское (также на Полтавщинѣ), открытое въ 1871 г., а затѣмъ—Немиринецкое (въ Кіевщинѣ). Исторія возникновенія кредитнаго кооператива въ Гадячѣ не освѣщена, что же касается товарищества Сокиренскаго, то основателемъ и руководителемъ его является извѣстный въ исторіи украинской общественности дѣятель и патріотъ Григорій Галаганъ, собиратель украинскихъ народныхъ пѣсенъ и авторъ полнаго описанія украинскаго „вертепа“.

Заслуживаетъ, наконецъ, вниманія и обстоятельство, что первый камень въ фундаментъ союзнаго строительства кооперативовъ, когда уже кооперативное движеніе получило болѣе широкіе размѣры, также былъ положенъ на Украинѣ: первый въ бывшей Россіи союзъ учреждений мелкаго кредита появился также на Украинѣ—въ Бердянскѣ въ 1901 г.

Но изложеніе исторіи коопераціи, хотя бы и въ самыхъ краткихъ чертахъ, совершенно не входитъ въ нашу задачу. Установленіе же вышеуказанныхъ датъ и упоминаніе нѣсколькихъ именъ первыхъ піонеровъ, а по признанію нѣкоторыхъ кооператоровъ-публицистовъ даже „апостоловъ русской коопераціи“, сдѣлано нами для того, чтобы показать читателю, что „свѣтъ“ кооперативнаго движенія „возсіялъ“ впервые на Украинѣ, что Украина и въ области коопераціи,

какъ страна болѣе культурная и ближе стоящая къ Западу, первая приобщилась къ коопераціи, къ этому могучему въ настоящее время фактору человѣческой солидарности и двигателю не только матеріальной, но и духовной культуры широкихъ народныхъ массъ.

Какова же роль коопераціи въ національномъ возрожденіи Украины?

Постановка этого вопроса для многихъ, незнакомыхъ съ исторіей коопераціи, можетъ показаться не только странной, но и неумѣстной. Кооперація—это сплоченіе людей,—часто даже исключительно классовое. — прежде всего на почвѣ экономическихъ интересовъ торговли, кредита потребленія, а иногда и производства, въ цѣляхъ самозащиты отъ эксплуатаціи, и вдругъ—національное возрожденіе! Что можетъ быть общаго между этими двумя явленіями совершенно различнаго порядка? Вѣдь кооперація прежде всего аполитична и аполитизмъ ея—это первое и необходимое условіе ея правильнаго и успѣшнаго развитія. Въ коопераціи—„нѣтъ эллина и іудей“, а между тѣмъ національное возрожденіе—это уже политика, это сопоставленіе „эллина“ съ „іудеемъ“ и установленіе между ними разницы со всѣми вытекающими изъ сего послѣдствіями.

Да, въ теоріи это такъ, а въ дѣйствительности совершенно иначе. И кто знакомъ съ исторіей національнаго возрожденія такихъ странъ, какъ Ирландія, Чехія, если даже хотите—Германія, въ смыслѣ сплоченія, начиная съ 1848 г., разрозненныхъ ея королевствъ, герцогствъ и курфюрствъ въ одно монолитное цѣлое,—тому не покажется поставленный нами вопросъ страннымъ, ибо онъ признаетъ самую тѣсную связь между развитіемъ коопераціи и развитіемъ вширь и вглубь національнаго самосознанія и возрожденія.

Уже изъ тѣхъ немногихъ хронологическихъ датъ и именъ первыхъ дѣятелей по коопераціи видно, что посѣвъ первыхъ зеренъ кооперативнаго движенія относится ко времени народническаго украинофильства и что пионерами коопераціи на Украинѣ явились члены украинофильскихъ кружковъ или же люди, близко связанные съ послѣдними.

Въ весьма небогатой какъ по количеству, такъ и по качеству юбилейной литературѣ лишь слегка затронутъ вопросъ, имѣющій немаловажное значеніе для освѣщенія поставленной нами задачи,—а именно вопросъ о томъ, германская

или англійская кооперація явилась образцомъ для піонеро́въ нашей коопераціи. Большинство писавшихъ юбилейные очерки и замѣтки склонно, кажется, объяснять посѣвъ первыхъ зеренъ коопераціи вліяніемъ ближайшихъ сосѣдей-нѣмцевъ. Только наши, украинскіе авторы, видятъ первый источникъ нашего кооперативнаго движенія въ Англіи. И этотъ взглядъ намъ кажется болѣе вѣрнымъ.

Первые кооперативы на Украинѣ были потребительные, а настоящей родиной потребительной коопераціи является Англія; затѣмъ,—идеалистическій, широко-общественный характеръ англійской коопераціи болѣе соотвѣтствовалъ народнической идеологіи піонеро́въ нашей украинской коопераціи, чѣмъ узко-утилитарный характеръ коопераціи нѣмецкаго типа. Факты краснорѣчиво говорятъ въ пользу этого послѣдняго мнѣнія. Такъ, Баллинь говорилъ, что „въ Англіи кооперативное движеніе нравственнѣе, чѣмъ въ Германіи“. Въ 1869 г. Баллина мы видели на кооперативномъ конгрессѣ въ Лондонѣ. По возвращеніи изъ-за границы Баллинь дѣлаетъ попытку основать кооперативное издательство; переписывается съ англійскими кооперативами и въ этой перепискѣ высказываетъ мысль объ учрежденіи кооперативнаго университета. Наконецъ, видимо стремясь связать южно-русскую кооперацію съ англійской, Баллинь дѣлаетъ Харьковское потребительное общество членомъ „Англійскаго кооперативнаго Общества оптовыхъ операцій“ для непосредственной выписки товаровъ изъ Англіи. Баллинь вмѣстѣ съ Козловымъ, ученикомъ извѣстнаго Пильчикова и близкимъ пріятелемъ Колиснаго, дѣлають попытку основанія союза потребительныхъ обществъ, но правительство отказывается въ разрѣшеніи на открытіе такого союза, чѣмъ, несомнѣнно, надолго задерживаетъ развитіе роста потребительной коопераціи на Украинѣ.

Появленіе на Украинѣ другого вида коопераціи—кредитной, несомнѣнно, возникло подъ вліяніемъ коопераціи потребительной, и піонеромъ ея является также украинская интеллигенція, побуждаемая въ своей дѣятельности на экономическомъ поприщѣ тѣми же идейными стремленіями, что и піонеры перваго вида коопераціи. Говоря раньше объ одномъ изъ первыхъ піонеро́въ кредитной коопераціи на Украинѣ, Г. Галаганъ, мы уже вскользь упомянули о томъ, что онъ былъ собирателемъ этнографическихъ матеріаловъ и ав-

торомъ изслѣдованія о „вертепѣ“. Общественная физіономія этой довольно выдающейся личности достаточно извѣстна и освобождаетъ насъ отъ необходимости много говорить объ истинныхъ побужденіяхъ нашего украинскаго патріота 60-хъ годовъ въ его работѣ на пользу народа. Для этого вполне достаточно одной—двухъ ссылокъ, появившихся въ свое время въ прессѣ, на источникъ идейнаго вліянія на Г. Галагана въ лицѣ извѣстнаго профессора Ф. Чижова и на дневники Галагана, чтобы имѣть совершенно опредѣленное сужденіе о томъ, какую роль играетъ энтузіазмъ любви къ своему народу въ работѣ Галагана на кооперативной нивѣ. „Отъ тебя зависитъ одно,—писалъ профессоръ Чижовъ студенту Галагану,—простыя, демократическія, т. е. людскія, а не помѣщичьи добродѣтели“.

Или еще: „Полюби народъ всѣмъ сердцемъ“,—даетъ заповѣдь Ф. Чижовъ Г. Галагану. И посѣянные профессоръ-гуманистомъ сѣмена, видимо, попали на хорошую почву.

„Все мое желаніе—сдѣлать счастливыми тѣ три тысячи душъ, которыхъ мнѣ вручила судьба“,—пишетъ юноша Галаганъ въ своемъ дневникѣ. Эта чрезвычайно наивная для нашего времени фраза молодого, богатаго помѣщика, собирающагося вступить въ жизнь по окончаніи университета, для того времени (40-е годы) была полна глубокаго смысла, служила доказательствомъ наличности въ душѣ благороднаго юноши высокихъ идеалистическихъ порывовъ и готовности къ гражданскому служенію. И справедливость требуетъ сказать, что Галаганъ оправдалъ надежды профессора-гуманиста и до конца дней своихъ остался вѣренъ слову, данному себѣ еще въ ранней молодости.

Но судьба первыхъ попытокъ піонеровъ коопераціи на Украинѣ, какъ и во всей бывшей Россіи, была заранѣе предрѣшена. Независимо отъ недружелюбнаго отношенія правительства къ попыткамъ передовой интеллигенціи шестидесятыхъ годовъ прійти на помощь раскрѣпощенному народу въ экономическомъ строительствѣ его новой жизни, эти попытки заранѣе были обречены на полную неудачу по многимъ причинамъ. Въ ряду этихъ причинъ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ прежде всего темнотѣ народной и, вслѣдствіе этого, полной неподготовленности его къ инициативѣ, самостоятельности и общественной организованности, на которыхъ

построено все дѣло коопераціи. Другою не менѣе важною причиною было отсутствіе объективнаго характера данныхъ для быстрого всхода и произрастанія посѣянныхъ зеренъ кооперативнаго движенія.

Народное хозяйство въ то время продолжало еще существовать въ условіяхъ натуральныхъ, а кооперація тѣсно связана съ формою капиталистическаго хозяйства и по своей сущности является приспособленіемъ идеаловъ социализма къ условіямъ капиталистическаго строя. Между тѣмъ, по причинѣ отсутствія у насъ въ то время капитализма, не могли получить своего развитія и социалистическіе идеалы, какъ спутники перваго. Вслѣдствіе этого не могли привиться на нашей почвѣ и идеи коопераціи, не могли проникнуть ни въ ширь, ни въ глубь общественнаго сознанія, являясь дѣломъ крайне ограниченнаго круга лицъ украинской интеллигенціи. Неуспѣхъ въ дѣлѣ насажденія коопераціи привелъ піонеровъ ея къ разочарованію, а вслѣдствіе этого—и къ весьма продолжительному застою въ ростѣ коопераціи. Болѣе четверти столѣтія кооперація на Украинѣ, какъ и во всей Россіи, не подвинулась въ своемъ развитіи, такъ какъ спорадическое появленіе отдѣльныхъ, разрозненныхъ потребительныхъ и кредитныхъ обществъ, безъ руководящей идеи и безъ плана кооперативнаго строительства, нельзя считать развитіемъ коопераціи и движеніемъ ея впередъ.

Замѣтнымъ общественнымъ явленіемъ на Украинѣ кооперативное движеніе становится лишь въ половинѣ 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія. Къ этому времени относится возникновеніе такъ-называемыхъ „южно-русскихъ“ земледѣльческихъ артелей Н. В. Левицкаго и изданіе въ 1895 г. перваго закона о кредитной коопераціи подъ названіемъ „Положенія объ учрежденіяхъ мелкаго кредита“. Самъ по себѣ законъ, конечно, не могъ дать толчка кооперативному движенію, ибо, какъ и всякій законъ, онъ явился лишь нормою, устанавливающею то, что создала и выдвинула сама жизнь. Аппаратомъ, отражавшимъ біеніе жизненнаго пульса, у насъ было земство,—единственная общественная организація, близко стоявшая къ народу и къ его нуждамъ. Земство, въ лицѣ земской агрономіи, занялось пропагандой и насажденіемъ кредитной и сельскохозяйственной коопераціи, результатомъ чего и явилось въ 1904 г. новое „Положеніе о мелкомъ кредитѣ“, значительно облегчавшее возникновеніе кредитныхъ

кооперативовъ и учрежденіе особаго „Управленія по дѣламъ мелкаго кредита“ съ значительнымъ штатомъ инспекторовъ.

Но и въ это время кооперація на Украинѣ не являлась широкимъ національно-экономическимъ движеніемъ, захватывающимъ массу сельскаго населенія. Въ концѣ девяностыхъ и въ первой половинѣ девятисотыхъ годовъ кооперативы возникаютъ десятками,—отъ 30 до 60 кооперативовъ ежегодно, но опять-таки случайно, безъ опрадѣленнаго плана и организаціи.

Могучій толчокъ кооперативному движенію даетъ первая революція 1905 г. Съ 1906 г. кооперативы, какъ потребительные, такъ и кредитные, начинаютъ возникать ежегодно цѣлыми сотнями. Отстаютъ въ своемъ движеніи лишь производительные кооперативы, какъ организаціи высшаго типа, требующія специальныхъ средствъ и силъ и высшаго общественнаго воспитанія.

Тѣмъ не менѣе съ этого момента ростъ кооперативовъ принимаетъ размѣры широкаго народнаго движенія. Революція, сдвинувшая съ прежнихъ устоевъ экономическую жизнь страны, произвела громадныя перемѣны въ социальнo-экономической структурѣ общества и толкнула народныя массы на путь организаціи его финансово-экономическихъ силъ и средствъ. Самая жизнь вывинула и поставила передъ народомъ цѣлый рядъ новыхъ задачъ экономического характера, разрѣшеніе которыхъ потребовало самостоятельности и самоорганизаціи.

Въ своемъ въ значительной степени стихійномъ движеніи по этому новому пути народъ встрѣтилъ серьезныя препятствія съ одной стороны въ лицѣ правительства, взявшаго опредѣленный реакціонный курсъ, а съ другой стороны—въ лицѣ партійныхъ политическихъ организацій. Въ этомъ послѣднемъ грѣхѣ особенно грѣшна російская соціалъ-демократическая партія, дѣйствовавшая, благодаря своему узкому доктринерству, конечно, не заодно, но во всякомъ случаѣ въ руку реакціонному правительству, своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ кооперативному движенію. Благодаря быстро наступившей реакціи, за бортомъ оффиціальнаго государственнаго корабля, внѣ привычной общественной работы, оказалось много интеллигентныхъ силъ, такъ или иначе прикосновенныхъ или связанныхъ съ революціей, въ лицѣ учителей,

агрономовъ, чиновниковъ всякихъ вѣдомствъ и священниковъ. Потерявъ возможность для приложенія своихъ силъ въ прежнихъ областяхъ труда, вся эта довольно многочисленная армія передовой интеллигенціи пошла въ кооперацію, часто сознательно, а еще больше—въ силу необходимости, но быстро была захвачена могучей волной молодого движенія, отвѣчавшаго во многомъ идеалистическимъ стремленіямъ дѣятелей революціонной демократіи.

Эта тяга къ коопераціи, какъ уже упомянуто, встрѣтила болѣе чѣмъ недружелюбное отношеніе со стороны многихъ правовѣрныхъ руководителей россійской с.-демократіи. Началось разоблаченіе „буржуазной природы“ коопераціи, „затемняющей классовое сознаніе революціоннаго пролетаріата“, началось отзываніе интеллигентныхъ партійныхъ силъ отъ этого „грязнаго“ дѣла и т. д. Но, къ счастью, благодаря слабости украинской с.-д., эта вредная проповѣдь бойкота коопераціи не оказала почти никакого вліянія на развитіе роста кооперативнаго движенія на Украинѣ, и Украина, родина и колыбель россійской коопераціи, начала быстро покрываться цѣлой сѣтью кооперативовъ, принимая формы планомѣрнаго, организованнаго соціально-экономическаго движенія съ опредѣленно національнымъ характеромъ. Въ украинскую кооперацію живой и широкой струей сразу влилось весьма значительное количество національной интеллигенціи, посвятившей свои силы и энергію дѣлу кооперативнаго строительства на идейно-національной основѣ. Въ работники коопераціи пошли не только рядовые люди, а выдающіеся, заслуженные дѣятели на украинской нивѣ. Кромѣ уже извѣстнаго всѣмъ „батька“ украинской коопераціи Н. В. Левицкаго, въ ряду кооперативныхъ работниковъ оказались такіе люди, какъ покойные уже В. Н. Доманицкій и д-ръ І. В. Юркевичъ, здравствующій и нынѣ Д. В. Марковичъ и др. Вступленіе въ ряды кооперативныхъ дѣятелей такихъ людей, какъ вышепоименованныя лица, сообщило украинской коопераціи ту идейную національную окраску, тотъ идеализмъ стремленій, цѣлей и задачъ, который одухотворялъ и продолжаетъ одухотворять дѣло кооперативнаго строительства на Украинѣ.

Руководители и идеологи національнаго движенія на Украинѣ сразу увидѣли необходимость связать свою идейную работу въ дѣлѣ національнаго возрожденія украинскаго народа съ широкимъ народнымъ кооперативнымъ движеніемъ.

Необходимость этого диктовалась совокупностью цѣлаго ряда данныхъ, а также и живымъ примѣромъ роли коопераціи въ національномъ возрожденіи братской Галичины. Видя въ коопераціи, какъ въ экономической организаціи, самодовлѣющую цѣль, руководители украинскаго движенія въ то же самое время смотрѣли на нее какъ на въ высшей степени удобное средство національной пропаганды, какъ на готовую форму, которую легко и удобно можно будетъ наполнить національнымъ содержаніемъ, какъ только къ тому представится возможность.

Помимо возможности постоянного и непосредственнаго общенія съ наиболѣе живыми и общественно-отзывчивыми элементами сельскаго населенія, участіе украинской интеллигенціи въ коопераціи давало возможность пользоваться частыми и повсемѣстными собраніями членовъ кооперативныхъ организацій, совѣщаніями и съѣздами для пропаганды украинскихъ идей. Наконецъ, украинская интеллигенція, несмотря на препоны администраціи, старалась пробудить въ народѣ сознаніе необходимости обратить вниманіе на такъ называемую неторговую сторону дѣятельности коопераціи, ставя въ число задачъ кооперативнаго движенія культурно-просвѣтительную дѣятельность кооперативовъ. Устройство курсовъ и лекцій по коопераціи, народныхъ чтеній, спектаклей, вечеровъ и дѣтскихъ елокъ, читаленъ, выпуска журналовъ и газетъ, участіе кооперативовъ въ изданіи органовъ по вопросамъ коопераціи, участіе въ пожертвованіяхъ на школы и другія культурно-просвѣтительныя учрежденія и предпріятія, наконецъ, постройка кооперативами иногда собственныхъ народныхъ домовъ и т. п.,—все это не могло не содѣйствовать постепенному росту національнаго самосознанія на Украинѣ. Правда, неторговая сторона дѣятельности нашихъ кооперативовъ все время занимала болѣе чѣмъ скромное мѣсто по сравненію, на примѣръ, съ кооперативами Англіи. Тамъ на культурно-просвѣтительныя и благотворительныя цѣли, какъ извѣстно, кооперативы ежегодно расходуютъ около милліона рублей, что составляетъ въ среднемъ по 500 руб. на одно общество, у насъ же эти расходы выражались до послѣдняго времени въ самыхъ ничтожныхъ суммахъ. Тѣмъ не менѣе и это сравнительно ничтожное участіе кооперативовъ въ культурно-просвѣтительной работѣ имѣло большое значеніе въ дѣлѣ національнаго пробужденія народа.

Дѣлу національнаго пробужденія служили даже постоянные факты административнаго вмѣшательства въ культурную работу кооперативовъ. Такъ, напримѣръ, воспрещеніе жертвовать на памятникъ Шевченка, на благоустройство его могилы, воспрещеніе выписки и продажи украинскихъ книгъ и т. п. факты имѣли большое агитаціонное значеніе.

Среди фактовъ положительнаго значенія въ дѣлѣ распространенія идей коопераціи и установленія связи ея съ дѣломъ національнаго пробужденія одно изъ первыхъ мѣсто принадлежитъ украинской прессѣ. Украинскіе газеты и журналы („Рада“, „Світова Зірниця“, „Село“, „Засів“ і др.) не только въ то время, когда украинская кооперація не имѣла еще своихъ органовъ, но и по возникновеніи ихъ посвящала много вниманія вопросамъ коопераціи, сознавая громадное значеніе ея въ дѣлѣ экономическаго и духовнаго освобожденія народа и пробужденія въ немъ національнаго самосознанія.

На этомъ мѣстѣ мы должны отмѣтить одно очень характерное обстоятельство, имѣвшее громадное значеніе на осознаніе себя украинской коопераціей, какъ таковой. Необычайно быстрый ростъ коопераціи на Украинѣ не могъ не обратить на себя вниманія московскихъ кооперативныхъ круговъ, гдѣ кооперація, не встрѣчая тѣхъ препонъ, что на Украинѣ, смогла быстрѣе организовать, сконцентрировать свои матеріальныя и духовныя силы, заняться теоретическими и практическими вопросами кооперативнаго строительства. Въ Москвѣ уже десятокъ лѣтъ работалъ союзъ потребительныхъ кооперативовъ, имѣя постоянный органъ, началъ свою работу кооперативный Московскій Народный банкъ и т. д. Пользуясь своимъ болѣе привилегированнымъ положеніемъ, чѣмъ украинская кооперація, московская кооперація, въ полномъ и трогательномъ согласіи съ централистическою политикой своего правительства, вздумала внести это же самое начало централизаціи и въ дѣло коопераціи. Намѣчался планъ сосредоточенія управленія всей російской коопераціей въ Москвѣ, какъ центрѣ Россіи, съ тѣмъ, чтобы Москва держала въ рукахъ всѣ нити кооперативной организаціи и работы и руководила всѣмъ кооперативнымъ движеніемъ, всею жизнью кооперативовъ на всемъ пространствѣ бывшей Россіи и чтобы цѣлыя области были на положеніи колоній, въ роли какихъ-то покорныхъ данницъ Москвы. Естественно, что эти крайне централистическія тенденціи Москвы должны были встрѣтить

рѣзкій отпоръ и прежде всего, конечно, на Украинѣ, какъ родинѣ и очагѣ автономизма и федерализма. Между московской и украинской коопераціей началась борьба,—борьба „сѣверянъ“ съ „южанами“, какъ исконными представителями двухъ идеологій, двухъ системъ—централистической и федералистической. Не останавливаясь на отдѣльных моментахъ этой борьбы, мы здѣсь отмѣтимъ только, что побѣдителями въ борьбѣ на всероссійскомъ сѣздѣ въ 1913 г. въ Кіевѣ оказались украинскіе кооператоры-федералисты, поддержанные кооператорами Сибири и нѣкоторыми южными союзами.

Едва ли много нужно говорить о томъ, какое значеніе имѣлъ самый фактъ похода московской кооперации на украинскую, а затѣмъ побѣда федералистической идеи надъ идеей централизма. Походъ Москвы на Украину сыгралъ громадную агитаціонную роль. Онъ помогъ украинской кооперации осознать себя, онъ содѣйствовалъ ея объединенію и пробужденію чувства солидарности въ виду угрожающей опасности въ рядахъ малосознательныхъ кооперативовъ. Походъ московской кооперации, руководимой россійскими демократическими силами, заставилъ и слѣпыхъ прозрѣть и воочію убѣдиться въ томъ, что въ національно-политическомъ и экономическомъ угнетеніи Украины повинно не только централистическо-бюрократическое правительство Россіи, но и россійскіе либералы и демократія; что надѣяться на помощь ихъ въ борьбѣ съ якобы только правительственнымъ режимомъ Украинѣ не приходится и что нужно полагаться только на свои собственныя силы. А чтобы эти силы были въ нужную минуту на-лицо, нужно немедленно заняться ихъ пробужденіемъ, организаціей и концентраціей. Никакихъ сомнѣній не возбуждало, что единственнымъ источникомъ этихъ силъ на Украинѣ, за отсутствіемъ національной аристократіи и буржуазіи, является народъ и что только въ народѣ нужно искать точку опоры въ борьбѣ за свои національные и соціальные идеалы. А для этого недостаточно въ своей дѣятельности ограничиваться одной пропагандой кооперативныхъ идей, а необходимо связать дѣло кооперации съ національнымъ освобожденіемъ украинскаго народа, поставить кооперацию на національную почву.

Въ этомъ направленіи и шла работа руководителей украинской кооперации въ теченіе послѣднихъ лѣтъ передъ революціей 1917 года. Украинскіе кооператоры давно уже созна-

вали всю недостаточность обслуживанія громаднаго дѣла коопераціи общими органами печати и необходимость основанія собственныхъ органовъ, посвященныхъ исключительно задачамъ и интересамъ коопераціи. Въ Кіевѣ, какъ центрѣ національно-культурной и политической жизни, появляется нѣсколько органовъ по коопераціи—„Наша кооперація“, „Муравейникъ-Комашня“, „Рілля“, издаются брошюры и листки, устраиваются съѣзды и выставки, создаются кооперативныя объединенія, начинаются хлопоты объ открытіи украинскаго банка,—вообще начинается свое собственное кооперативное строительство. Кооперативное движеніе идетъ быстрыми шагами вширь и вглубь, несмотря на всѣ препятствія и прямыя преслѣдованія со стороны власти.

Преслѣдованія, какимъ подвергалась украинская кооперація и какихъ не знала русская, всѣмъ извѣстны, и на нихъ мы останавливаться не будемъ. Отмѣтимъ только, что въ открытіи, на примѣръ, украинскаго кооперативнаго банка сначала было отказано якобы потому, что онъ названъ „Украинскимъ“, когда же учредители переименовали его въ „Южно-русскій“, то уставъ банка все-же пролежалъ нѣсколько лѣтъ въ министерскихъ канцеляріяхъ, и если бы не революція, то въ Кіевѣ, несомнѣнно, не было бы „Украинбанка“.

Первые дни російской революціи показали, что путь, избранный піонерами и руководителями украинскаго движенія, былъ правильный и что работа ихъ на этомъ пути вполне отвѣчала какъ экономическимъ, такъ и культурно-національнымъ задачамъ и потребностямъ времени. Какъ только вѣсть о переворотѣ въ Петербургѣ дошла до Украины, кооперативныя организаціи одні изъ первыхъ отозвались на совершившееся событіе. Черезъ нѣсколько дней послѣ переворота въ Кіевѣ состоялся первый многочисленный крестьянскій съѣздъ, и этотъ съѣздъ былъ созванъ кооператорами.

Первое печатное слово на украинскомъ языкѣ о совершившемся переворотѣ появилось въ кооперативномъ журналѣ „Комашня“, такъ какъ всѣ органы украинской прессы были закрыты съ перваго дня войны и отсутствовали въ теченіе трехъ лѣтъ. На страницахъ того же журнала появилось и первое обращеніе къ украинскому народу Центральной Украинской Рады.

Вообще нужно сказать, что украинская кооперація явилась въ первые дни россійской революціи единственной организаціей, открывавшей сразу широкій путь къ широкимъ народнымъ массамъ сельскаго населенія.

Но не только въ первый моментъ сыграла свою роль украинская кооперація. Въ дальнѣйшемъ развитіи революція находила для себя точку опоры по преимуществу въ организованномъ въ кооперативахъ народѣ. Стройность революціи въ селахъ не только въ началѣ ея, но и въ послѣдующее время многимъ обязана кооперативнымъ учрежденіямъ. Кооператоры, какъ наиболѣе сознательный и организованный элементъ, служили почти всюду сдерживающимъ элементомъ, когда начался распадъ революціи и на смѣну ей всплыли на поверхность разбушевавшейся народной стихіи хулиганство и разбой. Этимъ и объясняются тѣ чувствительные удары, которые посыпались во многихъ мѣстахъ на кооперативы въ дни господства большевиковъ. Послѣдствія этихъ ударовъ кооперація переживаетъ еще и сейчасъ.

Но прошли мрачные дни большевистскаго организованнаго разбоя и грабежа, и украинская кооперація съ новой, удвоенной энергіей принялась за дѣло кооперативнаго строительства, за укрѣпленіе и расширеніе того, что ею завоевано въ революціонной борьбѣ. Завоеванія эти значительны. Въ теченіе же перваго года революціи въ Кіевѣ открытъ Украинбанкъ, выпустившій акцій на 3 милл. руб. и постановившій увеличить свой акціонерный капиталъ до 10 милл. руб. Отдѣленія его открыли уже свои дѣйствія въ крупнѣйшихъ городахъ Украины,—въ Харьковѣ, Екатеринославѣ и Одессѣ.

Въ Кіевѣ же возникъ „Дніпросоюз“—Центральный органъ потребительныхъ союзовъ на Украинѣ, мысль объ учрежденіи котораго, какъ и органа кредитной коопераціи—„Украинбанка“, возникла еще задолго до революціи. „Дніпросоюз“ за короткое время своего существованія успѣлъ объединить сотни союзовъ съ сотнями тысячъ членовъ.

Реформированъ и поставленъ на твердую почву существовавшій еще до революціи „Централь“ (Центральное О-во с.-х. товариществъ).

Съ конца же прошлаго года въ Кіевѣ возникло учрежденіе, такъ сказать, возглавляющее украинскую кооперацію,—„Центральный Украинскій Кооперативный Комитетъ“. Задачи его—разработка вопросовъ теоріи и практики кооперативнаго

строительства, объединеніе различныхъ видовъ коопераціи въ одно стройное цѣлое и общее руководство коопераціею на Украинѣ.

Въ этомъ году открыта средняя кооперативная школа и принято постановленіе объ открытіи высшаго научно-учебнаго учрежденія—Кооперативнаго Института.

Украинская кооперація обслуживается цѣлымъ рядомъ органовъ печати. Не говоря о провинціальныхъ органахъ, въ Кіевѣ, кромѣ издающагося уже шестой годъ органа по кредитной коопераціи „Комашня“, въ настоящее время издаются: „Українська кооперація“—ежемесячный органъ Центрального Кооперативнаго Комитета, посвященный разработкѣ общихъ вопросовъ коопераціи; „Кооперативна Зоря“,—двухнедѣльный журналъ, обслуживающій потребительную кооперацію, издаваемый „Дніпросоюзомъ“, и, наконецъ, „Сільський Господарь“—еженедѣльникъ, посвященный сельскохозяйственной коопераціи, издаваемый „Централомъ“ (Центральнымъ с.-господ. т-вомъ). Кромѣ того, появился рядъ изданій, посвященныхъ вопросамъ коопераціи, какъ, напримѣръ, „Агрономъ-Кооператоръ“ и др.

Наконецъ, въ маѣ текущего года, послѣ третьяго всеукраинскаго кооперативнаго съѣзда, представители кооперативныхъ союзовъ создали новый видъ коопераціи—„Всеукраїнський Кооперативний Видавничий Союзъ“—съ цѣлью изданія книгъ, журналовъ и газетъ, а также внесенія планомерности въ издательское дѣло на Украинѣ.

Изъ даннаго нами весьма бѣглаго и поверхностнаго обзора дѣятельности украинскихъ кооператоровъ только лишь за послѣдній годъ видно, какую громадную творческую работу совершили они на родной нивѣ и какую энергію проявили въ своей работѣ. Размѣры и цѣнность этой работы способны вызвать у каждаго безпристрастнаго наблюдателя особенное удивленіе потому, что эта громадная творческая работа происходила во время революціонной грозы и раскатовъ грома страшной анархіи; производилась народомъ, располагающимъ крайне скуднымъ запасомъ интеллигентныхъ силъ.

Но неблагоприятныя условія для правильнаго и надлежащаго развитія украинской коопераціи далеко не исчерпываются лишь двумя отмѣченными выше обстоятельствами. Существуетъ еще рядъ неблагоприятныхъ условій, стоящихъ на

пути развитія украинской коопераціи, и среди нихъ особенно должно быть отмѣчено одно,—непримиримо-враждебное, порой злобное, порой—горделиво-презрительное отношеніе русской коопераціи къ коопераціи украинской съ момента отдѣленія Украины отъ Россіи. Это отношеніе едва ли можетъ вплести свѣжіе листы въ вѣнокъ русской демократіи, напротивъ оно даетъ убійственный матеріалъ, изъ котораго составитя нѣсколько позорныхъ страницъ для исторіи русской демократіи.

Московская кооперація, созданная усиліями и средствами украинской коопераціи, не можетъ примириться съ фактомъ отдѣленія Украины отъ Москвы и съ совершенно естественнымъ и необходимымъ стремленіемъ украинской коопераціи создать у себя свои собственные центральныя кооперативныя учрежденія, свои экономическіе центры, объединить украинскую кооперацію какъ матеріально, такъ и духовно. Представители и руководители московской коопераціи, поддерживаемые въ своей кооперативной политикѣ москвофильскими элементами, мечтающими о возсозданіи великой, единой и недѣлимой Россіи, предприняли цѣлый походъ противъ украинской коопераціи, объявили ей форменную войну и, какъ водится на войнѣ, не брезгаютъ никакими средствами для того, чтобы помѣшать усиліямъ украинскихъ кооператоровъ свершить свою большую историческую задачу, выдвинутую сложившимися политическими обстоятельствами,—задачу освобожденія украинской коопераціи отъ подчиненной зависимости московской коопераціи. Последняя, считая нынѣшнее положеніе Украины, какъ самостоятельной державы, временнымъ и скоропреходящимъ, старается сохранить за собою старыя позиціи верховенства и господства надъ украинской коопераціей и дѣлаетъ все для того, чтобы не дать возможности украинской коопераціи объединиться, стать на ноги и укрѣпиться. Московскіе и москвофильствующіе кооператоры на Украинѣ развиваютъ необычайную, заслуживающую лучшаго примѣненія, энергію въ борьбѣ съ объединительной дѣятельностью украинскихъ кооператоровъ, выбивающихся изъ силъ надъ громадной работой экономического раскрѣпощенія и усиленія Украины, разстраивая ряды кооперативныхъ работниковъ, внося въ нихъ смуту и разложеніе вмѣсто того, чтобы оказать помощь украинскому народу въ настоящую критическую минуту его жизни. Отвратительнѣе всего то,

что эта работа производится со слезой въ голосѣ, подъ флагомъ демократическихъ лозунговъ и фразъ о братской любви къ украинскому народу. Руководящая роль въ этой позорной и въ высшей степени вредной для украинской коопераціи работѣ принадлежитъ главнымъ образомъ харьковскимъ кооперативнымъ кругамъ, въ хвостѣ которыхъ тянутся черниговцы и одесситы.

Тѣмъ не менѣе украинская кооперація, корни которой лежатъ въ глубинахъ сѣдой старины,—какъ это прекрасно и давно доказалъ извѣстный изслѣдователь Ф. Щербина въ своей работѣ „Южно-русскія артели“,—твердо и неуклонно идетъ своей дорогой, сдѣлавши кооперацію, эту ископаемую украинскую форму хозяйственной организаціи, орудіемъ не только экономическаго, но и національно-политическаго раскрѣпощенія украинскаго народа. И недавно отпразднованный юбилей сорокалѣтней дѣятельности на кооперативной нивѣ Н. В. Левицкаго, этого дѣйствительно „артельнаго батька“, блестящимъ образомъ доказалъ правильность избраннаго украинскими кооператорами пути.

Большой романтикъ, какъ и всѣ національные идейные дѣятели, Н. В. Левицкій просилъ устроителей его юбилея приурочить празднованіе къ 17-го сентября ст. ст.,—ко дню, посвященному Вѣрѣ, Надежѣ, Любви и матери ихъ Софіи, и сдѣлать этотъ день праздникомъ коопераціи вообще. Эту мысль—символизировать такимъ образомъ всю работу идейныхъ кооперативныхъ работниковъ Украины—нельзя не признать весьма удачной и счастливой. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, что, какъ не горячая Любовь къ своему обездоленному и до послѣдней степени униженному и угнетенному народу побудила піонеровъ украинской коопераціи выступить на это пустынное и дикое поле дѣятельности,—выступить одиночками и мало повнимаемыми въ часы темной реакціи, среди темноты народной; что, какъ не глубокая Вѣра въ народъ, въ его творческія силы вела ихъ по невспаханному полю и заставляла сѣять сѣмена кооперативныхъ идей; что, наконецъ, какъ не Надежда на воспріятіе этихъ идей народомъ и конечное торжество ихъ, поддерживало піонеровъ коопераціи въ ихъ трудной и подчасъ неблагодарной работѣ? Четвертый руководитель, Софія — знаніе, освѣщавъ путь дѣятелей коопераціи. Оно сказала имъ, что кооперація—это давняя

національная форма экономического объединенія и должна быть таковой.

Украинская кооперація должна базироваться на національной почвѣ. Это сдѣлаетъ ее свободной. Ставъ свободной, она на началахъ полного равенства можетъ федерироваться съ коопераціей не только русской, но и всего міра.

Ф. Матушевскій.

Исторія одной книги*).

„*Habent sua fata libelli*“.

Мысль о составленіи „Очерковъ“ исторіи украинской литературы XIX ст. явилась у меня въ одну изъ тяжелыхъ эпохъ духовной жизни Украины, когда всякія ея стремленія къ самобытности преслѣдуемы и пресѣкаемы были централистическими стремленіями московскаго правительства. Это было во второй половинѣ 70-хъ годовъ. Въ 1876 году закрытъ былъ кievскій отдѣлъ Императорскаго русскаго географическаго общества съ этнографическимъ музеемъ и прерваны печатавшіяся изданія отдѣла. Закрыта была также газета съ украинофильскими тенденціями, издававшаяся г-жею Гогоцкою при участіи видныхъ дѣятелей украинофильства. Сами эти дѣятели частью перемѣщены были на другія мѣста въ видахъ „пользы службы“, нѣкоторые нашли пріютъ въ учебныхъ заведеніяхъ военнаго вѣдомства, покровительствовавшаго украинофильству, а иные удалились за границу и тамъ остались или навсегда (Драгомановъ), или же на весьма долгое время (Волковъ). В. Б. Антоновичъ, вѣроятно, съ тою же цѣлью предпринялъ продолжительное путешествіе за границу, но былъ поддержанъ историко-филологическимъ факультетомъ кievскаго университета, избравшимъ его въ свои деканы.

Я съ своей стороны не могъ оставаться совершенно равнодушнымъ къ такому положенію украинской литературы и науки, такъ какъ считалъ себя связаннымъ съ ними нѣкоторыми родственными узами. Поступивъ въ 1861 году въ студенты кievской духовной академіи, я впервые познако-

*) Въ настоящемъ очеркѣ проф. Н. И. Петрова столько характернаго фактическаго матеріала, что мы сочли полезнымъ ознакомить съ нимъ читателей „Украинской Жизни“ независимо отъ принципиальныхъ взглядовъ почтеннаго автора.

мился здѣсь съ русскимъ переводомъ „Кобзаря“ Шевченка, а затѣмъ и съ подлинными твореніями, вдохновлявшими собою моихъ товарищѣй по академіи украинцевъ. Въ 1862—63 году я слушалъ лекціи новаго бакалавра кievской академіи Е. М. Крыжановскаго по исторіи русской литературы, а особенно по исторіи книжной южно-русской литературы XVII в. Затѣмъ въ 1864 году, приступивъ къ своему кандидатскому сочиненію „О словесныхъ наукахъ въ кievской академіи“, я натолкнулся въ рукописяхъ на такіе перлы старинной украинской рѣчи, какими по справедливости считаются интересныя на просто народномъ украинскомъ языкѣ къ драмамъ учителя кievской академіи іеромонаха М. Довгалевскаго. Въ 1865 году, назначенный въ учителя словесности въ волынскую духовную семинарію, я впервые ввелъ здѣсь въ курсъ преподаванія исторію русской литературы и поощрялъ семинаристовъ записывать и сообщать мнѣ этнографическій матеріалъ для изученія Волыни. Собрана была масса этого матеріала, который и переданъ былъ мною извѣстному этнографу П. Чубинскому; самъ же я на основаніи этого матеріала составилъ только три статьи „О народныхъ праздникахъ юго-западной Россіи“. Въ 1870 году я избранъ былъ совѣтомъ кievской академіи на кафедрѣ исторіи русской литературы (съ соединенными предметами) и уже по этому одному я не могъ быть равнодушенъ къ украинской наукѣ и литературѣ. Въ 1879 году я пересмотрѣлъ свое кандидатское сочиненіе „О словесныхъ наукахъ въ кievской академіи“ и напечаталъ статьи о книжной южно-русской литературѣ XVIII в. въ „Трудахъ Кievской Духовной Академіи“ и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Въ это же время у меня появилась мысль и о составленіи „Очерковъ исторіи украинской литературы XIX ст.“. Въ 1879 году С. Н. Шубинскій предложилъ мнѣ участвовать въ качествѣ сотрудника въ изданіи новаго журнала „Историческій Вѣстникъ“, предпринятомъ А. С. Суворинымъ. Я согласился, предложивъ г. Шубинскому свои очерки исторіи украинской литературы XIX в. съ просьбой сдѣлать особые оттиски моимъ статьямъ. Но г. Шубинскій не совѣтовалъ мнѣ дѣлать особые оттиски, такъ какъ А. С. Суворинъ издастъ ихъ впоследствии особую книгою съ портретами важнѣйшихъ украинскихъ писателей. Первые главы моихъ очерковъ стали появляться въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ съ 1880 года и вызвали сочувственный отзывъ со стороны нѣко-

торыхъ украинскихъ ученыхъ. Такъ, напр., покойный П. И. Житецкій въ одной запискѣ ко мнѣ благодарилъ меня за то что я взялъ на себя такое дѣло, которое теперь оказывается совершенно недоступнымъ для украинскихъ ученыхъ. „Многоуважаемый Николай Ивановичъ!—писалъ Житецкій отъ 5—XII 1880 года.—Считаю нравственнымъ и сердечнымъ долгомъ своимъ поблагодарить Васъ за Ваши прекрасныя работы на почвѣ украинства. Дорога въ нихъ не только научная обработка фактовъ, но и самое нравственное существо человѣка, который подошелъ къ фактамъ безъ предразсудковъ и предубѣжденій. Когда-нибудь отмѣчено будетъ и время появленія Вашихъ трудовъ, когда малороссы, не сбитые съ позиціи, разошлись въ разныя стороны—и физически, и духовно... Чѣмъ болѣе я лично страдаю отъ этого положенія вещей, тѣмъ болѣе чувствую уваженія къ Вамъ за то, что Вы взяли дѣло, брошенное на произволъ судьбы. Изъ великороссіянъ и знаю одного только Пыпина, который въ этомъ отношеніи совершенно похожъ на Васъ. Дня три тому назадъ я видѣлся съ нимъ: онъ отзывался о Вашихъ трудахъ сочувственно и жалѣлъ только, что здѣсь въ магазинахъ онъ не досталъ отдѣльнаго оттиска, который онъ видѣлъ у Костомарова. Совсѣмъ печально, если то же будетъ и съ трудомъ Вашимъ по литературѣ XIX вѣка. Н. И. Костомаровъ просилъ меня передать Вамъ отъ него поклонъ“...

Впрочемъ, это едва ли не исключительные случаи выраженія сочувствія моей работѣ, тогда какъ въ большинствѣ случаевъ мои „Очерки“ возбуждали или недоумѣніе, или просто недоброжелательство. Самъ С. Н. Шубинскій потребовалъ отъ меня, чтобы текстъ украинскихъ писателей, о которыхъ я говорилъ въ своихъ „Очеркахъ“, былъ переведенъ на русскій литературный языкъ. Онъ стѣснялся даже обширностью моихъ „Очерковъ“, грозившихъ разростись въ большую книгу. Пришлось обратиться за совѣтомъ къ Н. И. Костомарову, который, однако, не нашелъ ничего лучшаго, какъ обратиться съ письменною просьбою къ тому же С. Н. Шубинскому объ ускрѣненіи печатанія моихъ статей (письмо Н. И. Костомарова отъ 8 сент. 1880 г. см. „Историческій Вѣстникъ“ за 1914 г., июнь мѣсяцъ, стр. 971—2). Вслѣдствіе этого дѣло печатанія „Очерковъ“ немного подвинулось впередъ; но новыхъ статей объ украинской литературѣ я уже не посылалъ г. Шубинскому, а онъ не требовалъ ихъ отъ

меня. Само собою отпало и обѣщаніе А. С. Суворина издать мои „Очерки“ особою книгою.

Въ 1881 году по желанію редактора газеты „Кіевлянинъ“ г. Пихно я напечаталъ 8 статей: „О степени самобытности украинской литературы XIX вѣка, не исключая и отдѣловъ ея, не напечатанныхъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“. По этотъ обзоръ заключалъ въ себѣ только общіе взгляды на исторію украинской литературы XIX в. и ея періоды и не имѣлъ въ виду подробнаго изложенія содержанія этихъ періодовъ.

Въ 1883 году кіевскій книгопродавецъ Ильницькій предложилъ мнѣ издать мои „Очерки украинской литературы“ всѣ сполна, особою книгою, иллюстрировавъ ее портретами важнѣйшихъ украинскихъ писателей. Я согласился на это предложеніе и доставилъ г. Ильницкому рукописный матеріалъ для книги приблизительно на семь печатныхъ листовъ, а г. Ильницькій испросилъ у кіевского цензора Рафальскаго билетъ на печатаніе книги и сдалъ мою рукопись въ типографію г. Оедорова для печатанія. Уже набрано и оттиснуто было до трехъ печатныхъ листовъ, какъ вдругъ г. Ильницькій исчезаетъ изъ Кіева, продавъ предварительно свой книжный магазинъ другому лицу. Я обратился тогда къ типографу Оедорову, но онъ, владея разрѣшительнымъ билетомъ цензора, предложилъ мнѣ тяжелыя условія для печатанія моей книги. Тогда я, заручившись согласіемъ тогдашняго ректора кіевской духовной академіи преосвященнаго Сильвестра (Малевапскаго) на цензированіе моей книги, началъ печатать ее, уже на свой счетъ, въ типографіи Н. и А. Давиденка въ 1200 экземпл., заключивъ съ г. Оедоровымъ у мирового судьи мировую сдѣлку относительно напечатанныхъ имъ уже листовъ моей книги. Книга вышла въ свѣтъ въ самомъ началѣ 1884 года.

Во всѣхъ своихъ статьяхъ и въ отдѣльной книгѣ объ украинской литературѣ XIX вѣка я смотрѣлъ на послѣднюю какъ на вѣтвь общерусской литературы, и книга моя предназначалась не только для украинцевъ, но и для великоросовъ. При такомъ только взглядѣ на украинскую литературу, по моему мнѣнію, и возможно было въ тогдашнее время научное ея изученіе. Я смѣло представилъ свою книгу по начальству и, между прочимъ, экземпляръ ея поднесъ тогдаш-

нему оберъ-прокурору св. Синода К. П. Побѣдоносцеву, который въ отвѣтномъ письмѣ благодарилъ меня за книгу и находилъ ее интересною.

Но вдругъ надъ моею книгою разразилась гроза, налетѣвшая съ той стороны, съ которой я и не ожидалъ ея. Говорятъ, одинъ изъ старыхъ украинскихъ писателей (одинъ изъ братьевъ К.), обиженный приведеннымъ мною въ книгѣ неблагопріятнымъ отзывомъ, слѣлалъ на меня доносъ въ главное управленіе по дѣламъ печати. Но есть признаки и того, что къ этому доносу причастенъ и тогдашній кievскій цензоръ Рафальскій, цензировавшій первые листы моей книги. Въ чемъ состоялъ доносъ, я въ точности не знаю, но въ 1887 году чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ св. Синода, извѣстный уже намъ Е. М. Крыжановскій, сообщалъ мнѣ, что меня обвиняли чуть ли не въ украинскомъ сепаратизмѣ и что К. П. Побѣдоносцевъ, получивъ соответствующее отношеніе отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, поручилъ ему, Крыжановскому, прочитатъ мою книгу и дать о ней свой отзывъ. Крыжановскій, исполнивъ порученіе, доложилъ К. П. Побѣдоносцеву, что въ книгѣ не только нѣтъ никакого сепаратизма, но, напротивъ, вездѣ красною нитью проходитъ мысль объ украинской литературѣ, какъ объ отрасли общерусской литературы, и тѣмъ ослабилъ силу направленнаго противъ меня удара. Въ отношеніи своемъ отъ 19 апрѣля 1884 года за № 1812 кievскому митрополиту Платону К. П. Побѣдоносцевъ проситъ потребовать отъ совѣта кievской духовной академіи отвѣта уже не по существу дѣла, а по формальной его постановкѣ. „Въ текущемъ году,—говорится въ отношеніи,—профессоръ кievской духовной академіи Петровъ издалъ въ Кіевѣ „Очерки“ исторіи украинской литературы“. Сначала онъ представлялъ отдѣльные листы этой книги на просмотръ свѣтской цензуры, но въ послѣдствіи прекратилъ присылку оныхъ и издалъ означенную книгу съ разрѣшенія цензуры академической. На основаніи § 180 уст. дух. акад., заведенія сіи имѣютъ свою собственную цензуру „для тезисовъ, разсужденій и иныхъ учено-литературнаго содержанія сочиненій и сборниковъ, ими издаваемыхъ“. Книга же Петрова, во-1-хъ, издава не академіею, а имъ самимъ, во-2-хъ, не соприкасаясь ни съ какою отраслью богословскихъ наукъ и не имѣя близкаго отношенія къ кругу наукъ, преподаваемыхъ въ академіи, не можетъ быть отне-

сена къ числу произведеній литературы, представляемыхъ означеннымъ §-мъ разсмотрѣнію академической цензуры. Въ виду сего долгомъ поставляю обратиться къ Вашему Высокопреосвященству съ покорнѣйшею просьбою объ истребованіи отъ совѣта кіевской духовной академіи свѣдѣнія, — на какомъ основаніи упомянутая книга Петрова была принята къ разсмотрѣнію академической цензуры, о послѣдующемъ же не оставить меня увѣдомленіемъ“.

Дѣло окончилось тѣмъ, что синодъ запретилъ на будущее время принимать духовнымъ академіямъ къ цензурѣ подобныя сочиненія, не издаваемые самими академіями и не имѣющія отношенія къ духовному образованію. Авторъ лично не пострадалъ, и книга его не была запрещена; но, какъ я слышалъ, гимназическія начальства не хотѣли выписывать этой книги въ гимназическія библіотеки во избѣжаніе могущихъ быть непріятностей.

Въ томъ же 1884 году я представилъ свою книгу въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе преміи графа Уварова. Академія поручила ученую рецензію этой книги профессору кіевского университета св. Владиміра Н. П. Дашкевичу. Обыкновенно такія рецензіи пишутся и оканчиваются въ теченіе одного года, т. е. преміального. Но проф. Дашкевичъ не успѣлъ написать рецензіи въ одинъ годъ и просилъ Академію наукъ отсрочить подачу этой рецензіи еще на годъ. Фактъ, кажется, небывалый въ лѣтописяхъ Императорской академіи Наукъ! Очевидно, проф. Дашкевичъ, несомнѣнно имѣвшій въ этомъ дѣлѣ своихъ сотрудниковъ, хотѣлъ исчерпывающимъ образомъ обслѣдовать мое сочиненіе и восполнить его новыми изслѣдованіями въ этой области, которыя были бы невозможны или затруднительны для него при другихъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ, моя книга подверглась длительной мучительной операціи въ теченіе двухъ лѣтъ. Рецензія проф. Дашкевича составила цѣлую довольно объемистую книгу, и о ней составилось такое мнѣніе, что будто бы эта рецензія важнѣе для исторіи украинской литературы, чѣмъ рецензируемая книга. Считаю неумѣстнымъ входить здѣсь въ какую-либо полемику съ проф. Дашкевичемъ, но замѣчу только, что новѣйшіе составители исторіи украинской письменности (С. Ефремовъ) считаютъ необходимымъ ссылаться на мою книгу, а не на ея рецензію, и что

въ рецензії проф. Дашкевича видное мѣсто занимаетъ не фактическая сторона литературы, а идейная. Въ настоящее время проф. Дашкевича причислили бы къ партіи самостійниковъ, такъ какъ онъ оберегалъ украинскую литературу отъ всякихъ вліяній со стороны Великороссіи, но допускалъ связь ея съ литературами западно-европейскою и польскою. Въ этомъ отношеніи показательно мнѣніе проф. Дашкевича о томъ, что перелицованная „Энеида“ Котляревскаго сдѣлана имъ не съ русскаго, а съ какого-нибудь французскаго или нѣмецкаго перевода. Впослѣдствіи, впрочемъ, проф. Дашкевичъ отказался отъ своего мнѣнія, когда я между рукописями Кіево-Софійскаго собора нашель старѣйшій списокъ „Энеиды“ Котляревскаго 1794 года, въ заглавіи котораго прямо сказано, что „Энеида“ перелицована на украинскій языкъ съ русскаго (т. е. Энеиды, вывороченной наизнанку, Осипова и Котельницкаго). Несмотря на суровость рецензії книга моя все-таки удостоена была половинной Уваровской преміи.

Съ 1884 года я пересталъ преподавать въ академіи исторію русской литературы. Книга моя осталась въ совершенномъ пренебреженіи, я нигдѣ не публиковалъ о ней, и она расходилась весьма медленно. Лишь съ 1905 года она стала рекомендоваться слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ, какъ пособіе для изученія исторіи украинской литературы. Она получила также извѣстность и въ украинскихъ гимназіяхъ Галичины, какъ сообщали мнѣ о томъ пріѣзжавшіе въ Кіевъ изъ Галиціи на 35-лѣтній юбилей украинскаго писателя И. С. Левицкаго-Нечуя галичане. Но съ 1917 года съ учрежденіемъ особаго украинскаго государства интересъ къ моей книгѣ быстро возросъ, такъ что къ половинѣ 1918 года она разошлась до послѣдняго экземпляра. Нужно бы сдѣлать второе изданіе этой книги съ прибавленіемъ очерковъ тѣхъ украинскихъ писателей, которые появились послѣ 1884 года, но это прибавленіе составило бы цѣлую книгу, а въ преклонные годы новыхъ книгъ, говорятъ, не пишутъ. Въ виду этого я предполагаю издать мою книгу въ первоначальномъ ея видѣ и объемѣ, т. е. до 1884 года, а дополнить ее могутъ другіе, молодые, писатели.

Проф. Н. Петровъ.

1 іюня 1918 г. да.

г. Кіевъ.

Синтезъ украинской литературы.

Сергій Ефремов. Історія українського письменства.

Видання третє. К. 1917 р. 1+460.

Настоящій моментъ выдвигаетъ серьезныя задачи въ области украиновѣдѣнія, какъ одной изъ основъ украинскаго національнаго самосознанія. Въ теченіе вѣковъ область эта лежала пустыремъ,—правда, не забытымъ, ибо на немъ сознательно культивировались всякаго рода чужеродные знаки, которые никоимъ образомъ не могли послужить здоровой пищей для національнаго самосознанія украинца. Объединительная государственная политика направлена была къ подавленію національнаго самосознанія въ украинскомъ народѣ. для чего, съ одной стороны, закрывались для него все пути знакомства съ его прошлыми судьбами и съ современными результатами его культурно-исторической жизни, а съ другой—прививались ему ложныя національно-общественныя понятія въ соотвѣтствіи съ общей государственной политикой. Результаты этой духовной вивисекціи надъ длиннымъ рядомъ поколѣній теперь на-лицо. Ближайшія къ нашему поколѣнію украинской интеллигенціи успѣли сильно денационализироваться и въ моментъ наивысшаго подъема жизни на Украинѣ,—въ моментъ національно-государственнаго строительства этой жизни,—значительные кадры украинской интеллигенціи остались или холодными зрителями происходящаго на ихъ глазахъ замѣчательнѣйшаго въ исторіи ихъ родины процесса, или даже оказались въ рядахъ противниковъ возрожденія родного имъ по крови народа.

Рядомъ съ этой нивелирующей, разрушительной работой государственной машины шла творчески-созидательная работа украинскихъ общественныхъ силъ, большую долю своего вниманія направлявшихъ въ сторону проясненія національнаго самосознанія своего народа. При тѣхъ условіяхъ,

въ какихъ велась эта работа, послѣдняя представляла въ большинствѣ случаевъ трудъ Сизифа,—взмахомъ цензурнаго или административнаго пера сводились на нѣтъ результаты долгихъ трудовъ. Но это не останавливало украинскихъ дѣятелей, хотя бы приходилось мириться съ слишкомъ ограниченными результатами большихъ усилій, хотя бы даже приходилось переносить свою работу на территорію другого государства. Современемъ—послѣ первой революціи—работа украинской интеллигенціи въ данной области нѣсколько облегчилась. Правда, государство относилось къ ея задачамъ по-прежнему враждебно: до самаго послѣдняго времени родной языкъ украинскаго народа не допускался даже въ низшую школу, попытки ввести элементы украиновѣдѣнія въ среднюю и высшую школы неизмѣнно терпѣли фiasco. Тѣмъ не менѣе, измѣнившіяся общія политическія условія уже давали хотя бы и ограниченную возможность для общественной инициативы въ области національнаго воспитанія украинскихъ массъ. Въ числѣ другихъ фактовъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ указать на появленіе важныхъ по своему практическому значенію трудовъ по украиновѣдѣнію. Препятствія для изученія экономическихъ условій жизни украинскаго народа остались въ прежней силѣ,—они коренились въ той объединительной государственной политикѣ, при которой затруднялась и даже исключалась возможность мѣстныхъ, областныхъ изученій затрудненія въ этой области будутъ чувствоваться еще долгое время—при отсутствіи полнаго и плавемѣрнаго матеріала, подготовка котораго лежала внѣ силъ и возможности для частной инициативы. Болѣе повезло у насъ изученію культурно-исторической жизни украинскаго народа. Въ этой области появились капитальные труды проф. М. С. Грушевскаго, впервые представившіе цѣльный образъ исторической жизни украинскаго народа, и С. А. Ефремова, представившаго цѣльную картину литературнаго его творчества. Оба эти труда имѣютъ громадное общественное значеніе, такъ какъ они служатъ богатымъ источникомъ для питанія, расширенія и углубленія національнаго самосознанія нашего общества. Труды эти удовлетворяли назрѣвшей потребности и получили широкое распространеніе.

Книга С. Ефремова — первый систематическій трудъ по исторіи украинской литературы. Труды Петрова, Дашкевича, Огоновскаго, Лепкого, Франка, Барвинскаго, А. Грушевскаго болѣе или менѣе систематически разработали извѣстные пе-

ріоди української літератури, представили багато матеріала для критического освѣщенія літературнихъ явленій того или другого періода, но это въ большей или менѣшей степени отдѣльныя части одной общей картины, не связаннныя единствомъ плана, метода и самой основы всякаго изслѣдованія—научнаго синтеза. Ефремовъ первый охватилъ весь громаднй періодъ літературнаго творчества, періодъ духовной жизни украинскаго народа, въ непрерывной, органической связи этой жизни на всемъ ея протяженіи. „Исторія української літератури, — говорить С. Ефремовъ въ предисловіи къ своей книгѣ, — въ одномъ только львовскомъ университетѣ и нашедшая для себя вѣрное пристанище, представляетъ слишкомъ еще мало разработанное поле, еще и до сихъ поръ даетъ широкій просторъ для изслѣдователя; ему и теперь еще во многихъ мѣстахъ приходится идти безъ положительныхъ указаній, на каждомъ шагу натыкаясь на невыясненныя вопросы, на темныя мѣста, на незаполненныя прогалины“. Автору предстояло охватить всю массу накопленнаго матеріала, освѣтити темныя мѣста въ немъ, представить фактическое разрѣшеніе стараго теоретическаго спора о двухъ русскихъ літературахъ.

С. Ефремовъ былъ уже значительно подготовленъ къ предстоявшему ему труду, — перу его принадлежитъ много этюдовъ літературно-критическихъ и по исторіи украинскаго літературнаго и общественнаго движенія. Очерки эти всегда пользовались большимъ вниманіемъ, выходя за предѣлы чисто літературнаго интереса. И послѣдняя книга С. Ефремова даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе; въ ней находимъ не только исторію літературы въ собственномъ смыслѣ, но и исторію украинскаго возрожденія, систематическое развитіе тѣхъ идей, которыя лежатъ въ основѣ украинскаго національно-общественнаго движенія съ первыхъ моментовъ его проявленія. Такія рамки труда вытекають изъ основнаго взгляда автора на исторію літературы вообще. „Исторія літературы, — говоритъ онъ, — есть прежде всего исторія въ человѣческомъ творествѣ *идей*, а не *идеи*, какими бы величественными абсолютами она ни прикрывалась. Поэтому исторія літературы должна представить обзоръ всѣхъ идей, которыя интересовали человечество въ тотъ или иной періодъ и проявлялись въ літературѣ“. Такимъ образомъ, исторія идей, какъ онъ выявлялись въ літературномъ творествѣ, — такова, по мысли автора,

задача исторіи литературы, и съ этой точки зрѣнія онъ и разсматриваетъ факты и явленія литературы украинской.

Прослѣдимъ послѣдовательное развитіе этой мысли у нашего автора. Основной идеей, первѣйшей общественной задачей, красною нитью проходящей во всей исторіи человѣчества, является освобожденіе человѣка отъ всѣхъ узъ и цѣпей, наложенныхъ на него формами человѣческаго существованія. Въ борьбѣ съ этими формами, въ борьбѣ за свою индивидуальность человѣческая личность призываетъ на помощь всѣ средства своего ума, и на первомъ мѣстѣ среди этихъ средствъ всегда стоитъ литература. Отсюда освободительная идея—въ самомъ широкомъ значеніи этого слова—должна явиться основой всякой литературы. Этотъ, по выраженію академика Веселовскаго, неизмѣнный „элементъ свободы“, которымъ насыщены всѣ литературы, въ особенности находить себѣ мѣсто въ украинской литературѣ,—въ виду особыхъ условій исторической жизни украинскаго народа.

Украинскій народъ давно утратилъ политическую самостоятельность, что лишало его возможности безпрепятственно развивать свою національную жизнь. Вслѣдствіе этого элементъ борьбы съ тѣми или иными формами общественнаго строя и, слѣдовательно, освободительная идея всегда была господствующею въ украинской жизни, отражаясь и въ литературѣ. Проявлялась она и въ безпрестанной борьбѣ съ до-христіанскимъ міровоззрѣніемъ народныхъ массъ, каковая борьба нашла отзвукъ въ литературѣ до-татарскаго періода, и въ полемическихъ произведеніяхъ XVI—XVII вѣковъ, и въ козацкихъ думахъ и лѣтописяхъ, и въ зародышахъ драматической литературы, проникнутой духомъ протеста противъ установившихся на Украинѣ формъ политической жизни, и въ аболіціонистскихъ произведеніяхъ новой литературы, когда опредѣленно поднять былъ лозунгъ равенства всѣхъ людей, и въ современной литературѣ, которая внимательно присматривается къ общественной борьбѣ на родной землѣ и чутко прислушивается ко всѣмъ лозунгамъ, какіе раздаются на аренѣ борьбы, псѣпшая со словомъ помощи и поддержки ко всѣмъ оскорбленнымъ и униженнымъ. Такъ, по мысли автора, „элементъ свободы“ для человѣка, непрерывное освободительное теченіе, это—главная идея, какую можно прослѣдить въ исторіи украинской литературы.

Освободительную идею авторъ понимаетъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, прилагая ее не только къ отдѣльнымъ человѣческимъ особямъ въ границахъ общественнаго единенія, но и къ общественнымъ единицамъ въ границахъ единенія междуобщественнаго. Какъ нація подчиненная, украинская нація въ лицѣ лучшихъ и сознательныхъ своихъ представителей должна была больно чувствовать формы національных стѣсненій и остро реагировать на нихъ. Въ старое время, когда національность отождествляли съ религіей, національный элементъ въ борьбѣ по большей части замѣнялся религіознымъ, и, отстаивая право „благочестивой вѣры“, наши предки боролись вмѣстѣ съ тѣмъ и за права родной національности. Въ послѣднее время національные постулаты формулировались опредѣленнѣе и лучшее выраженіе нашли себѣ именно въ литературѣ. Любовь къ родинѣ и къ родному народу, стремленіе отстоять для нихъ условія человѣческаго существованія, дать этимъ стремленіямъ отраженіе въ литературѣ и послужить ею на пользу родному народу—вотъ что, по словамъ автора, руководило украинскими творцами слова въ ихъ дѣятельности. И эта освободительно-национальная идея красною нитью проходитъ черезъ всю украинскую литературу. Идея эта и является той основой, на которой возникла жила и развивалась письменность украинскаго народа. Съ этой точки зрѣнія и находятъ себѣ у нашего автора освѣщеніе основныя теченія украинской литературы.

Такова руководящая мысль нашего историка литературы, — такова его историко-литературная идеологія. Правильна ли она?

Основной принципъ, на которомъ построено трудъ С. Ефремова, послужилъ источникомъ ожесточенной полемики послѣ первыхъ изданій его книги. Большинство критиковъ не соглашалось съ точкой зрѣнія автора, который, однако, какъ видно изъ послѣдняго изданія его книги, остается на своей прежней точкѣ зрѣнія, устранивъ изъ формулировки своей мысли только тѣ стилистическія неясности, какія давали поводъ суживать значеніе его положеній или даже приписывать ему сужденія, далекія отъ неоднократно высказанныхъ имъ литературныхъ и общественныхъ взглядовъ. Въ большинствѣ случаевъ нашему историку литературы усвоится крайне безусловный, исключительный характеръ утвержденія выдвигаемаго имъ положенія, причемъ подчеркиваются факты, противоположные

его точкѣ зрѣнія, и на этомъ основаніи указывается на неправильность его взгляда. Такъ, указывается, что не всѣ украинскіе авторы проникнуты были освободительнымъ направлениемъ и даже просто духомъ демократизма; что, напр., монахъ Климентій, по признанію самого Ефремова, проповѣдывалъ почти каннибальскіе взгляды; что даже многіе представители новой украинской литературы — Гулакъ-Артемевскій, Бѣлецкій-Носенко, Квитка, Кулишъ, Стороженко, и даже самъ основоположникъ новой литературы Котляревскій — высказывали мысли консервативнаго, подчасъ недемократическаго характера; что произведенія многихъ повѣйшихъ украинскихъ писателей (Олесь, Чупринка) чужды какой бы то ни было политической или социальной тенденціи.

Намъ представляется, что возраженія эти основаны въ большинствѣ просто на недоразумѣніи. Само собою разумѣется, — и нашъ авторъ никогда не утверждалъ противнаго, — что нельзя свести къ одной какой-нибудь идеѣ всѣ разнообразныя и многохарактерныя явленія литературной жизни, — той именно жизни, которая всегда полна новыхъ исканій, полна борьбы противоположныхъ идей, причемъ въ интенсивности этой борьбы лежитъ залогъ внутренняго богатства самой литературы. Въ данномъ же случаѣ имѣемъ характеристику *основнаго* направленія литературы, здѣсь указывается на известную идею, какъ на главную, опредѣленно преобладающую — надъ отдѣльными ли литературными направленіями, ослабляющими основное значеніе цѣлой литературы, надъ отдѣльными ли явленіями реакціи у тѣхъ или иныхъ писателей. При такихъ условіяхъ въ общемъ обзорѣ теряютъ свое значеніе отдѣльные факты несоотвѣтствія идей того или иного автора общему характеру литературы. „Мотивъ правды, — говоритъ С. Ефремовъ, — неустанный исканіе справедливости громко и неумолчно звучить во всей нашей литературѣ — отъ пламенныхъ посланій Вышенскаго до спокойной философіи Сковороды, отъ девиза Кирилло-Мееодіевскихъ братчиковъ („уразумѣте истину“) и огненнаго слова Шевченка до позднѣйшихъ нашихъ писателей, не говоря уже о народнѣйшей поэзіи, всецѣло проникнутой величественной истинно-человѣческой правдой... Что бы ни происходило съ отдѣльными писателями, украинская литература, какъ таковая, въ цѣломъ *никогда* не становилась на сторону несправедливости и насилія, не помогала угнетать слабыхъ, не требовала порабощенія, — эти мотивы органически

противны и чужды ей, непреклонной защитницѣ униженныхъ и оскорбленныхъ.

Ми честно йшли, у нас нема
Зерна неправди за собою,—

эти чудные слова своего величайшаго писателя съ чистой совѣстью можетъ повторить вся украинская литература, взявъ ихъ въ качествѣ своего незапятнаннаго девиза, потому что какъ сказалъ другой поэтъ нашъ,

Ми тільки за *наше* лягали кістками,
Коли *нам* чинилися шкоди;
Ніколи не гралися ми кайданами,
Чужої не гнули свободи (*Старицькій*).

„Этимъ идеямъ никогда не измѣняла эта мужицкая, исполненная подвижничества и мученичества, глубоко и непоколебимо въ самыхъ основахъ своихъ демократическая литература. Кто самъ терпитъ, того сердце доступнѣе для чужихъ мукъ,—вотъ почему невозможно найти другой литературы, въ которой съ такой силой бился бы пульсъ истиннаго, глубокаго демократизма. Допустимъ, что тотъ или иной дѣятель могъ споткнуться, могъ сказать ненужное слово, могъ утратить вѣру и замолкнуть, но въ цѣломъ—гимнъ человѣку какъ человѣку, борьба за прекраснѣйшія черты человѣческой личности и за ея освобожденіе, сочувствіе ея страданіямъ, ненависть къ насилию и вѣчное исканіе правды—были и остаются неразлучными признаками нашей литературы, тѣмъ основнымъ ея мотивомъ, который неумолкаемо звучитъ въ ней съ самаго начала сознательныхъ ея стремленій на пользу народныхъ массъ. И, конечно, будетъ звучать онъ и дальше и, можно думать, будетъ раздаваться все сильнѣе и громче по мѣрѣ того, какъ истинный демократизмъ все больше приближается къ великому міровому движенію навстрѣчу величественному солнцу правды и свободы“.

С. Ефремовъ даетъ общую исторію освобожденія слова какъ прототипъ и основу освобожденія народа. Трактовка литературныхъ явленій съ такой точки зрѣнія, конечно, необычна,—она не укладывается въ тѣ привычные пути, какіе проторены изслѣдователями литературы. Но при сужденіи, и правильности основной мысли, полагаемой историкомъ украинской литературы въ основу его изслѣдованія, необходимо имѣть въ виду прежде всего исключительность самыхъ

условія существованія этой литературы,—исключительность, едва ли гдѣ-либо еще повторяющуюся. И тѣ, кто инкриминируетъ С. Ефремову предвзятость и теоретичность его вывода, сами именно страдаютъ этимъ недостаткомъ, ибо, идя проторенными путями историко-литературныхъ изслѣдованій, отрѣшаются отъ той реальной почвы, на которой жила и развивалась украинская литература. А это была, повторяемъ, почва совершенно исключительныхъ условій, выразительную картину которыхъ и рисуетъ намъ С. Ефремовъ въ своемъ трудѣ.

Картина эта и является лучшей иллюстраціей и лучшимъ оправданіемъ основной мысли автора.

Немногимъ народамъ приходилось испытать судьбу, болѣе трагичную, болѣе несчастную, чѣмъ та, какую испыталъ въ теченіе всего своего историческаго существованія народъ украинскій. Выступивъ на историческую арену со свѣжими, молодыми силами, онъ было создалъ государство съ оригинальнымъ политическимъ укладомъ, выявилъ основы своей культуры, представилъ зародышъ богатой литературы. Если бы условія благопріятствовали развитію всего того, что было у него въ прекрасномъ зародышѣ, то украинскій народъ былъ бы однимъ изъ культурнѣйшихъ народовъ міра, достойнымъ товарищемъ въ союзѣ культурныхъ націй. Судьба, однако, распорядилась иначе. Въ силу крайне неблагоприятнаго географическаго положенія Украина должна была непрерывно принимать на себя первые и наиболѣе тяжкіе удары отъ кочевыхъ ордъ, какія постоянно, какъ бы въ какомъ-то соціологическомъ пароксизмѣ, выбрасывались изъ необозримыхъ стеней дальняго и ближняго Востока. И вотъ въ то время, когда за спиной и сильною защитой украинскаго народа сосѣди его успѣли образовать мощныя политическія организаціи, онъ растерялъ и тѣ начальныя приобрѣтенія, какія достигнуты были съ такимъ напряженіемъ національныхъ силъ, и сталъ объектомъ для политическихъ экспериментовъ своихъ сосѣдей. Все растерялъ народъ нашъ на длинномъ пути своего историческаго существованія: политическую самостоятельность, экономическое благосостояніе, свое право и просвѣщеніе, свои законы и судъ, свою школу и интеллигенцію,—утратилъ даже свое имя.

„Странный нашъ народъ,—справедливо удивляется одинъ изъ современныхъ писателей,—и сильный, и печальный...

Имѣлъ героевъ—и никто ихъ не зналъ; всю жизнь любилъ свободу—и всю жизнь жилъ рабомъ; создалъ богатство пѣсни—и самъ ея не знаетъ“ (В. Винниченко). И только одно осталось у него сокровище отъ далекихъ предковъ—родное слово и родная письменность, какъ выраженіе его духовнаго существа, какъ символъ его національной отдѣльности и средство самосознанія, какъ память отъ прошлаго и надежда на лучшее, уже недалекое, будущее. Только родной языкъ и литература на этомъ языкѣ были тѣмъ живымъ пульсомъ, который не переставалъ биться въ истощенномъ организмѣ народномъ, разносилъ свѣжую кровь по всему организму и не давалъ ему погибнуть. И потому родная письменность составляетъ теперь единственное благо нашего народа, является единственнымъ вѣрнымъ и непогрѣшимымъ свидѣтелемъ его жизни. Судьба украинской литературы показываетъ намъ въ сконцентрированномъ видѣ судьбу всего народа, какъ матеріальный сгустокъ той потенціальной силы, неизсякаемый запасъ которой содержитъ въ себѣ народный организмъ. Исторія украинской литературы—это отборная часть духовной жизни народа, которая представляетъ наилучшія доказательства его національной индивидуальности, его несомнѣннаго права на существованіе и развитіе, его самостоятельности среди другихъ, близкихъ и далекихъ, народовъ.

Литература наша не ограничилась однѣми ламентациями, однимъ представленіемъ обвинительныхъ пунктовъ,—она производила и большую положительную, творческую работу. „Хто ми, чиї сиви, якихъ батьків діти?“—этотъ вопросъ литература наша не только поставила, но и дала на него отвѣтъ, притомъ категорическій. Развиваясь среди національно-подавленнаго народа, наша литература восприняла на себя функцію народно-національной защиты—еще съ тѣхъ поръ, когда Украина своей грудью защищала Западную Европу отъ дикихъ ордъ, и потомъ, когда возникъ тройственный союзъ Украины, Литвы и Польши, который за всѣ наши страшныя жертвы не далъ намъ ничего, кромѣ соціального, національнаго и религіознаго гнета. Эту роль свою украинская литература неизмѣнно исполняла и впослѣдствіи,—исполняетъ и до сихъ поръ.

Основная мысль автора книги находитъ свое оправданіе еще въ одномъ коренномъ фактѣ исторіи украинской литера-

туры—въ неустанной борьбѣ за родной языкъ. Въ литературѣ всѣхъ народовъ, историческая жизнь которыхъ протекала въ условіяхъ нормальнаго національнаго развитія, совпаденіе языка литературы и національнаго языка народа—явленіе не только естественное, но и необходимое, и отступленія отъ этого общаго правила имѣли развѣ только временный и исключительный характеръ. Въдѣ совершенно ясно, что кто желаетъ быть близкимъ и понятнымъ извѣстному кругу людей, тотъ долженъ говорить ихъ языкомъ. Но внѣшнія и внутреннія условія жизни украинскаго народа, о которыхъ говорилось уже выше, обращали исключеніе въ норму, и, наоборотъ, практическаго осуществленія такого непререкаемо-яснаго принципа, какъ литература народа на родномъ его языкѣ, приходилось достигать путемъ напряженныхъ и длительныхъ усилій. Въ старой нашей письменности живой языкъ народа пробивается едва замѣтною струйкой,—украинскія отличія языка нужно здѣсь, по выраженію проф. Владимірова, вылавливать въ морѣ церковнославянщины. Въ Средніе вѣка завоеванія народнаго языка уже болѣе значительны,—уже обнаруживается сознательное приближеніе къ народной стихіи; писатели пишутъ „барзо простою мовою“ „ко чти и посполитымъ людемъ языка руского къ наказанію и доброму наученію“, „для лѣпшаго выразумлѣнія христіанскимъ дѣтямъ“, „для лѣпшаго выразумлѣнія люду христіанского посполитого“. Затѣмъ, постепенно принимая въ себя все новыя элементы народнаго языка, украинская литература въ новый періодъ своего существованія, съ демократизаціей жизни, съ ростомъ значенія въ ней народныхъ массъ, пользуется народнымъ языкомъ уже въ полной мѣрѣ, какъ единымъ органомъ творчества. Параллельно съ этимъ литература приближалась къ народнымъ массамъ, возрастало вліяніе и значеніе ея для народа. Когда въ литературѣ господствовалъ перевесенный изъ Болгаріи мертвый церковнославянскій языкъ лишь съ нѣкоторыми отличіями въ лексику, произношеніи и правописаніи, то литература эта, общая для всѣхъ тогдашнихъ русскихъ племенъ, въ полномъ смыслѣ литература „общерусская“, была чуждая для каждаго отдѣльнаго племени и не могла служить ближайшимъ его потребностямъ. Но по мѣрѣ того, какъ письменность раздѣляется на юго-западную (украинско-бѣлорусскую) и сѣверо-восточную (московскую), она уже практически служитъ потребностямъ той или иной

народности въ большей степени, чѣмъ старая „обшѣрусская литература“, идеаль которой слѣдуетъ искать, такимъ образомъ, не въ будущемъ, какъ это дѣлають разные рыцари объединенія, а въ безвозвратно ушедшемъ далекомъ прошломъ. Все-же и въ этотъ періодъ вліяніе литературы не было полнымъ, ограничиваясь извѣстнымъ культурнымъ классомъ, такъ какъ языкъ носилъ въ себѣ еще много элементовъ условности, много индивидуальнаго для одного изъ языковъ, но искусственно усвояемаго другому. Съ большей дифференціаціей племенныхъ группъ и племенныхъ языковъ литература украинская является непосредственнымъ органомъ творчества украинскаго народа. Сократившись во внѣшнемъ объемѣ распространенія, она усиливаетъ свое значеніе, углубляетъ свое вліяніе на народную массу. „Эта необыкновенно интересная эволюція письменности отъ мертвеннаго, механическаго единства до живого, органическаго разнообразія показываетъ,—говоритъ С. Ефремовъ,—тотъ естественный путь, по которому должна была идти и, при всѣхъ препятствіяхъ, все-же пошла литература, все приближаясь къ болѣе широкимъ кругамъ народа и теряя характеръ привилегіи верхнихъ слоевъ общества—той тонкой пленки, которая сверху покрывала народныя массы и за нихъ говорила“.

Этотъ естественный путь—путь освобожденія народнаго слова отъ несвойственныхъ ему наслоеній чужой рѣчи и, параллельно съ этимъ, путь освобожденія самой идеи—содержанія и интересовъ—литературнаго творчества, путь приближенія литературы къ народнымъ массамъ. Освобождаясь отъ шелухи чуждыхъ элементовъ, литература все ближе подходила къ народу своимъ языкомъ и содержаніемъ, все ближе воспринимала народную жизнь, все больше притягивала къ себѣ талантливыхъ силъ изъ среды народа. Величайшую разницу въ данномъ отношеніи представляютъ литературныя памятники даже одного и того же періода, какъ, напр., проповѣдническая литература съ одной стороны и лѣтописи со „Словомъ о полку Игоревѣ“—съ другой, схоластическія умствования ученыхъ книжниковъ и полемическая литература или козацкіе кронички; пышныя и мертвыя трагикомедіи и простенькія, живыя интермедіи; наконецъ, современная украинская литература и антиподъ ея—москвофильское гибридное бумагомараніе съ его, по выраженію Пыпина, „особымъ русскимъ языкомъ“.

Это все этапы освобожденія слова и мысли, продолжающіеся до нынѣшняго дня и находящіе свое завершеніе въ современныхъ спорахъ о державномъ языкѣ, — этапы, въ которыхъ національная украинская литература являлась могущественнымъ орудіемъ творчества національной жизни. Роль украинской литературы въ данномъ отношеніи безмѣрна. Она была не только вѣстникомъ національной свободы, но и творцомъ ея, поскольку она вливала въ народное сознаніе идею свободы человѣка и цѣлаго народа. Въ этомъ послѣднемъ—величайшая задача украинской литературы, благороднѣйшее призваніе ея въ отношеніи народныхъ массъ,—призваніе, выходящее далеко за предѣлы данной народности. „Есть еще одна черта въ украинской литературѣ,—говоритъ С. Ефремовъ,—которую необходимо поставить даже выше этого неугасаемаго исканія правды и служенія человѣку. Что болѣе всего говоритъ моему сердцу и волнуетъ меня въ новой украинской литературѣ, такъ это ея поразительная *внутренняя красота*, безконечно превосходящая тѣ внѣшнія цѣнности, какія она уже дала міру. Разбудить великій народъ, не послѣднюю горсть человечества, къ сознательной жизни, вдунуть дыханіе жизни въ поверженнаго исторіей колосса, перетворить сырую этнографическую массу въ сознательную и сильную своимъ сознаніемъ націю,—я не знаю большей въ мірѣ задачи, болѣе широкаго размѣра для труда, лучшей цѣли въ человѣческомъ обществѣ. Это дѣло, равнаго которому не такъ легко найти на землѣ. Въдѣ не напрасно же такой гигантъ міровой культуры и борецъ за свой народъ, какъ Берстерне-Бернсонъ, такъ писалъ, познакомившись съ украинскимъ движеніемъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ я живу этой мыслью, моя жизнь стала полнѣе, мои надежды на человечество—больше“... И въ самомъ дѣлѣ, картина украинскаго возрожденія, наиболѣе ярко выраженная въ литературѣ, можетъ скрасить жизнь всѣмъ искреннимъ друзьямъ человечества, потому что она даетъ новое свидѣтельство неугасаемости человѣческаго духа и оживляетъ надежды на побѣду вѣчной правды“.

Такъ въ общихъ чертахъ обосновываетъ С. Ефремовъ руководящую мысль своей книги. Основное направленіе украинской литературы опредѣляется, по его мысли, тѣми жизненными условіями, въ какихъ эта литература существовала. Она непосредственно вытекаетъ изъ этихъ условій,

какъ изъ своей почвы, и условія эти налагають на нее свои особенности, сообщаютъ ей свой характеръ. Общій характеръ украинскаго литературнаго творчества нѣсколько иной, чѣмъ у другихъ народовъ, политическая и національная жизнь которыхъ развиватъсь при иныхъ условіяхъ, дававшихъ больше простора и свободы ихъ развитію. При тѣхъ же условіяхъ непрерывнаго политическаго, національнаго и соціальнаго угнетенія, въ какихъ протекала вся жизнь украинскаго народа, его литература была для него самымъ вѣрнымъ защитникомъ, какъ та свирѣль въ извѣстной сказкѣ объ убитой сестрѣ; она будила спящихъ, слѣпымъ глаза открывала, глухимъ возвращала слухъ; она служила могучимъ стимуломъ національной жизни, національнаго воскресенія, существеннымъ ферментомъ, изъ котораго эта жизнь творилась, завершеніемъ національныхъ творческихъ усилій народа. Она—вѣстница свободы народной и сама—творецъ этой свободы. Естественно поэтому, что вся она пропитана одною общей, руководящей идеей,—идей освобожденія человѣка, какъ личности единичной и коллективной.

Мы добросовѣстно старались объективироваться въ данномъ вопросѣ,—представить себя внѣ тѣхъ условій литературнаго и общественнаго воспитанія, которыя связываютъ насъ съ авторомъ книги. И тѣмъ не менѣе, основная мысль С. Ефремова представляется намъ глубоко вѣрною. Мысль эта не является продуктомъ теоретическихъ измышленій,—она утверждается на прочномъ основаніи жизненныхъ фактовъ, непосредственно изъ нихъ вытекаетъ. Предпосылки для вывода ясны и не возбуждаютъ сомнѣній,—столь же просто и ясенъ самый выводъ. Какъ высшій кульминаціонный пунктъ народнаго сознанія, украинская письменность отображала наиболѣе жгучія народныя переживанія, потребности и стремленія; а такъ какъ вся многовѣковая историческая жизнь украинскаго народа проходила въ условіяхъ самаго разнообразнаго гнета, то украинская литература, реагируя на указанные условія и стремясь выразить и осуществить народныя идеалы, проникалась непрестаннымъ порывомъ вырваться изъ этихъ условій и разрушить ихъ и возглавляла въ своихъ творческихъ исканіяхъ народно-освободительную идею, какъ свою путеводную звѣзду, освѣщающую пути ея. При свѣтѣ этой руководящей идеи совершала свой тернистый путь дѣятели украинской литературы; нѣкоторые изъ нихъ споты-

кались и падали на этомъ пути, иные—не многіе, правда,—и вовсе уклонялись съ него—на-время или даже навсегда,—но самый путь многострадальной литературы многострадального народа не измѣнялъ своего направленія, неуклонно велъ къ опредѣленной—величайшей и благороднѣйшей—цѣли: „разбудить великій народъ, не послѣднюю горсть человѣчества, къ сознательной жизни, вдунуть дыханіе жизни въ поверженного исторіей колосса, перетворить сырую этнографическую массу въ сознательную и сильную своимъ сознаниемъ націю“.

О. Бѣлоусенко.

Кризисъ федеративной идеи на Украинѣ*).

I.

Тяга отъ Россіи.

Если въ ваши руки попадутъ номера украинскихъ социалистическихъ изданій за первые мѣсяцы революціи, то вы безъ труда увидите, что красною нитью въ нихъ проходитъ, независимо отъ той или иной партійности, идея федераціи и притомъ федераціи всероссійской. Украинская демократія поддерживала идею единого революціоннаго руссійскаго фронта, вполне солидарнаго,—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось многимъ,—въ отношеніи принциповъ національнаго самоопредѣленія. „Самостійничество“, какъ политическая идея, было до такой степени непопулярно, что даже въ началѣ октября прошлаго года на всеукраинскомъ военномъ съѣздѣ въ Кіевѣ самостійники составляли самый ничтожный процентъ, и ихъ появленіе на каедрѣ вызывало возгласы порицанія.

Если вы развернете сейчасъ любое украинское изданіе, хотя-бы самое умѣренное, то увидите, что все и вся объединяется теперь вокругъ идеи самостійничества, что всякій уклонъ въ сторону союза съ Россіей вызываетъ опредѣленно непріязненное отношеніе и порою воспринимается даже какъ предательство, какъ измѣна родниѣ.

Кѣмъ и чѣмъ созданъ такой поворотъ? На этотъ вопросъ многіе безъ запинки отвѣтятъ: „конечно, большевиками“, полагая, что въ этомъ вся суть дѣла. Большевики, облыжно прикрывавшіеся знаменемъ федераціи, разбойной шайкою захватившіе Украину, чтобы водворить здѣсь самый разнузданный централизмъ пришельцевъ,—вотъ, молъ, кто помрачилъ и дискредитировалъ идею братской федераціи руссійскихъ народовъ.

Это мысль очень простая, но въ такой же степени и ошибочная. Ошибочная потому, что слишкомъ односторонняя. Она учитываетъ лишь одно изъ многихъ слагаемыхъ, составляющихъ ту сумму, которую можно назвать тягою отъ Россіи.

Тяга отъ Россіи, психологически заполнившая украинство безъ различія партій и направленій, въ сущности подготовлялась съ первыхъ же дней революціи, съ момента оглашенія первой деклараціи Временнаго правительства, совершенно забывшаго, при составленіи своей программы, о самоопредѣленіи отдѣльныхъ народовъ Россіи. Дальнѣйшая политика Временнаго правительства, не исключая социалистическихъ его элемен-

*) Эта статья, будучи напечатана въ одесской газетѣ „Молодая Украина“, вызвала многочисленныя отклики какъ въ прессѣ, такъ и въ обществѣ и перепечатывается здѣсь въ виду заявленія читателей о желательности ея отдѣльнаго изданія.

товъ, была, можно сказать, сплошной борьбой съ естественнымъ, неизбежнымъ и уже по одному этому законнымъ процессомъ революціоннаго творчества автономной государственности, съ особой силой проявившагося на Украинѣ.

Размѣры настоящей статьи не даютъ возможности остановиться на этой сторонѣ вопроса, да и не она собственно меня занимаетъ въ данномъ случаѣ. Всякое правительство, какъ мы хорошо знаемъ, вещь переходящая, и важнѣе его та почва, на которой оно базируется. Если мы обратимся въ эту сторону, то увидимъ, что какъ Временное правительство, такъ и правительство совѣтское одинаково враждебно относились къ идеѣ самоопредѣленія народностей Россіи *по одной и той же причинѣ*. Революція обострила процессы жизни и заставила вылиться наружу то, что потенциально скрывалось въ душѣ русской демократіи и русскаго общества вообще, что до тѣхъ поръ лишь въ отдѣльных случаяхъ и у отдѣльныхъ представителей русской интеллигенціи выходило изъ области подсознательной и проявлялось въ откровенныхъ и рѣзко очерченныхъ формахъ (П. Струве, Муретовъ и др.). Революціонный процессъ вскрылъ дѣйствительную сущность, обнажилъ то, что исторически отлагалось въ психикѣ русскаго общества въ теченіе вѣкового „сбирательства русскаго государства“. Россійскіе „всечеловѣки“ дѣйствительно оказались лишенными національнаго чувства, — чѣмъ иные изъ нихъ, къ слову сказать, искренно гордятся, — но зато они оказались до послѣдней степени проникнутыми чувствами великодержавности, государственной жадностью, империализмомъ. Въ большинствѣ случаевъ, сами не давая себѣ яснаго отчета въ этомъ, они и сейчасъ готовы укоризненно кивать въ сторону царскаго режима, съ которымъ-де у нихъ нѣтъ ничего общаго въ области національной политики. Но дѣла ихъ говорятъ краснорѣчивѣе словъ.

Мнѣ нелегко писать эти строки, ибо въ теченіе ряда лѣтъ я горячо боролся съ такого рода мыслями на страницахъ кіевской и московской печати. Я искренно считалъ русскую демократію духовной наслѣдницею Герцена и Чернышевскаго, всегда стоявшихъ на почвѣ широкаго признанія правъ на политическое самоопредѣленіе за всякимъ отдѣльнымъ народомъ, какъ только онъ этого пожелаетъ. Но періодъ революціи, значительную часть котораго я провелъ въ тѣсномъ соприкосновеніи съ лучшими представителями великорусской демократіи, заставилъ меня кореннымъ образомъ измѣнить свой взглядъ на истинную сущность ихъ политическихъ симпатій и стремленій. Да и не меня одного, а сотни и тысячи украинцевъ, которыхъ судьба забросила въ чуждую, — а вчера еще она казалась родственной, — среду.

И автономія, и федерація были хороши для великорусской демократіи лишь до тѣхъ поръ, пока трактовались академически, пока не претворялись въ жизнь. Какъ только наступилъ процессъ этого претворенія безъ разрѣшенія російскаго учредительнаго собранія, въ которомъ великороссы и руссифицированные инородческіе элементы должны были составить значительное большинство; какъ только наслѣдка увидѣла, что ея утята самочинно полѣзли въ воду, какъ поднялась невѣроятная ку-терма. Я былъ ближайшимъ свидѣтелемъ и до извѣстной степени участ-

никомъ этой кутерьмы и позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько, на мой взглядъ, очень краснорѣчивымъ и показательнымъ иллюстрацій.

Въ половинѣ февраля настоящаго 1918 года я очутился въ Москвѣ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія изъ нея, и меня сразу-же поразила рѣзкая перемена психологической, такъ сказать, обстановки. Ровная, національно-спокойная, чуждая шовинистическихъ эксцессовъ Москва, можно сказать, кипѣла на этотъ разъ злобой и ненавистью къ Украинѣ и украинцамъ. Кадеты и большевики, эсеры и эсдеки одинаково были ослѣплены непріязненными чувствами. Соціалистическая газета, на знамени которой было написано: „Мы стремимся къ федераціи народовъ Россіи“,—газета, которую я вмѣстѣ съ другими создавалъ, въ которой долгіе мѣсяцы работалъ,—эта газета отказалась напечатать мою статью о взаимныхъ отношеніяхъ Украины и Россіи—даже съ примѣчаніемъ редакціи, что послѣдняя не раздѣляетъ моихъ мнѣній. Лишь мое заявленіе, что я использую этотъ фактъ какъ характерное проявленіе нетерпимости и непріязни къ украинству, побудило моихъ товарищей по газетѣ согласиться на напечатаніе моей статьи, но и то при условіи, что я сдѣлаю нѣкоторыя купюры и что, независимо отъ упомянутаго редакціоннаго примѣчанія, моей статьѣ будетъ противопоставлена въ газетѣ рѣзкая полемическая статья со стороны редакціи. При этомъ одинъ изъ редакторовъ вполне откровенно замѣтилъ, что если Украина дѣйствительно отложится отъ Россіи, то „мы будемъ вынуждены вновь завоевать ее, ибо она намъ нужна“, а другой столь-же откровенно заявилъ мнѣ: „Какая ужъ теперь можетъ быть рѣчь о федераціи!“

Вотъ оно—самоопредѣленіе въ соціалистическихъ программахъ и въ соціалистической практикѣ...

Конечно, о российскихъ кадетамъ говорить не приходится. Достаточно прочесть хитроумную брошюру **В. В. Кокошкина** объ автономіи и федераціи (его докладъ на кадетскомъ съѣздѣ) и напомнить, что именно на страницахъ „Русскихъ Вѣдомостей“ было въ первый разъ заявлено о необходимости завоевать Украину силою оружія*).

Разумѣется, мнѣ могутъ возразить, что отдѣльныя наблюденія не доказательны, но вѣдь все несчастье именно въ томъ, что описанное мною—не случайныя, а лишь болѣе яркія и опредѣленные проявленія *общихъ настроеній и тенденцій*, всплывшихъ изъ-подъ спуда на поверхность великорусской жизни. Какая, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть усмотрѣна случайность въ мнѣніи комитета вліятельной политической партіи или въ сужденіяхъ редакціи газеты соціалистическаго блока, объединившей лучшія литературныя силы его?

Для тѣхъ, кого не убѣждаетъ сказанное до сихъ поръ, я приведу фактъ, который буквально ошеломилъ меня и который я самъ призналъ бы невѣроятнымъ, если бы слышалъ о немъ отъ посторонняго лица.

*) Въ то самое время, когда я писалъ эти строки, мною получена была № „Русскихъ Вѣдомостей“ („Свобода Россіи“) отъ 24 мая со статьей **М. Винавера** „Еврейскій вопросъ“. Тамъ я прочелъ слѣдующее: „Политически Русское государство призвано объединить въ одно цѣлое, слить въ одну политическую націю множество различныхъ племенъ и національностей“. Этотъ завѣтъ, такъ неизмѣнно повторявшійся покойнымъ **Ф. Ф. Кокошкинымъ**, до сихъ поръ казался неизбѣжимымъ для новаго государственнаго строительства; его не растоптали, а, наоборотъ, укрѣпили всѣ тяжкія переживанія революціоннаго периода.— Это воплѣщаетъ резолюціямъ, принятымъ на кадетскомъ съѣздѣ въ Москвѣ.

Дѣло было опять-таки въ Москвѣ. Когда я, прибывши изъ Кіева, дѣлился съ идейно-близкими,—такъ мнѣ казалось,—людьми ужасными впечатлѣніями отъ прошедшаго предъ моими глазами большевистскаго террора, то мой собесѣдникъ, одинъ изъ популярѣйшихъ людей Россіи, старый журналистъ и ученый, вождь социалистической партіи, не только не выразилъ осужденія фактамъ расправы съ украинцами, но прямо и рѣзко заявилъ, что ничего не имѣлъ бы, если-бы кое-что изъ кровавыхъ плановъ большевиковъ въ отношеніи „враговъ Россіи“ было доведено до болѣе успѣшнаго конца.

Я, по нѣкоторымъ соображеніямъ, воздерживаюсь отъ болѣе конкретной и точной передачи этого ужасающаго заявленія именитаго русскаго социалиста; но мнѣ думается, что существо дѣла ясно и что только безграничная пристрастность и ослѣпленіе можетъ подобные факты считать случайными и недоказательными.

Для меня послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ Москвѣ стало вполне яснымъ, почему московскіе украинцы, если не поголовно, то въ подавляющемъ, почти исчерпывающемъ большинствѣ, отрѣшились, — временно или навсегда, это другой вопросъ,—отъ російской оріентаціи, которой были искренно преданны не только до революціи, но и въ первые мѣсяцы ея; мнѣ стало понятнымъ, почему всѣхъ ихъ охватила одна мысль и одно желаніе—поскорѣ оставить враждебный станъ и возвратиться на родину.

Приблизительно тѣ же настроенія—по аналогичнымъ, конечно, причинамъ—охватили и украинцевъ петербургскихъ.

Тамъ создалась та же тяга отъ Россіи.

Позвольте резюмировать мои, къ сожалѣнію, слишкомъ бѣгло набросанныя мысли, впечатлѣнія и наблюденія относительно кризиса у насъ федеративной идеи.

Идея федераціи Украины съ Великороссіей убита—по крайней мѣрѣ, временно—и убита она усиліями русской демократіи, какъ буржуазной, такъ и социалистической или считающей себя за таковую.

Не къ федераціи стремится современная Великороссія, не къ тѣмъ идеаламъ, которые словесно украшаютъ политическія программы ея партій, а къ новому „собиранію Россіи“, т. е. къ захвату и поглощенію.

Федерація — великій принципъ государственнаго строительства. Въ его малымъ народамъ грозитъ истощеніе въ постоянной и напряженной борьбѣ за существованіе, а затѣмъ, быть можетъ, и гибель; но именно поэтому всѣ украинскіе граждане, безъ различія національности, если они чужды политическаго лицемѣрія, *если имъ действительно дорого сохранить и впоследствии широко осуществить идею федераціи*, должны въ настоящее время самымъ дѣятельнымъ образомъ охранять Украину отъ объединенія съ Великороссіей, отъ открытыхъ и тайныхъ пополюзновеній къ этому, съ чьей бы стороны они не исходили. вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо напрягать всѣ усилія, чтобы глубоко и прочно была осуществлена федерація народовъ, вѣками истомившихся подъ русскимъ гнетомъ, и прежде всего федерація съ родственной Украинѣ Кубанью, съ Крымомъ и Кавказомъ, съ Бѣлоруссіей и Литвой.

Значить-ли это, что отъ федерированія съ Великобританіей нужно безповоротно отвернуться, что на этой оріентаціи нужно разъ на всегда поставить крестъ? Я лично этого не сказалъ бы, ибо можно представить себѣ условія,—правда, не въ весьма близкомъ будущемъ,—при которыхъ федерированіе съ Россіей можетъ оказаться и полезнымъ, и желательнымъ. Но это вопросъ сложный, и о немъ слѣдуетъ поговорить отдѣльно.

II.

Украина и Москва.

Идея Всероссийской федеративной республики была, какъ я сейчасъ отмѣчалъ, общею почти для всѣхъ политическихъ партій и направлений на Украинѣ; теперь же отъ этой идеи остался лишь незначительный слѣдъ въ отдѣльныхъ группахъ и у отдѣльныхъ лицъ.

Но все-же такой слѣдъ имѣется. На послѣднемъ съѣздѣ украинской партіи социалистовъ-федералистовъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ членовъ партіи между прочимъ высказался по поводу рѣчей о созданіи самостоятельнаго, вполне независимаго отъ Россіи, Украинскаго государства, что онъ смотритъ на это какъ на беспочвенное теоретизированіе. „Исторія не складывается изъ случайностей, а имѣетъ свои законы, и совмѣстная жизнь Украины и Великобританіи на протяженіи почти трехъ столѣтій имѣла свои основанія въ экономическихъ и культурныхъ интересахъ обѣихъ сторонъ“.

Къ сожалѣнію, ораторъ не высказался болѣе подробно и конкретно на эту тему и совсѣмъ не коснулся вопроса, въ какой мѣрѣ должна измѣниться ситуація „взаимныхъ“ интересовъ Украины и Великобританіи послѣ того, какъ возникли непосредственныя экономическія и культурныя связи между Украиной и государствами Западной Европы. На нашъ взглядъ, эти связи въ сильной степени должны отразиться на значеніи для Украины экономическихъ и культурныхъ услугъ нашей сѣверной сосѣдки, которая гораздо больше брала у насъ, чѣмъ давала, а въ сферѣ національной прямо-таки грабила Украину, стояла на ея пути къ естественному развитію и безжалостно уничтожала самобытную національную культуру, замѣняя ее такъ-называемой „общерусской“.

На-ряду съ этимъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что исторія въ разсматриваемомъ случаѣ не такъ ужъ далеко ушла отъ случайности, какъ это можетъ казаться. По крайней мѣрѣ А. Я. Шульгинъ въ своей статьѣ „Третій Римъ“, напечатанной въ его интересной книжкѣ „Политика“, въ достаточной мѣрѣ обстоятельно и убѣдительно выясняетъ, что огромное русское государство сложилось въ значительной мѣрѣ какъ-разъ благодаря счастливому сочетанію условій внѣшняго характера. Вокругъ Московскаго государства на протяженіи цѣлыхъ столѣтій не было сильныхъ противниковъ, и оно безъ особыхъ усилій захватывало одинъ край за другимъ. Исчезли эти условія, выросли вокругъ Москвы сильные противники, и сталъ разваливаться колоссъ на глиняныхъ ногахъ.

Колоссы валится, а люди не хотятъ взглянуть „въ корень“ и яростно накидываются на тѣхъ, кто спѣшитъ уйти изъ-подъ непріязненныхъ развалинъ.

Выше я, между прочимъ, разсказалъ, какую неприличную жадность проявили московскіе социалисты, когда дѣло коснулось созданія самостоятельнаго украинскаго государства. Я снова подчеркиваю здѣсь это обстоятельство, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вовсе не желая односторонне освѣщать вопросъ, я долженъ привести и другого рода фактъ, который произвелъ на меня, откровенно говоря, очень пріятное впечатлѣніе, ибо свѣдѣтельствowałъ объ искреннемъ и принципиальномъ отношеніи къ украинскому вопросу, хотя для меня лично и совершенно неприемлемомъ.

Меня пригласилъ къ себѣ, чтобы специально побесѣдовать объ этомъ вопросѣ, извѣстный московскій публицистъ В., который еще четыре года назадъ крайне отрицательно относился къ украинству. Нѣкоторые факты и наблюденія послѣднихъ лѣтъ убѣдили его, что украинскій вопросъ имѣетъ свои серьезныя основанія, но и послѣ этого В. остался сторонникомъ идеи російской великодержавности, признавая лишь широкую культурную автономію для отдѣльныхъ націй — не больше. И вотъ этотъ самый писатель, старый марксистъ, сказалъ мнѣ: „Я — великодержавецъ, но сейчасъ, въ настоящій моментъ, я не вижу для Украины лучшаго пути, какъ оріентація на Европу. Самая мудрая политика это та, что проводится сейчасъ у васъ. Какъ марксистъ, я признаю лишь тѣ политическіе пути, которые опираются на опредѣленную экономическую базу; а скажите пожалуйста, какія могутъ быть сейчасъ экономическія связи Украины съ Россіей? Украина и въ данный моментъ обладаетъ избытками хлѣба, желѣза, сахара и т. д. и, разумѣется, даромъ ихъ никому не отдастъ; а между тѣмъ что можемъ мы предложить въ обмѣнъ? Наша фабрично-заводская промышленность разрушена революціей, особенно въ большевистскій ея періодъ, и долго еще, цѣлые годы, мы будемъ приходить въ себя, долго еще будетъ тянуться наше воскрешеніе. Европа хотя сейчасъ также не имѣетъ запасовъ, но можно быть увѣреннымъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она сможетъ демобилизовать нѣкоторую часть своихъ фабрикъ и дать Украинѣ необходимыя ей товары. А года черезъ два послѣ ликвидаціи войны тамъ навѣрное уже все будетъ налажено“.

Я не стану приводить здѣсь дальнѣйшія подробности своей бесѣды съ г. В., но долженъ замѣтить, что вполне резонныя указанія московскаго публициста освѣщаютъ лишь одну сторону вопроса — отрицательную. Между тѣмъ необходимо признать, что наряду съ нею было и остается кое-что и положительное въ экономическихъ взаимоотношеніяхъ Украины и Россіи и прежде всего то, на что неоднократно указывалъ еще покойный Драгомановъ, когда выяснялъ, на какихъ основахъ должна созидаться Всероссійская федерація.

Украина испытываетъ большую земельную тѣсноту, а между тѣмъ народъ украинскій — народъ хлѣбоборовъ, и въ немъ всегда наблюдалась сильная тяга къ колонизаціи. Между прочимъ онъ съ успѣхомъ колонизуетъ не только Сибирь, но, какъ указывалъ Драгомановъ въ „Вісній Спільці“, и такъ-называемыя запашныя земли въ Донско-Каспійской области, которая непосредственно примыкаетъ къ украинскимъ землямъ.

Разумѣется, колонизація очень часто является нездоровымъ социальнымъ и политическимъ фактомъ. Ей должна быть противопоставлена прежде всего широкая демократическая аграрная реформа, а затѣмъ улучшение условий земледѣлія на мѣстахъ, меліоративныя мѣры и интенсификація сельскаго хозяйства; но въ современныхъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ это не можетъ въ достаточной мѣрѣ разрѣшить вопросъ, и безъ эмиграціи, пока-что, намъ едва ли обойтись. Отдѣленіе Украины отъ Россіи безусловно не можетъ отразиться благопріятно на разрѣшеніи этого вопроса. Оно затруднитъ выходы изъ него.

На-ряду съ этимъ стоитъ рядъ другихъ, менѣе значительныхъ, но все-же имѣющихъ извѣстную цѣну обстоятельствъ, и въ томъ числѣ испытываемая Украиной потребность въ такихъ предметахъ, конхъ на Западѣ еще меньше, чѣмъ у нея, но какихъ много на сѣверѣ,—какъ, на-примѣръ, лѣсъ и произведенія изъ него.

Нельзя также цѣликомъ игнорировать и тѣхъ экономическихъ связей и интересовъ, которые имѣютъ значеніе не только для украинской промышленности, какъ таковой, но и для обслуживающихъ ее рабочихъ массъ.

Я не буду останавливаться на этой сторонѣ вопроса и лишь замѣчу, что всѣ экономическія условія, благопріятствующія федеризированію Украины съ Великороссіей, не могутъ имѣть никакого значенія въ томъ случаѣ, если федерація эта грозитъ оказаться клочкомъ бумаги, политическимъ миражемъ, когда все время будетъ висѣть Дамокловъ мечъ надъ матеріальной, духовной и политической культурой украинскаго народа.

Только годы вполнѣ независимаго отъ Россіи государственнаго существованія Украины могли-бы въ достаточной мѣрѣ закрѣпить и усилить ея національно-государственную сопротивляемость.

Съ другой стороны, только годы изолированнаго существованія великорусскихъ областей, какъ естественный результатъ предшествовавшей хищнической политики Москвы и Петербурга, могли бы измѣнить, по сути, а не только по формѣ, политическое міросозерцаніе и психологію людей, непреодолимо стремящихся къ захватамъ.

И потому, если исторія не выдвинетъ новыхъ непреоборимыхъ для Украины силъ, то, на нашъ взглядъ, лишь спустя годы можетъ быть поставленъ на очередь, безъ угрозы украинской государственности, вопросъ о московско-украинской федераціи.

Спустя годы, но ни въ коемъ случаѣ не сейчасъ, не теперь.

Ал. Саликовскій.

Кіевъ, 20 іюня 1918 г.

Украинскія политическія партіи.

Соціалисты-федералисты.

Революція 1917 года призвала к жизни и активной работѣ среди украинскаго народа украинскія революціонныя партіи, которыя до того времени находились в тисках царскаго самодержавія и таились в подпольѣ.

Таких партій на украинской политической аренѣ в настоящее время собственно три: украинская социал-демократическая рабочая партія, свѣдѣнія о которой даны в № 3—6 „Украинской Жизни“, украинская партія социалистов-революціонеров и украинская партія социалистов-федералистов *). Первая из них, у.с.-д. р. п., как партія классовая, во главу угла своей дѣятельности положила стремленіе к осуществленію социальних реформ, придавая національно-политическому моменту украинской революціи лишь служебную роль. Если в средѣ этой партіи сейчас намѣчаются и національно-максималистскія теченія, то они объясняются исключительно той сложной, принимающей катастрофическій характер, обстановкой, в которую попало развитіе революціи, но не выходит из ея программных требованій и теоретическаго обоснованія.

Что касается украинской партіи социалистов-революціонеров, то она восприняла цѣликом идеологию и программу одноименной русской партіи, удѣляющей в своей программѣ видное мѣсто національному моменту. Украинскіе с.-р. выдвигают этот момент значительно рѣзче и сильнѣе.

Что касается партіи социалистов-федералистов, то она непосредственно связана с традиціями всего предшествовавшаго періода украинскаго движенія, начиная с Кирилло-Меодіевских братчиков, и базируется в значительной мѣрѣ на идеях Драгоманова.

В области національно-политической главным лозунгом борьбы и основным пунктом программы названной партіи является федерація. В федеративном строѣ партія видит единственное средство національно-культурнаго развитія всѣх народов, не стѣсненнаго никакими путями империалистическаго или демократическаго централизма, который в интересах роста капиталистическаго хозяйства или социалистической борьбы навязывает им свое пониманіе форм и границ политической эволюціи. По мнѣнію с.-ф партій, только полное, ничѣм неограниченное національно-культурное и политическое строительство каждой націи является залогом міровой культуры, залогом братства и мирнаго сожителства всѣх народов. В осуществленіи идеи федерализма партія видит и могучее средство

*) Образовавшіяся в послѣднее время украинская трудовая партія, федеративно-демократическая (партія украинской буржуазіи) и народная партія (буржуазно-самостійническая) еще ничѣм себя не проявили.

избѣгнуть тѣх кровопролитных столкновѣній, которыя на протяженіи XIX и XX вѣков принимали еще большіе размѣры, а в нынѣшнюю войну приняли міровой характер. Федерация національных держав—таков конечный идеал в области политической, который поставила перед собой украинская партія соц.-федералистов.

Этой идеей проникнута была и международная внѣшняя политика правительства Украинской Народной Республики, руководимая представителем партіи соц. фед.—А. Шульгиным. С одной стороны стремленіе соединить на почвѣ взаимных интересов и невмѣшательства во внутреннія дѣла распавшіяся части Россійской державы при сохраненіи внутренней самостоятельности Украины, с другой—усилія склонить к миру все воюющія державы на основѣ отказа от насильственных захватов, предоставленія всем народам права на полное свободное самоопредѣленіе и установленія новых взаимоотношеній на добровольных договорных началах.

В области социальной партія соц.-федералистов, как и все социалистическія партіи, ставит конечной цѣлью своей борьбы достиженіе и осуществленіе социалистическаго строя. Но в противоположность нѣкоторым партіям (стоящим на той же социальной платформѣ), которыя осуществленіе социализма считают ближайшей своей задачей и стремятся во что бы то ни стало произвести социальный переворот,—партія соц.-фед. в настоящій момент, в современных условіях капиталистическаго хозяйства, считает возможным лишь уничтоженіе всех сословных и классовых привилегій, полное политическое уравненіе всех слоев общества и осуществленіе максимума тѣх неотложных социальных реформ, которыя могли-бы удовлетворить социальные потребности трудящихся масс, крестьянских и рабочих, без коренной ломки хозяйственных отношеній, результатом которых явилось бы общее пониженіе производительности и паденіе сельскохозяйственной культуры.

В своей экономической программѣ партія соц.-фед. стоит на государственной точкѣ зрѣнія. Разрѣшеніе аграрнаго вопроса, выдвинутаго революціей во всей его полнотѣ, партія ставит в тѣсную зависимость от интересов хозяйственнаго дѣла, а также, главным образом, от тѣх исторически сложившихся форм народнаго землепользованія, которыя составляют одну из основных черт народнаго психологіи в области хозяйственных отношеній. Партія соц.-фед. считает возможным и цѣлесообразным проводить аграрную реформу как социалистическій этап, но в соответствии с народными понятіями, не навязывать народу чуждые и непонятныя формы, заимствованныя от чужих народов, построенныя на иных хозяйственных отношеніях. Социализация земли, напримѣр, рѣшительно отвергается партіей соц.-фед., как невозможная к осуществленію в настоящій момент форма разрѣшенія аграрнаго вопроса. В этом отношеніи партія соц.-фед. приближается в своей программѣ к укр. соц.-дем. партіи, которая хотя и стоит на чисто-классовой позиціи, но стремится согласовать классовые интересы пролетариата съ общенародными интересами и руководится в своей политической дѣятельности интересами развитія производительных сил страны, как единаго экономического организма.

Третьим моментом, характеризующим партію, является ея тактика, пути и способы достиженія требованій программы.

Не отрицая революціоннаго пути въ политической и социальной борьбѣ, в извѣстных условіях политических и экономических отношеній, партія соц.-фед. отвергает социальный большевизм, отдающій революціонное строительство новых форм народной жизни на волю разбушевавшейся стихіи и отрицает социальный максимализм, не сдерживаемый разумным пониманіем переживаемаго момента и границ достижимаго. Партія отрицает принцип „революція для революціи“, видя в революціи лишь одно из средств политической и социальной борьбы, хотя и очень радикальное по существу, но не всегда совершенное по достигаемым им результатам, как это мы видим теперь в гражданской войнѣ, поднятой большевиками.

В настоящих условіях, когда наибольшим успѣхом среди масс пользуются демагогическіе лозунги, пускаемые в политическій оборот в цѣлях партійной агитаціи, партія социалистов-федералистов, которая не стала на этот путь, пользуется меньшим политическим вѣсом, чѣм нѣкоторыя другія партіи, но объединив в своих рядах преимущественно трудовую украинскую интеллигенцію, партія, по мнѣнію ея руководителей, обеспечила свое будущее развитіе и свое вліяніе на ход политической жизни Украины на будущее время,—время спокойной творческой національно-культурной и политической работы.

Остается сказать нѣсколько слов о дѣятельности партіи соц.-федералистов за время революціи. Возродившаяся „Украинская радикально-демократическая партія“ в первые же дни революціи обнаружила свою непригодность к новым условіям политической и национальной жизни. В ея средѣ образовалась лѣвая группа, стоявшая на чисто-социалистической платформѣ, которая на первой партійной конференціи провела новую программу; это обстоятельство откололо правую часть партіи, а лѣвая, принявшая новую программу, признала необходимым переимѣнить старое названіе партіи, болѣе не соответствовавшее ея идеологии и программѣ. Первая конференція партіи соц.-фед. была созвана 25—28 іюня 1917 года. На конференціи прочитали доклады по вопросам программы и тактики: А. Шульгин („Идеология, организація и названіе, партіи“, „Федеративный строй в Россіи“), А. Никовскій („Автономія Украины“), И. Фещенко-Чоповскій („Экономическіе вопросы на Украинѣ“), М. Кушнир („Земельный вопрос на Украинѣ“), В. Войко („Рабочій вопрос“), С. Ефремов („Общеполитическая тактика“). Резолюціи, принятые по докладам, легли в основу новой программы, в частности конкретные проекты федераціи и автономіи, а также разрѣшенія аграрнаго вопроса почти цѣликом вошли в программу. По второму докладу А. Шульгина была принята резолюція, п. 3 которой гласитъ: „В интересахъ всеобщаго мира и международнаго соглашенія украинск. партія соц.-фед. считаетъ неминуемымъ этапомъ в исторіи человѣчества, чтобы великая федерація народовъ Россіи стала началомъ и примѣромъ для болѣе широкой, европейской или всемірной федераціи вольныхъ народовъ“. По докладу Ефремова п. 1 резолюціи гласитъ: „Не отказываясь отъ революціонныхъ путей и методовъ борьбы, когда в нихъ будетъ потребность, и объединяясь в этомъ со

всей революціонной демократіей, украинская партія соц.-фед. будет идти эволюціонным путем и будет обращать особенное вниманіе на реальную работу по организаціи народных масс, чтобы этим обезпечить завоеванія революціи, укрѣпить экономическое благосостояніе и поднять культурный уровень украинскаго народа" (Отчет о конференціи см. № 79 „Новой Рады“).

На 2—4 сентября 1917 г. Центральный Комитет партіи постановил созвать партійный съѣзд. Но делегатов от провинціальных организацій прибыло меньше половины, почему было рѣшено этот съѣзд считать конференціей.

На второй конференціи были подвергнуты критикѣ нѣкоторые пункты программы. Между прочимъ конференція приняла дополненіе к § 27 программы (церковныя дѣла) об отдѣленіи церкви от государства. Детальному обсужденію была подвергнута финансовая сторона земельной реформы. Было сдѣлано предложеніе допустить мелкую собственность на землю, но в этот раз оно было отвергнуто.

По докладу М. Кушніра об организаціи партіи и избирательных блоках было постановлено обратить большее вниманіе на мѣстные круги интеллигенціи, отчасти совѣм неорганизованные, отчасти объединившіеся в „Селянских Спілках“, „Просвітах“, принять дѣятельное участіе в выборах в Учредительное Собраніе. При этомъ было высказано желаніе, чтобы, в виду ограниченія функцій Учредительнаго Собранія разрѣшеніем лишь общеполитических и національных вопросов, выступить единым національно-соціалистическим фронтом, блокируясь со всѣми украинскими соціалистическими партіями.

М. Корчинскій прочиталъ доклад о „Россійском и Украинском Учредительном Собраніи“, в котором проводилъ мысль о том, что Россійское Учредительное Собраніе должно будет выработать только основную конституцію государства.

Для обезпеченія федераціи необходимо получить сильное національное представительство, войти в соглашеніе с представительством других націй, началом которому может послужить съѣзд народов, созываемый в Кіевѣ, организовать общественное мнѣніе через органы мѣстнаго самоуправленія и созвать украинское Учредительное Собраніе, которое явится полным выразителем воли украинскаго народа.

А. Шульгин сдѣлал доклад о „Центральной Радѣ и Генеральном Секретаріатѣ“, в котором доказывал, что Секретаріат должен вести только ту политику, которая диктуется интересами народа и проч. „Что бы ни случилось в Петроградѣ и Москвѣ, Генеральный Секретаріат и Центральная Рада должны существовать“,—закончилъ свою рѣчь докладчик.

Послѣ информаций с мѣст конференція заслушала доклад В. Прокоповича о „Просвѣщеніи на Украинѣ“. „Война,—говорилъ докладчик,—понижила культурный уровень общества, а революція отвлекла вниманіе в сторону политической борьбы; нѣтъ вниманія к украинской культурѣ. Чтобы вчерашніе рабы стали сознательными гражданами, чтобы они дали мощный фундамент для политической работы, обезпечили существованіе республиканскаго строя,—необходима интенсивная культурная работа. Большая ошибка думать, что украинизм *решает* существующую

школу значит создать *украинскую* школу. Нужно оживить школу, приблизить ее к народу, влить в нее народную душу“.

Доклад „О войнѣ и мирѣ“ прочитал С. Ефремов. По докладу принято порученіе Ц. Комитету и фракціи с.-ф. в Ц. Радѣ поддержать борьбу за мир во имя спасенія революціи“.

Партія соц.-федералистов играла вначалѣ значительную роль главным образом вслѣдствіе сосредоточенія в своей средѣ наиболѣе интеллигентных сил. Конкретно эта роль выявилась о том, что когда Генеральному Секретариату пришлось взять в свои руки фактическое управленіе Украиной, в его составѣ была почти половина членов представителей партіи; таковы Генеральные Секретари: національных дѣл—А. Я. Шульгин, финансов—М. И. Туган-Барановскій, Генеральный писарь—А. И. Лотоцкій, Комиссар при Временном Правительствѣ—П. Я. Стебницькій. Послѣдовавшія затѣм измѣненія политической обстановки и пополненіе Секретариата новыми членами измѣнили и его состав. Но фактически во многих Секретарствах социалисты-федералисты работали на отвѣтственных постах товарищей Генеральных Секретарей и директоров департаментов, ведущих всю техническую работу по организаціи и управленію вѣдомствами.

Точно также в области административного управленія партія выдвинула на видные посты ряд своих членовъ.

Событія, развернувшіяся на Украинѣ в январѣ—апрѣлѣ 1918 г. поставили на очередь дня необходимость пересмотра нѣкоторых положеній программы и тактики с.-ф., в виду чего в маѣ был созван с'ѣзд партіи. На с'ѣздѣ были прочитаны доклады: А. Никовским—„Внутреннее положеніе на Украинѣ и организація власти“, А. Шульгиным—„О международном положеніи Украины“, И. Фещенко-Чоповским—„Об экономическом положеніи Украины“, К. Мацѣвичем—„Земельный вопрос на Украинѣ“, М. Корчинским—„Организаціонная работа в партіи“. М. Кушником—„Дѣятельность фракціи с.-ф. в Центральной Радѣ“, В. Прокоповичем—„О совѣтѣ народных министров“ и С. Ефремовым—„Тактика партіи“.

Из принятых на с'ѣздѣ многочисленных постановленій приведем наиболѣе важные.

По вопросу о государственной независимости Украины принята слѣдующая резолюція:

„Партія во время своего образованія исходила из того взгляда, что наиболѣе реальным и полезным для Украины является ея федеративное объединеніе с Россіей. Дальнѣйшія политическія обстоятельства—централистическая и своекорыстная политика російскаго правительства, общества и партій, враждебное отношеніе к дѣйствительному федерализму и, наконец, большевѣтская авантюра—выдвинули идею самостоятельности украинскаго государства.“

„Считаясь с новыми реальными условіями жизни, партія с.-ф. признала государственность Украины и все время в своей парламентской и общей политикѣ поддерживала эту идею и содѣйствовала консолидаціи украинскаго государства. Но вмѣстѣ с тѣм партія понимает, что идея федерализма в политической жизни имѣет такое же общемировое значеніе, как в социально-экономической жизни социализм, и потому обѣ эти идеи

должны остаться руководящими принципами партіи. Подобно тому, как социализм объединяет всё трудящиеся массы всего мира, так федерализм заключает в себя идеал того всемирного единения государств, какое только и может служить гарантией против империализма и войны.

„Что касается ближайших перспектив, то, считаясь с реальными обстоятельствами жизни Россіи, партія для данного момента исключает всякую возможность федеративной связи с Великороссіей. Но вмѣстѣ с тѣм единение с другими сосѣдями, которые создадут в настоящее время свою государственность, партія признает возможным и желательным в интересах Украины“.

По аграрному вопросу принята слѣдующая резолюція:

„1. Верховное право собственности на землю принадлежит государству. Для общественных и государственных нужд государство отчуждает земли от собственников за соответственную плату.

2. Подтверждая свой социалистическій идеал, согласно которому частная собственность на землю впоследствии должна быть уничтожена, чтобы окончательно исключить землю из числа способов эксплуатаціи человеческого труда, съѣзд считает необходимым в современных условиях хозяйственной жизни на Украинѣ, в интересах развитія ея производительных сил и интенсификаціи сельскаго хозяйства, провести рѣшительную и послѣдовательную демократизацію землевладѣнія на основах частной собственности, признавая наиболѣе производительным трудовое сельское хозяйство. Эта демократизація должна быть проведена на основѣ принудительнаго отобранія за опредѣленную плату всѣх земель выше трудовой нормы и передачи их малоземельному и безземельному крестьянству“.

Далѣе слѣдуют подробныя и конкретныя указанія плана и средств к осуществленію приведеннаго постановленія.

В сентябрѣ 1918 г. состоялась конференція партіи с.-ф., которая утвердила партійную программу в том видѣ, какой она приняла послѣ введенія в нее положеній, выработанных на съѣздѣ.

К означенному слѣдует добавить, что послѣ октябрьскаго правительственнаго кризиса, который повлек за собою попытку войти в соглашеніе с украинским національным союзом, в состав коалиціоннаго кабинета вошли от партіи с.-ф. А. Вязлов—министром юстиціи, А. Лотоцкій—министром исповѣданій, М. Славинскій—министром труда и П. Стебницькій—министром народ. просвѣщенія. Кабинет, в который входили названныя лица, просуществовал всего лишь три недѣли—до 14 ноября 1918 г., когда послѣдовал новый переворот, вызвавшій возстаніе и образованіе Директоріи *).

В. Б.

*) Предназначавшаяся для настоящаго сборника статья об украинской партіи с.-р. не была своевременно доставлена редакціи и войдет в слѣдующій сборник, равно как и статьи о других украинских партіях.

Из области „благого попеченія“ объ украинской литературѣ.

Печатаемые ниже документы извлечены изъ архива упраздненнаго революціей кievскаго комитета по дѣлам печати, в котором хранятся весьма цѣнные данныя, касающіяся положенія украинскаго печатнаго слова при царскомъ режимѣ. Эти в своем родѣ сокровища заслуживают, несомнѣнно, тщательнаго обслѣдованія, которое установит многое, бывшее доселѣ тайным в области цензурнаго попечительства об украинской литературѣ. В данное время публикуемъ документы, относящіеся к недавнему прошлому и характеризующіе дѣятельность хорошо извѣстныхъ „спеціалистов“ по украинскому вопросу—б. председателя кievскаго комитета по дѣлам печати проф. Т. Д. Флоринскаго и цензора д-ра С. Н. Щеголева, стяжавших себѣ неувядаемые лавры в дѣлѣ сыска над украинством вообще и украинским литературным движеніем в особенности.

І. Законодательные опыты проф. Т. Д. Флоринскаго.

Ученая и общественная дѣятельность г. Флоринскаго была такова, что, как извѣстно, двери Академіи Наук захлопнулись перед этим почтенным кievским профессором, когда была выставлена его кандидатура в члены высшаго ученаго учрежденія Россіи. И доклады г. Флоринскаго в Главное Управление по дѣлам печати вполне подтверждают, что Академія Наук ни мало не ошиблась, закрыв перед этим кандидатом свои двери: это доклады типичнаго душителя живого слова и живой мысли, это произведенія, от которыхъ пахнет кордегардіей.

Можно с большою вѣроятностью полагать, что знаменитый циркуляр, запрещавшій печатать рѣчи депутатов Государственной Думы в извлеченіях, был навѣян одним из докладов г. Флоринскаго (от 26 апрѣля 1910 г. за № 536). В этом докладѣ г. Флоринскій требовал внесенія в законодательство о печати „непремѣннаго правила“, „чтобы рѣчи, произносимыя представителями правительства в законодательных учрежденіях, печатались в газетах полностью, без сокращеній и измѣненій, согласно стенограммам или официальным телеграммам“. Едва ли извѣстно, что этот же почтенный ученый в докладѣ от того же числа за № 535 пытался подвести под дѣйствіе цензурных законов на правленіе произведеній, в которых даже прокуратура не усматривала признаков преступленія. „Таким образом,—жалуется Главному Управленію почтен-

ный автор „доклада“,—для крайней лѣвой печати остается широкая свобода, замѣнив форму открытаго призыва восхваленіем (революціонных дѣяній), вести свою работу в революціонном направленіи“. Находя, что „с таким положеніем дѣла трудно мириться“, г. Флоринскій почтительнѣйше ходатайствуетъ „о скорѣйшем введеніи в дѣйствіе 133 ст. Угол. Улож. 1903 г., карающей именно восхваленіе преступленій“.

Тѣм менѣе извѣстен третій „доклад“ нашего почтеннаго ученаго от того же числа (что за фатальное число?) за № 534, представляющій собою цѣлый обоснованный трактат о введеніи спеціальныхъ законов для украинскаго печатнаго слова. В виду общественнаго интереса этого „доклада“ и значительной важности его для характеристики цензурных „предположеній“ в отношеніи украинской литературы, печатаем его полностью. Нелишним считаем отмѣтить, что, повидимому, трактат г. Флоринскаго оказался „уж слишком“ даже Главному Управленію по дѣлам печати, так как хода он так и не получил.

Его Превосходительству

Господину Начальнику Главнаго Управленія по дѣлам печати.

„Имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства нѣсколько общихъ соображеній по вопросу о вредном противогосударственном направленіи значительной части украинской печати в Кіевѣ и о мѣрах борьбы с этим направленіем.

Со времени отмѣны стѣсненій, ограничивавших изданіе книг и журналов на малорусском нарѣччі, и с облегченіем условій открытія просвѣтительныхъ обществ на югѣ Россіи, значительно усилилось т. н. „украинское движеніе“ и, как выраженіе его, получила болѣе широкій размах и малорусская печать. Кіев сдѣлался главнымъ средоточіем и этого движенія, и книжно-журнальной производительности на малорусском нарѣччі. Здѣсь находятся главнѣйшія просвѣтительныя общества украинomanов („Просвіта“, „Украинскій Клуб“, „Наукове Товариство“), здѣсь дѣйствуют главнѣйшія книгоиздательскія организациі („Вік“, „Час“, „Народный Учитель“ и пр.), здѣсь издаются почти всѣ сколько-нибудь значительныя малорусскіе газеты и журналы.

Общій характер как всего „украинскаго движенія“, так и полной выразительницы его, малорусской литературы, в настоящее время достаточно опредѣлился. Они являются лишь в слабой степени отраженіем стремленія малорусскаго народа к проявленію своихъ этнографическихъ особенностей и отнюдь не находят себѣ сколько-нибудь замѣтнаго сочувствія ни в широкихъ народныхъ массах, ни среди образованныхъ круговъ уроженцевъ Южной Руси. Главнѣйше украинское движеніе и развитіе малорусской литературы связаны с дѣятельностью особой литературно-политической партіи, выросшей и окрѣпшей по преимуществу в Галиціи и теперь широко царящей в Россіи. Руководимая извѣстнымъ Львовскимъ проф. М. Грушевскимъ (питомцемъ унив. Св. Владиміра), эта партія преслѣдуетъ ясно выраженную программу, осуществленіе которой в жизни с строгой послѣдовательностью и настойчивостью должно привести к разрушенію сплотившагося вѣками національнаго, культурнаго и политическаго единства русскаго народа. Представители этой партіи, именую-

ице себя „украинцами“, опираясь на собственные мнимо-научныя историческія изысканія, идущія в разрѣзъ с безспорными данными настоящей науки и жизни, отстаивают и распространяют мысль о полной племенной и культурной обособленности малоруссов. „Украинцы“ (так они произвольно переименовали Малоруссов), по их утверждению, составляют не часть или разновидность единого русскаго народа, а совершенно особый народ, занимающій свое самостоятельное мѣсто в славянской семьѣ народов. Народ этот, представляющій свои рѣзко-выраженныя этнографическія особенности, по их словам, имѣет свое особое прошлое и должен имѣть свое будущее. В старыя времена он жил в своем „украинскомъ государствѣ“, которое прекратило свое существованіе благодаря давленію со стороны сосѣдей, особенно москалей, сумѣвшихъ подчинить себя „украинцевъ“ и своими насиліями и притѣсненіями отнявшихъ у нихъ возможность дальнѣйшаго политическаго и культурнаго развитія. Но теперь насталъ часъ пробужденія к новой жизни и для „украинцевъ“. Они должны стремиться к проявленію своего національнаго самосознанія и добиваться себя права на самостоятельное національное, культурное, а в болѣе отдаленномъ будущемъ и политическое существованіе. Проф. М. Грушевскій в своихъ трудахъ (статяхъ и брошюрахъ), вышедшихъ в 1905 и 1906 гг., строитъ планы возсозданія автономной Украины. Первымъ этапомъ в осуществленіи этой широкой національно-политической программы должно быть обезпеченіе всякаго рода правъ за украинскимъ языкомъ и всестороннее развитіе украинской литературы. Новѣйшіе украиноманы выставляютъ какъ безспорное положеніе, что русскій литературный языкъ „чужой“ для украинскаго народа, непонятный ему; какъ таковой, онъ долженъ уступить свое мѣсто языку образованнаго на всемъ протяженіи Украины новосозданному книжному „украинскому языку“. „Украинскій народъ“ долженъ всѣми силами добиваться введенія своего „украинскаго языка“ в школы низшихъ, среднихъ и высшихъ, в судѣ, администраціи и общественной жизни на всей занимаемой имъ территоріи. На этомъ языкѣ должна развиваться литература и разрабатываться наука. С пробужденіемъ національнаго самосознанія в народѣ при помощи „украинской“ школы и литературы станетъ возможнымъ переустройство общественныхъ отношеній и государственнаго строя в Украинѣ в духѣ старадавняго „украинскаго демократизма“. Таковы основныя идеи и стремленія пустившей корни в Кіевѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Южной Руси литературно-политической „украинской“ партіи. Вся новѣйшая украинская литература, сосредоточенная главнѣйше в Кіевѣ, имѣетъ цѣлью возможно шире распространять указанную тенденцію партіи и тѣмъ самымъ способствовать осуществленію намѣченной ею программы. Одни изданія болѣе смѣло и откровенно служатъ дѣлу партіи, другія болѣе осторожно и робко развиваютъ сепаратистическія идеи украинomanовъ. Но всѣ они работаютъ в одномъ направленіи, имѣющемъ цѣлью создать расколъ в русскомъ народѣ, отдѣлить в культурномъ (духовномъ) отношеніи малоруссовъ от остальной Руси, лишить ихъ возможности пользоваться русскимъ языкомъ и литературой, создать для русскаго народа два научныхъ и образованныхъ языка и подготовить почву для всякаго иного дальнѣйшаго обособленія малоруссовъ.

Спрашивается—какъ относиться к такому сепаратистическому движенію и указанному отраженію его в новѣйшей „украинской“ печати?

Заключает ли оно в себя признак чего-либо вреднаго и преступнаго с точки зрѣнія интересов русской государственности и образованности?

По моему убѣжденію, согласному с мнѣніями выдающихся русских ученых и общественных дѣятелей, не может быть сомнѣнія относительно нежелательности и вредности указанных явленій. Если существованіе малорусской литературы, как областной, частной литературы русского языка, вполне допустимо и само по себе не может вызывать никаких опасеній, то настойчивая пропаганда в ней идеѣ національнаго и культурнаго, а порой и политическаго сепаратизма едва ли может быть терпима. Идеи эти несомнѣнно заключают в себя планы разрушенія сложившагося вѣками національнаго русскаго организма и вмѣстѣ с тѣм знаменуют собой регресс, движеніе назад. Осуществленіе их в жизни должно приводить к ослабленію политической и культурной мощи Россіи, с одной стороны затрудняя единеніе двух вѣтвей русскаго народа, с другой—создавая для дальнѣйшей общей культурной работы большія помѣхи. То и другое должно быть признано преступным.

Если это положеніе вѣрно, то из него естественно вытекает признаніе необходимости борьбы с украинско-сепаратистическими тенденціями. Так всегда смотрѣл и смотрит на дѣло Кіевскій Временный Комитет по дѣлам печати. Он считает себя обязанным подвергать судебному преслѣдованію тѣ произведенія украинской повременной и неповременной печати, в которых усматривает наиболѣе рѣзкое выраженіе указанных идей украинской партіи. К сожалѣнію, ни одно из возбужденных Комитетом дѣл этого рода в 1909—10 г. не было уважено судебными учрежденіями. Судебная палата, основываясь на заключеніи прокурора, не находит состава преступленія не только в этих произведеніях, авторы которых развивают мысли о племенной и культурной обособленности „украинскаго народа“, объявляют русскій язык чужим для малоруссов и требуют введенія в школах „Украины“ преподаванія на „украинском языкѣ“, но и в таких, как отрывной календарь на 1910 г. книгоиздательства „Час“, гдѣ украинцам внушается, что они не должны давать ни одного гроша из своего кармана на иныя дѣли, как на спеціально украинскія, обязаны вездѣ и всюду говорить только по-украински и смотрѣть на москалей как на исконных врагов Украины.

Неоднократныя бесѣды мои с г. прокуроромъ судебной палаты по поводу возбуждаемых Комитетом дѣл выяснили, что причиной отклоненія представленій Комитета судебными учрежденіями служит не разногласіе судебных властей и Комитета во взглядах на существо дѣла, а отсутствіе в уголовном уложеніи статей закона, под которыя можно было бы подвести пропаганду несомнѣнно преступных идей украинскаго сепаратизма. Статья 129 (п. п. 1, 2 и 6) Уголовнаго Уложенія 1903 г., по которой возбуждаются подобныя дѣла о произведеніях „украинской“ печати, по мнѣнію г. прокурора, не может быть примѣняема к этим дѣлам. В ней говорится: 1) „о возбужденіи к учиненію бунтовщическаго или измѣнническаго дѣянія“, 2) „о возбужденіи к ниспроверженію существующаго в государствѣ общественнаго строя“, 3) „о возбужденіи вражды между отдѣльными частями или классами населенія, между сословіями или между хозяевами и рабочими“. Ни под одно из этих опредѣленій

преступлений, по мнѣнію г. прокурора, не могутъ быть подведены раздающіеся в украинской печати призывы къ разрушенію національнаго и культурнаго единства русскаго народа и покушенія на права русскаго языка, какъ языка государственнаго и образованнаго для всѣхъ вѣтвей русскаго народа.

Такимъ образомъ, борьба съ пропагандой в печати украинскаго сепаратизма путемъ судебныхъ преслѣдованій при дѣйствующемъ уголов. уложеніи невозможна. Внимательное изученіе всего вопроса указываетъ на необходимость внесенія в Уголовное Уложеніе дополнительныхъ статей, которыя ясно опредѣляли бы преступность посягательствъ на національное и культурное единство русскаго народа и на державныя права русскаго государственнаго языка.

О всемъ вышеизложенномъ долгомъ считаю сообщить Вашему Превосходительству, чтобы выяснить трудное положеніе Комитета в виду настойчиваго и вызывающаго тона украинской печати, чувствующей за собой теперь возможность безнаказанно осуществлять преступную программу преступной „украинской“ литературно-политической партіи. Быть можетъ, приведенные в настоящемъ сообщеніи факты и соображенія будутъ приняты во вниманіе какъ матеріалъ при выработкѣ новаго закона о печати“.

II. Изъ сыскной дѣятельности д-ра С. Н. Щеголева.

Г. Щеголевъ, промѣнявшій лекарскій стетоскопъ на баночку красныхъ цензорскихъ чернилъ, законодательными опытами, подобно проф. Флоринскому, не занимался, а проявлялъ себя в болѣе скромной роли—разслѣдователя корней и нитей литературной крамолы, идущей в предѣлы Россійской Имперіи из-за границы. Весьма любопытный и характерный в этомъ отношеніи эпизодъ представляетъ переписка д-ра Щеголева съ черниговскимъ губернаторомъ, пресловутымъ Маклаковымъ, объ уловленіи в г. Конотопѣ членовъ Львовской „Просвѣты“ и календарей этого общества. За № 1601, отъ 17 ноября 1911 г., д-р Щеголевъ послалъ черниговскому губернатору слѣдующее секретное отношеніе: „Въ № 235 издающейся в Кіевѣ на малороссійскомъ нарѣчій газеты „Рада“ отъ 15 сего мѣсяца помѣщена анонимная корреспонденція изъ г. Конотопа о вступленіи в прошломъ и нынѣшнемъ году нѣсколькихъ мѣстныхъ жителей в число членовъ Львовскаго украинофильскаго общества „Просвита“, а также о полученіи этими лицами „большихъ календарей“, издаваемыхъ тѣмъ же заграничнымъ обществомъ, съ цѣлью пропаганды „украинской“ политической автономіи. Препровождая означенный номеръ Вашему Превосходительству для свѣдѣнія, Комитетъ по дѣламъ печати, принимая во вниманіе то обстоятельство, что календари Львовской „Просвѣты“ (имѣющіе, дѣйствительно, большой форматъ) на 1907—11 гг. запрещены центральнымъ Комитетомъ иностранной цензуры ко ввозу в Имперію, а календарь на 1912 г., по всей вѣроятности, судя по его содержанію, постигнетъ та же участь, вмѣстѣ съ симъ имѣетъ честь просить Ваше Превосходительство сдѣлать распоряженіе о провѣркѣ данныхъ, сообщаемыхъ корреспондентомъ, и о послѣдующемъ Комитетомъ увѣдомить на предметъ выясненія весьма важнаго в принципиальномъ отношеніи вопроса о путяхъ проникновенія запрещенныхъ заграничныхъ изданій в предѣлы Имперіи“.

На этот запрос от черниговского губернатора последовал через полгода (такова бюрократическая спѣшность!) слѣдующій отвѣтъ (№ 981 от 21 мая 1912 г., по Канцеляріи): „Вслѣдствіе отношенія от 17 ноября 1911 г. за № 1601, имѣю честь увѣдомить Временный Комитет по дѣлам печати, что разслѣдованіем по поводу помѣщенной в № 285 издающейся в г. Кіевѣ на малорусском нарѣчій газеты „Рада“ от 15 ноября 1911 г. анонимной корреспонденціи из г. Конотопа не было обнаружено в Конотопѣ ни членов Львовскаго украинофильскаго общества „Просвіта“, ни издаваемых тѣм же обществом с цѣлью пропаганды „украинской“ политической автономіи, упомянутых в корреспонденціи календарей“.

Таким образом, сыскной опыт д-ру Щеголеву на этот раз не удался и, быть может, нѣсколько конотопских обывателей, в простотѣ душевной записавшіеся в Львовскую „Просвіту“, не попали в цѣпкія лапы жандармеріи в качествѣ разносителей „украинофильской“ заразы. Добраго желанія в выясненіи „весьма важнаго в принципиальном отношеніи вопроса о путях проникновенія запрещенных заграничных изданій“ во всяком случаѣ у г. Щеголева отнять невозможно.

III. Первые шаги украинской прессы.

Въ архивѣ б. канцеляріи Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго генерал-губернатора хранится немало весьма цѣнных документов, касающихся положенія мѣстной прессы во времена владычества въ нашем краѣ разных помпадуров. Документы эти подчас открывают тайныя для широкой публики движенія встревоженной безпокойством помпадурской души, о которых могли знать лишь посвященные в дѣло лица. В числѣ этих документов имѣются чрезвычайно характерныя данныя, рисующія условія, при которых начала свое существованіе украинская печать. Пользуясь этими документами, а отчасти также документами цензурнаго архива, мы нарисуем исторію первой украинской ежедневной газеты в Кіевѣ—„Громадської Думки“.

„Громадська Дума“ возникла через два мѣсяца послѣ октябрьскаго манифеста 1905 г., благодаря которому впервые стала возможна украинская пресса в Россіи: 19 декабря 1905 г. кіевскій губернатор сообщил в цензуру, отношеніем за № 938, о разрѣшеніи изданія этой газеты „с возложеніем обязанностей отвѣтственнаго редактора на В. Н. Леонтовича“, а 31 декабря вышел первый № изданія. Этот день должен быть записан на страницах исторіи украинскаго слова, как знаменательный момент.

Как и слѣдовало ожидать, украинская газета с первых же дней своего существованія привлекла к себѣ усиленное вниманіе властей поддерживающих. Уже в началѣ января 1906 г. кіевскій отдѣльный цензор А. А. Сидоров,—который, кстати сказать, любил называть себя „другом печати“ и исполнѣ реальную цѣну „дружбы“ котораго прекрасно знали редакторы и издатели кіевских газет, ходившіе к нему „отмаливаться“ *) за

*) Это колоритное выраженіе принадлежит Сухомлинову, который, оказывается, не лишъ был своего рода юмора. В бумагах, касающихся прегрѣшеній газеты „Кіевская Жизнь“, имѣется характерная замѣтка „для памяти“, писанная Сухомлиновым и датированная 20 марта 1906 г.: „Был у меня Лубковскій, сознающійся, что „за прокламацію“ подлежит закрытію, и умоляет только не привлекать по 129 ст. Увѣряет, что отпечатали без его вѣдома“. Поэтому я рѣшил газету закрыть, а от 129 ст. направил его отмаливаться к Сидорову“.

прегрѣшенія своихъ сотрудниковъ,—представилъ генерал-губернатору докладную записку о „несомнѣнно вредномъ направленіи“ газетъ „Громадська Думка“, „Свобода и Право“ и „Кіевскіе Отклики“.

„Считаю долгомъ доложить,—довосилъ „другъ печати“,—что газета „Громадська Думка“, издаваемая на малорусскомъ нарѣчьи, отличается тенденціозностью и систематически пропагандируетъ идею автономіи Малороссіи. Эта пропаганда имѣетъ такія формы и тенденціозность газеты носитъ такой характеръ, что статьи и замѣтки ея не заключаютъ въ себѣ состава преступленій, почему не даютъ основаній для возбужденія судебныхъ преслѣдованій, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что по своему направленію газета „Громадська Думка“ идетъ въ разрѣзъ съ намѣреніями правительства“.

Охарактеризовавъ, далѣе, „Свободу и Право“ и „Кіевскіе Отклики“, Сидоровъ плачется, что „означенныя газеты“ часто остаются безнаказанными за невозможностью уловить „духъ“, хотя таковой и чувствуется изощреннымъ нюхомъ цензурной ищейки. Въ виду этого Сидоровъ ходатайствуетъ объ изданіи обязательнаго постановленія для обузданія газетъ путемъ административныхъ взысканій.

Далѣе изъ дѣла не видно, что генерал-губернаторъ (которымъ въ то время былъ Сухомлиновъ) очень интересовался „Громадскою Думкою“. Къ дѣламъ подшитъ цѣлый рядъ номеровъ этой газеты, причемъ въ нихъ имѣются отчеркнутыя и подчеркнутыя цвѣтнымъ карандашомъ мѣста, а также отмѣтки какъ докладчиковъ, такъ и самого Сухомлинова.

Подшиты слѣдующіе номера „Громадской Думки“: № 11 отъ 13 января съ отчеркнутыми мѣстами въ передовой статьѣ и обзорѣ печати; № 12 отъ 14 января съ отчеркнутыми мѣстами въ передовицѣ, обзорѣ печати и корреспонденціи изъ Глухова за подписью „Надесманецъ“, а также съ отчеркнутымъ объявленіемъ на первой страницѣ о неразрѣшеніи кіевскимъ губернаторомъ газ. „Громадське Слово“ и журнала „Нове Життя“, на что издателемъ подается жалоба въ сенатъ; № 17 отъ 20 января съ отчеркнутыми мѣстами въ передовицѣ и обзорѣ печати и замѣткой въ хроникѣ „Збори українцівъ“; № 19 отъ 22 января съ отчеркнутыми мѣстами въ передовицахъ, статьѣ „Що діється на селі“, хроникѣ („На заводі Гретера“) и корреспонденціи изъ Чернигова за подписью „М. В.“; № 20 отъ 24 января съ отчеркнутыми мѣстами въ передовицѣ, обзорѣ печати и статьѣ „Вільність громадянська“; № 21 отъ 25 января съ отчеркнутыми мѣстами въ передовицахъ и обзорѣ печати.

Изъ этого можно видѣть, насколько внимательно слѣдила администрація за „духомъ“ „Громадской Думки“.

Естественно, что постоянные доклады о „несомнѣнно вредномъ направленіи“ газеты не могли остаться безъ результата. Уже на № 12 „Громадской Думки“ имѣется надпись Сухомлинова: „Эту революціонную „Думку“ давно пора закрыть“. Въ № 17 особенное вниманіе привлекла замѣтка „Збори українцівъ“, гдѣ сообщается о собраніи крестьянъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній (очевидно, рѣчь идетъ о крестьянскомъ съѣздѣ, состоявшемся негласно), которыми принята была резолюція, признававшая Государственную Думу ненужною для русскаго народа и требовавшая учредительнаго собранія, а также отчужденія земель казенныхъ,

церковных и монастырских и передачи всех пригодных для хлебопашества земель в руки самих земледельцев. Против этой замѣтки имѣется отмѣтка докладчика (кажется, Невѣрова, который заведывал тогда одним из отдѣлов ген.-губернаторской канцеляріи): „Узнать, что это за сѣзд, О землѣ—от чуждѣть казенныя, удѣльныя, церковныя, а не отбирать о частновладѣльческой землѣ ни слова. Учредительное собраніе“. На этом же номерѣ имѣется надпись, свидѣтельствующая о том, что мысль о закрытіи „Громадской Думки“ все время не оставляла Сухомлинова: той же рукой, что и приведенная выше отмѣтка, написано: „А. А. Ник. (очевидно, цензор Никольскій) не настаивает на закрытіи. Я тоже“,—а далѣе: „А. А. (очевидно, тот же цензор Никольскій) сообщил, что за напечатаніе о сѣздѣ привлек к уголовной отвѣтственности газету по 129 ст. нов. улож.“.

Кромѣ официальных докладчиков о зловерности „Громадской Думки“, были и „докладчики“ неофициальные, воздѣйствіе которых на помпадурскую психологію было, может быть, существенно воздѣйствіе первых. В дѣлах имѣется анонимный донос, присланный генерал-губернатору, как видно по штемпелям на конвертѣ, 25 января из Кременчуга и представляющій вырѣзанное из газеты „Полтавщина“ объявленіе о подпискѣ на „Громадську Думку“ с подчеркнутыми в программѣ газеты словами, являющимися, очевидно, по мнѣнію доносчика, чѣм-то ужасным „щоб народ український сам порядкував своїми справами і мав свою краєву народню раду“ и „щоб Росія була федерацією (спілкою) вільних народів“. Кромѣ этих требованій, указующій перст анонимнаго доносчика ткнул и на подпись редактора-издателя Леонтовича, а на полях, для большей ясности, сдѣлал надпись: „Неужели можно проповѣдывать это простому народу?“ Сухомлинов, очевидно, также нашел, что нельзя, ибо на доносѣ имѣется его собственноручная надпись: „Надо закрыть“.

Естественным слѣдствіем всего этого явилось постановленіе Сухомлинова от 25 января о пріостановкѣ, на основаніи 14 п. ст. 19 правил о мѣстностях, объявленных на военном положеніи, изданія „Громадской Думки“ на время дѣйствія военного положенія в г. Кіевѣ.

Что дѣлал послѣ этого редактор-издатель „Громадской Думки“ В. Н. Леонтович и как он „отмалчивался“ у „друга печати“ Сидорова, из дѣл невидно. Но 31 января от Сидорова поступила на имя генерал-губернатора за № 116 докладная записка о том, что-де „редактор-издатель газеты „Громадська Думка“ В. Н. Леонтович представил доказательства, что статьи, за которыя пріостановлена была названная газета, были напечатаны в его отсутствіе из Кіева, вслѣдствіе чего Леонтович ходатайствует о разрѣшеніи ему возобновить изданіе „Громадской Думки“, причем обѣщает вести газету в благонамѣренном духѣ. В виду сказаннаго имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, не признаете ли возможным удовлетворить ходатайство г. Леонтовича“. В результатѣ этого заступничества „друга печати“ Сухомлинов, „имѣя в виду заявленіе г. Леонтовича, что в будущем направленіе газеты будет вполне корректное, не идущее в разрѣз с видами правительства“, отмѣнил свое постановленіе о закрытіи „Громадской Думки“, и она начала выходить снова.

К сожалѣнію документов, характеризующих отношеніе администраціи к „Громадской Думкѣ“ послѣ ея возрожденія, в дѣлѣ не имѣется. Зато в цензурном архивѣ имѣется слѣдующій документ, являющійся как бы эпитафіей на надгробном памятникѣ, поставленном усмотрѣніем одного из палачей печати на могилѣ преждевременно скончавшейся первой ежедневной украинской газеты. В виду историческаго интереса этого документа воспроизводим его полностью:

„Временный Генерал-Губернатор г. Кіева и Кіевской губерніи Генерал-Лейтенант Шмидт, рассмотрѣвъ рапорт Кіевского Полицеймейстера от 19 августа 1906 г. о результатах произведеннаго в ночь на 18 число сего августа обыска в помѣщеніи редакціи издающейся в г. Кіевѣ газеты „Громадская Думка“, каковым обыском обнаружено нахожденіе в названной редакціи нелегальных изданій в большом количествѣ, на основаніи п. 14 ст. 19 правил о мѣстностях, объявленных на военном положеніи (прил. к ст. 23 Общ. Учр. Губ. т. II Св. Зак. изд. 1892 г.), постановил: приостановить изданіе газеты „Громадська Думка“ на все время дѣйствія объявленнаго в г. Кіевѣ и Кіевской губерніи военнаго положенія. Копію сего постановленія препроводить и. д. Кіевского Губернатора для исполненія, о чем довести до свѣдѣнія Министра Внутренних Дѣлъ“.

Так жила и так погибла первая украинская газета.

С. Б.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Отъ редакціи	I
Къ читателямъ	1
Изъ исторіи „Украинской Жизни“ (личныя воспоминанія) А. Ө. Саликовскаго	7
Работа „Украинской Жизни“ за 1912—1917 г.г. П. Смутна.	17
Логика жизни П. Я. Стебницкаго	23
Украина и Московское самодержавіе. В. Пичета	44
На поворотѣ (къ послѣднимъ страницамъ нашей исторіи). С. А. Ефремова	62
Роль коопераціи въ національномъ возрожденіи Украины. Ф. П. Матушевскаго	77
Исторія одной книги. Проф. Н. И. Петрова	95
Синтезъ украинской литературы. О. Бѣлоусенко	102
Кризисъ федеративной идеи на Украинѣ. А. Ө. Саликовскаго.	116
Украинскія политическія партіи.—Соціалисты-федералисты. В. Б.	123
Изъ области „благого попеченія“ объ украинской литера- туры С. Б.	129

2x520 Ron.

р/1 5222

Чортків 11 квіт. (1986)

БІБЛІОТЕКА
ГО ТОВАРИСТВА ІМ. ШЕВЧЕНКА
у Львові.

938

Хмельницький

УНІВ.
ЖИЗНЬ